

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»)

Выходит три раза в год

2

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ПРИГОДИЧ Н. Г.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: prigodichNG@bsu.by

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by

РОВДО И. С. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rovdais@bsu.by

**Ответственный
секретарь** **ЕФИМОВА Н. В.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Буняк П. Белградский университет, Белград, Сербия.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Академия образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Гутовская М. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Копылов И. Л. Институт языкознания им. Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Кузнецов С. А. Центр экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
Лебединский С. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Саверченко И. В. Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Синькова Л. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хмельницкий Н. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Чеховский Г. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шешкен А. Г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Минск, Россия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Намеснікі галоўнага рэдактара	ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: goncharova_s@tut.by РОЎДА І. С. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: rovdos@bsu.by
Адказны сакратар	ЯФІМАВА Н. В. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Алініэль К.</i>	Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
<i>Буняк П.</i>	Бялградскі ўніверсітэт, Бялград, Сербія.
<i>Бутырчык Г. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Важнік С. А.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Валодзіна Т. В.</i>	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Валочка Г. М.</i>	Акадэмія адукацыі, Мінск, Беларусь.
<i>Валынец Т. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Ваявода А. У.</i>	Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
<i>Гладкава Г.</i>	Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
<i>Гутоўская М. С.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Дубінка С. А.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Золтан А.</i>	Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
<i>Капылоў І. Л.</i>	Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Колер Г.-Б.</i>	Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
<i>Крчмер А.</i>	Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
<i>Кузняцоў С. А.</i>	Цэнтр экспертыз Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта, Санкт-Пецярбург, Расія.
<i>Лебядзінскі С. І.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Мячкоўская Н. Б.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Паплаўская Т. В.</i>	Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Саверчанка І. В.</i>	Інстытут літаратуразнаўства Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
<i>Саевіч М.</i>	Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
<i>Сінькова Л. Д.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Старычонок В. Д.</i>	Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
<i>Тараненка А. А.</i>	Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
<i>Хаўстовіч М. В.</i>	Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
<i>Хмяльніцкі М. М.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Цзян Цюнь</i>	Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
<i>Чахоўскі Г. К.</i>	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
<i>Шэшкен А. Г.</i>	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	PRYHODZICH M. R. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Deputy editors-in-chief	GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: goncharova_s@tut.by
	ROVDO I. S. , doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: rovdois@bsu.by
Executive secretary	JAFIMAVA N. V. , PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Allignol C.</i>	Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Bunjak P.</i>	University of Belgrade, Belgrade, Serbia.
<i>Butyrchik G. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Chahouski G. K.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Gutovskaya M. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Khmielnitski M. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kopylov I. L.</i>	Yakub Kolas Institute of Linguistics of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Kuznetsov S. A.</i>	Centre of Expertise of the Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
<i>Lebedinskiy S. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Saverchanka I. V.</i>	Institute of Literature Researches of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Sheshken A. G.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Sin'kova L. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Valochka H. M.</i>	Academy of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Vazhnik S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.162.3

ОБРАЗ ГОРОДА В ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Ю. А. ШЛЕМЕН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется образ города в чешской литературе рубежа XIX–XX вв. на примере творчества знаковых фигур чешской прозы и поэзии. Дается обзор чешской прозы, посвященной городской теме, основные мотивы которой отразились на поэзии начала XX в. Среди авторов чешских стихотворных произведений, написанных на рубеже веков, выделяются декаденты, анархистские бунтари и символисты. Изучаются тексты данного периода, принадлежащие немецкоязычным писателям чешского и еврейского происхождения и содержащие их взгляд на образ Праги.

Ключевые слова: образ города; чешская поэзия рубежа XIX–XX вв.; декадентские стихи; стихи анархистских бунтарей; символистские произведения.

Образец цитирования:

Шлемен ЮА. Вобраз горада ў чэшскай паэзіі рубяжа XIX–XX стст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2025;2:5–11.
EDN: VUXBDO

For citation:

Shlemen YuA. The image of the city in Czech poetry of the turn of the 19th and 20th centuries. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:5–11. Belarusian.
EDN: VUXBDO

Автор:

Юлія Аляксандраўна Шлемен – аспірантка кафедры тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт А. У. Вострыкава.

Author:

Yulia A. Shlemen, postgraduate student at the department of theoretical and Belarusian literary studies, faculty of philology.
yulenska.shlemen@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-5471-3918>

ВОБРАЗ ГОРАДА Ў ЧЭШСКОЙ ПАЭЗІІ РУБЯЖА XIX–XX стст.

Ю. А. ШЛЕМЕН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Даследуецца вобраз горада ў чэшскай літаратуры рубяжа XIX–XX стст. на прыкладзе творчасці знакавых постацей чэшскай прозы і паэзіі. Дзецца агляд прозы, прысвечанай гарадской тэме, асноўныя матывы якой адлюстраваліся на паэзіі пачатку XX ст. Сярод аўтараў вершаваных твораў, напісаных на рубяжы стагоддзяў, вылучаюцца дэкадэнты, анархісцкія бунтары і сімвалісты. Вывучаюцца тэксты дадзенага перыяду, якія належаць нямецкамоўным пісьменнікам чэшскага і яўрэйскага паходжання і змяшчаюць іх погляд на вобраз Прагі.

Ключавыя словы: вобраз горада; чэшская паэзія рубяжа XIX–XX стст.; дэкадэнцкія вершы; вершы анархісцкіх бунтароў; сімвалісцкія творы.

THE IMAGE OF THE CITY IN CZECH POETRY OF THE TURN OF THE 19th AND 20th CENTURIES

Yu. A. SHLEMEN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author examines the image of the city in Czech literature of the turn of the 19th and 20th centuries on the example of the work of significant figures of Czech prose and poetry. A review of Czech prose devoted to urban theme is given, the main motifs of which are reflected in the poetry of the early 20th century. Among the authors of Czech poetry, written at the turn of the centuries, decadents, anarchist rebels and symbolists are singled out. The texts of this period, belonging to German-speaking writers of Czech and Jewish origin and containing their view of the image of Prague, are studied.

Keywords: the image of the city; Czech poetry of the turn of the 19th and 20th centuries; decadent poems; poems of anarchist rebels; symbolist works.

Уводзіны

Апісанне гарадской прасторы часта сустракаецца ў чэшскіх мастацкіх творах рубяжа XIX–XX стст. Яна прадстаўляла інтарэс для аўтараў, паколькі выступала «складаным шматструктурным утварэннем, якое не толькі ўключае разнастайныя будовы, але і з’яўляецца сховішчам неаднародных кодаў, знакаў, магчымасцей – рэалізаваных і нерэалізаваных, ілюзій, міфаў і г. д.»¹ [1, с. 7]. Чэшскія пісьменнікі акрэсленага перыяду пераносілі асноўнае месца дзеяння ў гарадское асяроддзе і паказвалі, што гарады служаць цэнтрам культурнага і гістарычнага развіцця насельніцтва. Яны адлюстроўвалі архітэктурную разнастайнасць, старажытнасць і таямнічасць Прагі, асвятлялі праблемы гарадскіх жыхароў. Большасць мастакоў слова не звярталіся да міфаў і легенд, створаных у часы нацыянальнага адраджэння, а апісвалі сучасны для іх горад. Прага разглядалася як «цэнтр прыцягнення розных сіл, якімі жыве чалавечае грамадства» [1, с. 7], і станаўлення культурнай спадчыны народа. Такім чынам, менавіта на рубяжы XIX–XX стст. у чэшскай літаратуры, у прыватнасці паэзіі, узнік той вобраз горада, да якога звярталіся прадстаўнікі розных літаратурных плыней. Неабходна адзначыць, што гарадская тэма з’яўляецца адной з галоўных у творчасці паэтаў пачатку XX ст.

Чэшскія літаратуразнаўцы праводзілі асобныя даследаванні, прысвечаныя спадчыне паэтаў рубяжа стагоддзяў. У расійскім літаратуразнаўстве ўпершыню да пражскага тэксту як літаратурнай з’явы звярнуўся А. Я. Бабракоў-Цімошкін². Навукоўца разглядаў пражскія творы, у якіх створаны вобраз Прагі як горада метафізічнай, сімвалічнай прыроды. У калектыўнай манаграфіі [1] на прыкладзе пражскіх тэкстаў вывучаны топас горада як феномена культуры, а таксама прааналізавана ўрбаністычная праблема-матыка. Навуковыя працы, прысвечаныя пражскай паэзіі, адсутнічаюць як у чэшскім, так і ў беларускім літаратуразнаўстве, што ўказвае на навізну дадзенай працы.

¹Тут і далей пераклад наш. – Ю. Ш.

²Бабраков-Тимошкин А. Е. «Пражский текст» в чешской литературе конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. М., 2004. 18 с.

Даследаванне накіравана на паказ наяўнасці гарадской тэмы ў чэшскай паэзіі рубяжа XIX–XX стст., вызначэнне пераемнасці адлюстравання вобраза горада ў творчасці пісьменнікаў пачатку XX ст., дэманстрацыю актуальнасці гарадской тэмы ў чэшскай літаратуры. Устанаўленне асаблівасцей рэалізацыі дадзенай тэмы можа быць унесена ў славянскі, у прыватнасці беларускі, літаратурны кантэкст, што дазволіць параўнаць адлюстраванне горада ў розных літаратурах.

Пры напісанні артыкула былі выкарыстаны гістарычна-літаратурны, біяграфічны і апісальны метады з элементамі цэласнага аналізу мастацкага тэксту, а таксама метады суцэльнай выбаркі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Звернемся да чэшскіх пражаных твораў рубяжа XIX–XX ст., у якіх фігуруе вобраз Прагі. Менавіта яны паўплывалі на чэшскую паэзію, напісаную ў рэчышчы папулярных літаратурных плыней XX ст. Успрыманне гарадской прасторы пражанымі Ю. Зэрам, В. Мршцікам і К. М. Чапекам-Ходам адбілася на пралетарскай паэзіі 1920-х гг. з'яўленнем у ёй канфлікта асобы і гарадскога асяроддзя (К. Главачак), асвятлення праблем звычайных працоўных гараджан (Я. Сэйфэрт, Ё. Гора, І. Волькер).

У рамане Ю. Зэра «Ян Марыя Плойгар» («Jan Maria Plojhar», 1888) Прага падаецца праз уражанне галоўнага героя, які захапляецца прыродным асяроддзем (*від на Прагу, на раку, далёка за горадам у бліскучым тумане, від прыгажосці чароўнай* [2, с. 55]) і прываблівым выглядам горада (*адтуль Прага здавалася горадам з казкі* [2, с. 55]). Аднак чэшскі інтэлігент не знаходзіць сабе месца сярод буржуазіі і расчароўваецца ў ёй: *Яму было дрэнна. Успомніў пра жыхароў той Прагі, «таго трагічнага горада». <...> Ён і тое грамадства засталіся чужымі* [2, с. 55]. Падобнае ўспрыманне абмежаванасці мяшчанскага насельніцтва перанялі паэты-дэкадэнты. Напрыклад, К. Главачак пры апісанні гарадскога асяроддзя звяртае ўвагу на страту чалавечнасці ў горадзе. У сваіх вершах ён падкрэслівае неабходнасць захавання ўласнага «я» і нежаданне станавіцца звычайным мешчанінам.

Адзначым, што на рубяжы XIX–XX стст. аўтары адмовіліся ад вобраза Прагі, створанага прадстаўнікам нацыянальнага адраджэння, і паказвалі сапраўднае аблічча горада, які часам паглынае асобу чалавека. Так, у рамане В. Мршціка «Санта Лючыя» («Santa Lucie», 1893) руйнуецца міф пра Прагу як пра Меку чэхаў і каралеву³. Напачатку І. Ёрдан, сын працоўнага з Брно, успрымае чэшскую сталіцу як чорную прыгажуню, чорную спакусніцу, якая прыкрыта белымі влтаўскімі туманамі [3, с. 137–139]. Аднак Прага не прымае такога стаўлення да яе: *...яна задуміла ў сваіх каменных абдымках прастадушнага прыхільніка, захопленнага летуценніка з Брно, прывязанага да яе ўсімі пачуццямі сваёй парывістай душы* [4, с. 35–36]. Напрыканцы твора герой памірае, аднак успаміны пра Прагу да апошняга займаюць яго свядомасць. Вобраз Прагі як каханай жанчыны-спакусніцы адлюстраваны ў паэзіі В. Нэзвала і некаторых вольных вершах Я. Сэйфэрта.

У спадчыне чэшскага натураліста К. М. Чапека-Хода вобраз горада апісваецца праз адлюстраванне дзейнасці звычайных жыхароў. У рамане «Кашпар Лен – мсціўца» («Kašpar Lén mstitel», 1908) аўтар акцэнтуюе ўвагу на існаванні працоўных людзей, якія спрабуюць усялякімі спосабамі зарабіць на жыццё: *У гэту хвіліну Прага сустрэла прыцемкі: сонечны дыск, ледзь узлезшы на вяршыню ўзгорка, тут жа захапіўся над горадам, нібы knot лямпы прыкруцілі. У лічаныя секунды твары працоўных сталі падобныя на вапнавыя маскі, усё вакол пацямнела і набыла выразныя контуры* [5, с. 22]. Паказ горада праз прызму жыцця звычайных гараджан і апісанне іх маральнага збыднення ўласцівы паэтам пралетарскай літаратуры Я. Сэйфэрту, Ё. Гору, В. Нэзвалу.

Усю чэшскую паэзію рубяжа стагоддзяў, у якой аўтары звярталіся да гарадской тэмы, умоўна можна падзяліць на тры групы. Так, вылучаюцца творы паэтаў-дэкадэнтаў, анархісцкіх бунтароў і сімвалістаў.

Упершыню вобраз горада з'явіўся ў творчасці чэшскіх паэтаў-дэкадэнтаў. Яны крытычна паставіліся да асноўных ідэй эпохі нацыянальнага адраджэння, таму вырашылі стварыць уласны вобраз горада ў літаратуры. Менавіта на рубяжы XIX–XX стст. узнік новы культурны міф пра чэшскую сталіцу. Такія аўтары, як К. Главачак, І. Карасек з Львовіц і К. Томан, пачалі апісваць пражскую архітэкттуру, зрабілі горад асноўным месцам дзеяння сваіх твораў.

У тэкстах зборніка К. Главачака «Позна раніцай» («Pozdě k ránu», 1896) прысутнічае матыў смерці, характэрны для ўсёй творчасці дэкадэнтаў, што праявілася і пры стварэнні вобраза горада: *nad městy mrtvými, kde vše se stmívalo, / a krajina v tmě s námi padala vždy hloub a níž, / až všecko v bojácnou náladu splývalo*⁴ [6, с. 22] «над гарадамі мёртвымі, дзе ўсё патанала ў цемры / і зямля ў поцемкі з намі падала заўсёды ўглыб і ніжэй, / ажно ўсё ў пужлівы настрой злівалася». У сувязі з гэтым у многіх вершах апісваецца вобраз пустэльнага горада. У творы «Падводныя гушчары нават не зварухнуліся» («Podmořské pralesy se ani nezachvěly») паказваецца падводны горад, у якім адбылася катастрофа: *Podmořské pralesy*

³Бобраков-Тимошкин А. Е. «Пражский текст»... 18 с.

⁴Тут і далей арфаграфічныя і пунктуацыйныя асаблівасці арыгінальных тэкстаў захаваны. – Ю. Ш.

se ani nezachvěly, / po cestách neschůdných jen táhlý bloudil Vzdech, / z měst zatopených zvony slabě vodou zněly: / vše ve tmách zíralo za Zaslibený Břeh [6, s. 8] ‘Падводныя гушчары нават не зварухнуліся, / па сцёжках непраходных толькі павольны блукаў вецер, / з гарадоў затопленыя званы слаба вадой гучалі: / усё ў цемры глядзела на запаветную зямлю’.

Тэма горада адлюстроўваецца ў першым дэкадэнцкім паэтычным зборніку І. Карасека з Львовіц «Замураваныя вокны» («Zazděná okna», 1894). Яго пранізвае вобраз змрочнага, пакінутага жыхарамі горада, у якім адсутнічаюць любыя прыкметы жыцця: *A šel jsem temnými ulicemi, / A byly prázdné a pusté, a vítr v nich stehnal* [7, s. 54] ‘Я ішоў па цёмных вуліцах, / І былі яны бязлюдныя і пустыя, і вецер у іх стагнаў’. У зборніку згадваецца чэшская сталіца, вобраз якой падаецца лірычнаму герою светлым успамінам пра мінулае: *Je v dáli Praha... Tuším světla tam* [7, s. 52] ‘Удалечыні Прага... Памятаецца, святло там’. У пераважнай большасці твораў вобраз горада падаецца праз эпітэты з адмоўнай канатацыяй, якія паказваюць пануры горад, што цісне на чалавека сваім непрывабным выглядам: *Těžká vrata chmurného paláce. / A jdu schodištěm z černého mramoru. / A kroky mé volají do tmy, / A mrtvé prostory jim odpovídají* [7, s. 55] ‘Цяжкія брамы пахмурнага палаца. / І я іду па лесвіцы з чорнага мармуру. / І крокі мае гучаюць да цемры, / І мёртвыя памяшканні ім адказваюць’. Створаны ў паэзіі вобраз горада знайшоў свой працяг у прозе І. Карасека з Львовіц і быў прадстаўлены праз увасабленне містычнага і катастрофічнага асяроддзя. У кнізе «Гатычная душа» («Gotická duše», 1900) аўтар робіць акцэнт на заняпадзе і знішчэнні, а ў творы «Раманы трох чараўнікоў» («Romany tří mágů», 1907–2025) адлюстроўвае эстэтыку ночы, якая прыцягвае ўвагу да разнастайных пражскіх легенд.

У зборніку «Торс жыцця» («Torso života», 1902) К. Томан паказвае пустынны горад, у якім уладараць адмоўныя пачуцці: *Zpět v město! / Je teskno mi po večerech, / kdy bída v ulicích bloudí / a zoufalství a hlad* [8, s. 43] ‘Назад у горад! / Сумна мне па вечарах, / дзе бяда па вуліцах блукае / і шаленства і голад’. Аднак у параўнанні з творамі названых вышэй дэкадэнтаў у вершах К. Томана ў гарадскім асяроддзі прысутнічае чалавек, таму яно не ўспрымаецца як месца, пазбаўленае жыцця: *Je teskno mi po Praze mé / a po přáteli mi teskno* [8, s. 43] ‘Сумую я па Празе маёй / і па сябру сумую’. Разам з тым толькі лірычны герой адчувае сябе жывым, напоўненым разнастайнымі пачуццямі: *Být živou nitkou v té tkáni, / tak prudce citlivou!* [8, s. 43] ‘Быць жывой ніткай у той тканіне, / такой моцна адчувальнай’. Тым не менш рысы дэкадэнцкай паэзіі відавочны і ў творчасці К. Томана. Так, з дапамогай эпітэтаў перадаецца хворы і шалёны стан лірычнага героя, які знаходзіцца ў горадзе: *Hle, půlnoc v městě, / třesavá světla plápolají větrem, / a má horečná hlava blouzní* [8, s. 51] ‘Глядзі, поўнач у горадзе, / дрыготкія агні трапечуць ад ветру, / і мая ліхаманкавая галава грызніць’.

Разгледзім творчасць паэтаў С. К. Нэймана, Ф. Гельнера і Ф. Шрамека, якія ўваходзілі ў суполку «Анархісцкія бунтары». Яны ўспрымалі горад падобным да дэкадэнтаў чынам. Аднак у іх паэзіі адсутнічае матыў катастрофы, лірычны герой пачуваецца самотна і адчужана ў гарадскім асяроддзі, часта з’яўляюцца прыродныя вобразы.

Твор С. К. Нэймана «Кніга лясоў, вод і пагоркаў» («Kniha lesů, vod a strání», 1914) будзе на яўным супрацьпастаўленні змрочнага горада гарманічнай прыродзе: *pak snil jsem život měst a černých čtvrtí, / grog horký v přístovech jsem s námořníky pil, / až odešel jsem náhle smuten k smrti / bez cíle, tlumoku, bych nyní teprv žil!* [9, s. 112] ‘потым я сніў жыццё гарадоў і чорных кварталаў, / грог горкі ў партах з маракімі піў, / пакуль не сышоў засмучаны да смерці, / без мэты я б цяпер жыў!’, *v aleji lesní kdesi na vrších / jak v tichu zakleté a sladké sluje. / Je šerý den, a deštěk právě ztich, / krůpěje svítí, život podporuje* [9, s. 112] ‘у алеі лясной, дзесяці на вяшынях, / як у цішыні зачараваныя і салодкія пячоры. / Шэры дзень, і дождж якраз прыціх, / кроплі свецяцца, жыццё дрэмле’. Часам радкі паэта выражаюць дэкадэнцкія пачуцці. С. К. Нэйман паказвае пакутлівае жыццё чалавека ў гарадскім асяроддзі: *člověk jen v děrách svých a ulicích / hladem, krví, mozem štván šílenství svých nezmění; / v bílý den i v bílou noc řičí jeho řev i smích, / neustálý boj o život, neustálé říjení* [9, s. 32] ‘чалавек толькі ў норах сваіх і вуліцах, / голадам, крывёй, мозгам атручаны, шаленстваў сваіх не зменіць; / у белы дзень і ў белую ноч гучаць яго роў і смех, / пастаянная бойка за жыццё, пастаяннае паляванне’. Горад падаецца ў вершах як нелітасцівы да асобы чалавека, таму ён мае зменлівае стаўленне да людзей: *já, zdá se, narodil se v městě krutém, / jež nenáviděje hned opět miluji* [9, s. 101] ‘я, здаецца, нарадзіўся ў горадзе жорсткім, / які ненавіджу і потым зноў люблю’.

У зборніку «Пасля нас хоць патоп!» («Po nás ať přijde potopa!», 1901) Ф. Гельнер захапляецца прыроднымі з’явамі, якія можна назіраць у горадзе: *Miluju večerní mlhy / severních velkoměst* [10, s. 36] ‘Люблю вячэрнія туманы / паўночных вялікіх гарадоў’. Аўтар апісвае горад уначы, што робіць гэты вобраз злавесным: *neb samotný kdos, jenž v temnotách / vyřk kletbu nad spícími městy* [10, s. 14] ‘ці самотны нехта, хто ў цемры / выкрыкнуў праклён над соннымі гарадамі’. Жыхары гарадскога асяроддзя характарызуюцца з дапамогай эпітэтаў з адмоўнай канатацыяй: *Mně vstříc po žluté silnici / jde měšák s naduřelým břichem / se svojí tlustou samicí* [10, s. 10] ‘Мне насустрач па жоўтай дарозе / ідзе мешчанін з успухлым пузам /

са сваёй тлустай самкай'. Гарадская прастора паглынае чалавека, таму лірычны герой адчувае сябе знясіленым: *A za svítání městem vrávorál jsem / s tupými smysly, mdlý a vysílen. / A tiseň spala. Oči upíral jsem / lhostejně v mroucí plamen svítlen* [10, s. 38] 'І на світанні па горадзе я мітусіўся / з прытупленымі пачуццямі, вялы і знясілены. / І сум спаў. Раўнадушна я глядзеў / на згаслае полымя ліхтароў'.

У творах зборніка Ф. Шрамека «Жыцця бяды, чаму цябе люблю!» («Života bído, přec tě mám rád!», 1905) лірычны герой імкнецца вырвацца з гарадской прасторы і наблізіцца да прыроды: *provrávorám ulicemi / někam tam, kde končí město, / ze zahrad zde voní kopr* [11, s. 11] 'я іду па вуліцах / кудысьці туды, дзе заканчваецца горад, / з садоў тут пахне кроп'. Яго маральны стан набліжаны да адчаю, а сам горад не прымае чалавека: *ulice v městě zlé byly na mne, / ulice v městě nevedly k štěstí. / K pilířům mostním člověk se nahne, / kdy už mu život těžko je nésti* [11, s. 22] 'вуліцы ў горадзе злаваліся на мяне, / вуліцы ў горадзе не вялі да шчасця. / Да калон маставых нагнецца чалавек, / калі яму ўжо жыццё цяжка несці'.

Прааналізуем творчасць паэтаў-сімвалістаў А. Савы, О. Бржэзіны і В. Дыка. У іх вершах прысутнічаюць матывы пакідання горада і імкнення да вясковага жыцця. Лірычны герой твораў сімвалістаў адчувае сябе адчужана ў гарадской прасторы, у сувязі з чым аўтары апісваюць перавагі вёскі над горадам.

А. Сова часам пераносіць дзеянне твораў зборніка «З майго краю» («Z mého kraje», 1893) у гарадскую прастору і мадэлюе жыццё звычайных пражскіх жыхароў: *Má Josif krámek malý za kostelem* [12, s. 33] 'У Ёзэфа ёсць маленькая крама за касцёлам'. Часта аўтар спалучае вобразы горада і вёскі, яго лірычны герой імкнецца на прыроду: *kams do kraje, kde zraje zlato klasů, / kluk zmizí ze školy a s tátou táhnou / za Prahu s kosami do známých dědin* [12, s. 23] 'куды ў край, дзе спее золата каласоў, / хлопец збягае са школы і з татам цягнецца / за Прагу з косамі ў знаёмыя вёскі'.

О. Бржэзіна спалучае гарадскую і прыродную тэмы ў зборніку «Вятры ад палюсоў» («Větry od pólů», 1897), хаця ён не вылучае перавагу вёскі над горадам: *Země dýchala do noci šťastných, dech vinic nesla jim do snů, / staleté orloje v městech odbily půlnoc, držimaly lesy a vody* [13, s. 10] 'Зямля дыхала начамі шчаслівымі, дыханне вінаграднікаў несла ім у сны, / стогадовыя куранты ў гарадах адбілі поўнач, драмалі лясы і вады'. У пачатку верша «Горад» («Město») аўтар уводзіць вобраз гарадской прасторы, у цемры якой віднеецца сонечнае святло: *V soumraku neznámého světla užíral jsem město. A slunce, / zbledlé a zbavené záře, viselo nad ním, / nic více než hvězda uprostřed hvězd* [13, s. 29] 'У змроку незнаёмага святла ўбачыў я горад. І сонца, / бледнае і пазбаўленае зіхацення, вісела над ім, / нічога больш, чым зорка пасярод зорак'. Далей прадстаўляецца вобраз горада, у якім адбыліся ваенныя дзеянні, што выклікае адчуванне набліжэння катастрофы: *Nesčetné davy se valily k branám a z bran, / k neznámým slavnostem zvonily hudy, průvody kajících táhly, / vojska se vracela z bojišť, v železech kráčeli vězni, / a stíny, jež vystoupily z hrobů, bloudily uprostřed davů, / a hlas jejich mísil se do hlasu živých a vládl* [13, s. 29] 'Незлічны натоўп людзей каціўся да брамаў з брамаў, / на гонар незнаёмых урачыстасцей звінела музыка, шэсце тых, хто каюцца, цягнулася, / войска вярталася з бітваў, у кайданых крочылі вязні, / і цені, якія выступалі з трун, блукалі пасярод натоўпу, / і голас іх змешваўся з галасамі жывых і ўладарыў'. У гэтым становішчы лірычны герой губляе сябе сярод натоўпу, яго ахоплівае поўная адзінота: *I bloudil jsem samotén uprostřed množství, tep mého srdce / umíral v tepotu nesčetných srdcí živých i mrtvých* [13, s. 29] 'І блукаў я самотны сярод натоўпу, біццё майго сэрца / памірал а ў біцці незлічоных сэрцаў жывых і мёртвых'.

В. Дык робіць гарадскую прастору асноўным месцам дзеяння сваіх твораў, што адрознівае іх ад паэзіі згаданых вышэй сімвалістаў. Такое апісанне горада назіраецца ў зборніку «Лёгка і цяжка крокі» («Lehké a těžké kroky», 1915), паколькі быў напісаны ў той час, калі вобраз горада з'яўляўся ключавым у творчасці многіх паэтаў. Упамінанне гарадскіх вуліц і будынкаў было ўведзена для таго, каб стварыць уражанне прысутнасці чытача ў гарадскім асяроддзі: *anebo z nádraží v Brně do Rudolfské jdeme ulice, / cizí i známé jak pařížský bulvár či cesta karavan* [14, s. 40] 'ці з вакзала ў Брно да Рудольфінскай мы ідзем вуліцы / на чужыне, знаёмай, як парыжскі бульвар, ці дарога-караван'. Аўтар перадае атмасферу вячэрняга горада і адчуванне чалавека ў ім: *Slyšel jsi vítypy, jak je večer chrlí / ta velkoměstská pobláčená dlažba, / viděl jsi usměv, kterýt usmívá se / blaseovaná, zcyničtělá duše* [14, s. 27] 'Ты чуў жарты, якія ўвечары выкрыкваюцца / на гарадскіх брудных брукаванках, / ты бачыў усмешку, якой усміхаецца / сумная, неадчувальная душа'.

Аналіз вобраза Прагі ў творах, напісаных на рубяжы XIX–XX стст., немагчымы без звароту да творчасці нямецкамоўных пісьменнікаў чэшскага і яўрэйскага паходжання, паколькі гэта дазваляе ўбачыць чэшскую сталіцу як своеасаблівае культурнае гета⁵. Менавіта такія прадстаўнікі чэшскай літаратуры сталі этнічнай меншасцю ў Празе, таму ў іх творах прысутнічаюць пачуцці адчужанасці і адзіноты. Гэтых пісьменнікаў умоўна можна падзяліць на дзве групы.

Да першай групы адносяцца нямецкамоўныя аўтары, у вершах і пражскіх творах якіх апяваюцца пражскія міфы і легенды (Г. Майрынк, Р. М. Рільке). Г. Майрынк робіць старажытны раён Градчаны асноўным месцам дзеяння ў рамане «Вальпургіева ноч» («Walpurgisnacht», 1917). У ім сапраўдныя

⁵Бобраков-Тимошкин А. Е. «Пражский текст»... 18 с.

гарадскія лакацыі (Градчанская плошча, Градчанская малая капліца, Градчанскі палац) спалучаюцца з фантазмагарычнасцю аповеду пра Вальтургіеву ноч. Пашыраючы гэту міфалагему, аўтар спрабуе прадказаць жахі вайны. Горад паўстае таямнічым і загадкавым месцам на працягу ўсяго рамана. У рамане «Голем» («Der Golem», 1914) Г. Майрынк па-мастацку перапрацоўвае адну з галоўных легенд аб пражскім Големе. Чэшская сталіца зацікавіла пісьменніка сваімі пабудовамі, іх апісанне пададзена метафарычна. Аднак творца не ўсхваляе Прагу, яна з'яўляецца выключна месцам дзеяння ў творы. Аналіз абодвух раманаў аўстрыйскага пісьменніка дазваляе пераканацца ў тым, што для яго Прага – горад, поўны містыкі і загадкавасці.

Апісанне чэшскай сталіцы як таямнічага горада характэрна для твораў ранняга этапу творчасці Р. М. Рыльке, напрыклад для вершаў другога па ліку зборніка «Ахвяры ларам» («Larenopfer», 1875–1926). Аўтар робіць Прагу асноўным месцам дзеяння, аднак ён не толькі апісвае канкрэтныя пражскія топасы (сабор Святога Віта, капліцу Святога Віта), але звяртаецца да пражскай і рымскай міфалогіі, параўноўваючы чэшскую сталіцу з Вечным горадам. Паэт акцэнтуюе ўвагу на супастаўленні Прагі і Рыма не толькі праз назву зборніка, якая адсылае да рымскай міфалогіі, але і праз увядзенне ў твор лацінскіх назваў. Расійскі даследчык А. А. Разумоўская адзначае: «Рыльке адчувае Прагу як цэнтр свету і сакральнасці, трывала ўключаны ў адзіны агульнаеўрапейскі гістарычна-культурны кантэкст: міфалагема “Прага – Вечны горад – Новы Рым (як імперская сталіца)” працуе... на падобнае ўспрымання» [15, с. 74]. Для чытача Прага становіцца шматаблічнай, паколькі лірычны герой апявае пражскую літаратуру, чым падкрэслівае спалучэнне культурнага і гістарычнага кантэкстаў у чэшскай сталіцы.

Да другой групы нямецкамоўных пісьменнікаў адносяцца творцы, якія маюць іншае бачанне Прагі, па-новаму асэнсоўваюць жыццё чалавека ў гарадской прасторы (Ф. Кафка, П. Лепін). У параўнанні з названымі вышэй пісьменнікамі Ф. Кафка не захапляецца пражскімі міфамі і паданнямі. У рамане «Працэс» («Der Prozess», 1925) ён перадае гарадскія топасы ў змрочных адценнях. Літаратуразнаўцы бачаць у гэтым апісанні ўскраіну чэшскай сталіцы – раён Жыжжаў. Аўтар не імкнецца паказаць дакладныя топасы, не рамантызуе гарадскую прастору і не дэманструе натхненне Прагай, паколькі яго герой адчувае сябе страчаным і абязлічаным.

У рамане пісьменніка і драматурга П. Лепіна «Хаджэнне Северына ў цемру» («Severinova cesta do temnot», 1914) галоўны герой не знаходзіць аднадумцаў у чэшскай сталіцы, таму адчувае сябе самотна і адчужана. Супакаеннем для яго з'яўляюцца вандроўкі па знаёмых раёнах Прагі: *Горад, які ён абыхадзіў уздоўж і ўпоперак днём і на вечарах, валодаў невядомай і безгалосай уладай над ім* [16, с. 35]. Адрозненне П. Лепіна ад Ф. Кафкі ў тым, што пры стварэнні вобраза горада ён звяртаецца да канкрэтных пражскіх топасаў (раёнаў Вінаграды і Мала-Страна, касцёла Святога Штэпана, Віфлеемскай плошчы і г. д.), якія дазваляюць адчуць адзінства галоўнага героя і горада. Неабходна адзначыць, што хуткая мадэрнізацыя Прагі ў XIX–XX стст. адлюстроўваецца ў тэксе ў выглядзе апісання пражскіх вуліц (Штэпанскай вуліцы, вуліцы Фердынанда, Малай Карлавай вуліцы). Настальгія па мінулым вобразе горада таксама выразна перадаецца ў рамане: *Па Шпарнергасэ Северын падняўся да Градчан. Горад, які ён ведаў, быў іншым... Яго вуліцы забыліся, збівалі з панталыку, а на парогам пільнавала бяда* [16, с. 93].

Заклучэнне

На рубяжы XIX–XX стст. у Чэхіі актыўна развівалася гарадская проза, якая паўплывала на ўвасабленне гарадской тэмы ў паэзіі пачатку XX ст. Зварот да праявістых твораў такіх чэшскіх аўтараў, як Ю. Зэер, В. Мршцік і К. М. Чапек-Ход, дазволіў прасачыць пераемнасць урбаністычнай тэмы ў вершах паэтаў 1920–30-х гг. (Я. Сэйфэрта, Ё. Горы, В. Нэзвала).

Паэты, якія адлюстроўвалі вобраз горада ў сваёй творчасці, падзелены намі на дэкадэнтаў, анархісцкіх бунтараў і сімвалістаў. Дэкадэнты (К. Главачак, І. Карасек з Львовіц, К. Томан) стваралі вобраз змрочнага, пустыннага горада, у якім адбыліся катастрофічныя падзеі. Анархісцкія бунтары (С. К. Нэйман, Ф. Гельнер, Ф. Шрабек) праз зварот да гарадской прасторы паказвалі самотнасць і адчужанасць чалавека. Сімвалісты (А. Сова, О. Бржэзіна, В. Дык) звязвалі гарадскую і вясковую тэмы, апісвалі перавагі жыцця ў вёсцы. Творы паэтаў трох вылучаных груп аб'ядноўваюцца тым, што ў іх гарадская прастора не прымае чалавека, а таму ён імкнецца трапіць у прыроднае асяроддзе.

Падобныя тэндэнцыі ўспрымання горада назіраюцца і ў творчай спадчыне нямецкамоўных пісьменнікаў чэшскага і яўрэйскага паходжання. Некаторыя з іх не адмовіліся ад пражскіх міфаў і легенд і актыўна ўводзілі іх у сюжэт праявістых і паэтычных твораў (Г. Майрынк, Р. М. Рыльке). Адчуванне страты і абязлічанасці асобы героя праявілася ў асноўным у прозе нямецкамоўных пісьменнікаў, якія ўсё жыццё пражылі ў Празе (Ф. Кафка, П. Лепін).

Такім чынам, разгляд чэшскай літаратуры рубяжа XIX–XX стст. дазволіў пераканацца ў тым, што гарадская тэма развівалася вельмі актыўна. Пісьменнікі паступова адмаўляліся ад традыцыйнага для XIX ст. вобраза вёскі і сталі паказваць гарадское жыццё.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Адельгейм ИЕ, Байдалова ЕВ, Лунькова НА, Шатько ЕВ, Куренная НМ, Широкова ЛФ и др. *Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы*. Старикова НН, редактор. Москва: Институт славяноведения РАН; 2023. 549 с.
2. Zeyer J. *Jan Maria Plojhar*. Praha: Lidove noviny; 2001. 396 s.
3. Mrštík V. *Santa Lucie*. Praha: Vyšehrad; 1970. 263 s.
4. Рипеллино АМ. *Магическая Прага*. Москва: Издательство Ольги Морозовой; 2015. 608 с.
5. Чапек-Ход КМ. *Каинар Лен – мститель*. Москва: Художественная литература; 1989. 733 с.
6. Hlaváček K. *Pozdě k ránu*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury a umění; 1964. 71 s.
7. Karásek ze Lvovic J. *Zazděná okna*. Praha: Kamilla Neumannová; 1912. 114 s.
8. Toman K. *Torso života*. Praha: Fr. Borový; 1929. 58 s.
9. Neumann SK. *Kniha lesů, vod a strání*. Praha: Fr. Borový; 1938. 143 s.
10. Gellner F. *Po nás ať přijde potopa!* Praha: Ad Fontes; 2002. 109 s.
11. Šrámek F. *Života bído, přec tě mám rád!* Praha: Ústřední studentské knihkupectví a nakladatelství; 1924. 43 s.
12. Sova A. *Z mého kraje*. Praha: F. Šimáčka; 1893. 44 s.
13. Březina O. *Větry od pólů*. Praha: Moderní revue; 1897. 41 s.
14. Dyk V. *Lehké a těžké kroky*. Praha: Kvasnička a Hampl; 1927. 90 s.
15. Разумовская ЕА. Прага как композиционный центр сборника Р. М. Рильке «Жертвы ларам». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2008;1:72–76.
16. Леппин П. *Хождение Северина во тьму*. Янко Е, переводчик. [Б. м.]: Salamandra P. V. V.; 2018. 107 с. (Путешествия, приключения, фантастика; вып. CCLL).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 16.01.2025.
Received by editorial board 16.01.2025.

ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНЕ О. Ю. ВАСЯКИНОЙ «РАНА»

А. М. БАЛТАБАЕВА¹⁾, Ш. М. МУЗАФФАРОВА¹⁾

¹⁾Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Определен ведущий тип повествования в романе О. Ю. Васякиной «Рана», написанном в жанре автофикшн. Выявлено, что произведение построено с помощью таких композиционных приемов, как ретроспекция и поток сознания. Сделан вывод о том, что образ повествователя представлен активным участником описываемых в романе событий и реализован через отношения между героиней и ее матерью в прошлом и настоящем. Указано, что мотив прощания героини с матерью является ключевым в создании образа повествователя.

Ключевые слова: роман; автофикшн; типы повествования; образ; ретроспективный тип композиции; воспоминания; мотив; герой.

ВОБРАЗ АПАВЯДАЛЬНИКА Ў РАМАНЕ А. Ю. ВАСЯКІНАЙ «РАНА»

А. М. БАЛТАБАЕВА^{1*}, Ш. М. МУЗАФАРОВА^{1*}

^{1*}Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека,
вул. Універсітэцкая, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекістан

Анатацыя. Вызначаны вядучы тып апавядання ў рамане А. Ю. Васякінай «Рана», які напісаны ў жанры аўтафікшн. Выяўлена, што твор пабудаваны з дапамогай такіх кампазіцыйных прыёмаў, як рэтраспекцыя і паток свядомасці. Зроблена выснова аб тым, што вобраз апавядальніка прадстаўлены актыўным удзельнікам апісаных у рамане падзей і рэалізаваны праз адносіны паміж гераіняй і яе маці ў мінулым і сучаснасці. Указана, што матыў развітання гераіні з маці з'яўляецца ключавым у стварэнні вобраза апавядальніка.

Ключавыя словы: роман; аўтафікшн; тыпы апавядання; вобраз; рэтраспектыўны тып кампазіцыі; успаміны; матыў; герой.

Образец цитирования:

Балтабаева АМ, Музаффарова ШМ. Образ повествователя в романе О. Ю. Васякиной «Рана». *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;2:12–16. EDN: PRQTKG

For citation:

Baltabaeva AM, Muzaffarova ShM. The image of the narrator in the O. Yu. Vasyakina's novel «Wound». *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025;2:12–16. Russian. EDN: PRQTKG

Авторы:

Азиза Маннабовна Балтабаева – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского литературоведения факультета журналистики и узбекской филологии.

Шахзода Музаффаровна Музаффарова – магистрант кафедры русского литературоведения факультета журналистики и узбекской филологии. Научный руководитель – А. М. Балтабаева.

Authors:

Aziza M. Baltabaeva, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian literary studies, faculty of journalism and Uzbek philology.

gustavklimt11129@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0463-7087>

Shahzoda M. Muzaffarova, master's degree student at the department of Russian literary studies, faculty of journalism and Uzbek philology.

muzaffarovashm@gmail.com

THE IMAGE OF THE NARRATOR IN THE O. Yu. VASYAKINA'S NOVEL «WOUND»

A. M. BALTABAEVA^a, Sh. M. MUZAFFAROVA^a

^aNational University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
4 Universitetskaya Street, Tashkent 100174, Uzbekistan

Corresponding author: A. M. Baltabaeva (gustavklimt11129@gmail.com)

Abstract. The leading type of narration in the O. Yu. Vasyakina's novel «Wound», written in the genre of autofiction, is determined. It is revealed that the work is constructed with the help of such compositional techniques as retrospection and stream of consciousness. It is concluded that the image of the narrator is presented as an active participant of the events, described in the novel, and is realised through the relationship between the heroine and her mother in the past and present. It is pointed out that the motive of the heroine's farewell to her mother is the key to the creation of the narrator's image.

Keywords: novel; autofiction; types of narration; image; retrospective type of composition; memories; motive; hero.

Введение

Роман О. Ю. Васякиной «Рана», написанный в жанре автофикшн, был опубликован в 2021 г. Его сюжет построен вокруг сложных и болезненных взаимоотношений главной героини и ее матери, а также вокруг размышлений героини о своей жизни и смерти матери от рака. В данном произведении образы автора и рассказчика сплетаются, повествование ведется от первого лица. Эти черты соответствуют особенностям жанра автофикшн. Роман имеет ретроспективную композицию, что обуславливает интерес к рассмотрению отношений между дочерью и матерью в настоящем и прошлом.

Цель настоящей работы заключается в анализе образа повествователя в романе О. Ю. Васякиной «Рана» посредством определения ведущего типа повествования. Актуальность исследования обусловлена неослабевающим интересом современного литературоведения к творчеству О. Ю. Васякиной – обладателя литературной премии «Большая книга».

Основная часть

Как полагает В. В. Виноградов, образ автора не является «...простым субъектом речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [1, с. 118]. Следовательно, образ автора реализуется в художественном произведении через определенную технику повествования.

Н. А. Кожевникова отмечает: «Типы повествования – при всем многообразии их реального осуществления – представляют собой композиционные единства, организованные определенной точкой зрения (автора, рассказчика, персонажа), имеющие свое содержание и функции и характеризующиеся относительно закрепленным набором конструктивных признаков и речевых средств (интонация, соотношение видо-временных форм, порядок слов, общий характер лексики и синтаксиса).

Типы повествования в художественном произведении организованы обозначенным или необозначенным субъектом речи и облечены в соответствующие речевые формы» [2, с. 3–4]. Большинство произведений, написанных от первого лица, строятся с помощью композиционного приема ретроспекции. В таких текстах совмещаются время совершения события и время воспоминания. Маркерами воспоминаний служат слова «помню», «бывало», «как теперь вижу». Персонажу-рассказчику свойственны субъективность подачи событий и трактовки мотивов действий других персонажей, неполнота сведений, которыми он располагает, эксплицитный психологизм его оценки других действующих лиц. Кроме того, рассказчик может иметь цель ввести адресата в заблуждение или дать намеренно искаженный образ событий. Как указывает Н. А. Кожевникова, «...в повествовании от лица конкретного рассказчика и повествование, и описание, и рассуждение принадлежат одному субъекту речи. В объективном или в субъективном авторском повествовании картина гораздо сложнее. Поскольку в таких произведениях важная роль принадлежит персонажу, его точка зрения может накладывать отпечаток на все конструктивные элементы произведения или лишь на некоторые из них. В частности, описания и рассуждения могут отражать в одних случаях точку зрения автора, в других – точку зрения персонажа» [2, с. 9].

В романе «Рана» повествование ведется от первого лица и является воплощением техники слияния образов автора и повествователя – активного участника событий произведения. Эта техника придает тексту интимность и позволяет читателю ближе познакомиться с внутренним миром персонажа.

Субъективность повествования наблюдается во внутренних монологах главной героини о ее сложных взаимоотношениях с матерью в прошлом и настоящем. В воспоминаниях героини мать – самая красивая женщина, у которой «все лучше всех»¹. Изначально образ матери является положительным: «Мама была настоящей женщиной. Женщиной в квадрате. Женщиной-женщиной. ЖЕНЩИНОЙ. <...> Когда... Алина меня спросила, что это значит – женщина-женщина, я ответила, что женщина-женщина, даже находясь при смерти в ожидании врача, просит помочь ей надеть трехкилограммовый силиконовый протез груди, чтобы врач не видел, что она увечна. Хотя он и так знал, что у нее нет груди». Восхищение матерью возносит ее в глазах героини на непостижимый пьедестал, что создает дистанцию между ними, способствует появлению непонимания.

Образ матери постепенно становится отрицательным. На это повлияли такие сложные ситуации, происходившие в жизни семьи героини, как заключение отца в тюрьму, измены с его стороны, отказ матери от отца, внебрачные отношения родителей, их пристрастие к алкоголю. Все эти обстоятельства негативно отразились на стабильности семьи и создали трудности во взаимоотношениях ее членов.

Героиня не раз упоминает о негативных установках матери. Например, мать учила ее, что все купленные вещи должны быть использованы, все приготовленные блюда необходимо съедать. Заветы матери взрастили в душе героини необоснованные чувства вины и стыда. Вместе с тем героиня выражает любовь к матери, оправдывая ее поступки тяжелыми жизненными обстоятельствами: «Заводская зарплата приходила двадцать пятого числа каждого месяца. Но маме удавалось еще подделывать какие-то железнодорожные билеты, чтобы получить компенсацию за проезд, хотя мы никуда не ездили. Мама не была мошенницей, она была обычной женщиной в тяжелой ситуации».

Восприятие матери как некрасивой, холодной женщины появилось у героини после ситуации в поезде, когда она испытала страх остаться одной: «Мне было десять лет. <...>

На подъезде к южным городам была стоянка пятнадцать минут. Мама пошла в киоск за мороженым. Поезд тронулся и очень медленно покатился, а мамы все не было». От страха потерять мать героиня перестала замечать окружающие ее детали: «Духота вагона и тревога сжали мне голову. Я смотрела на отползающую станцию, на серо-голубые палатки с выпечкой, на столбы, на белое здание вокзала и теряла их, в окне их больше не было, потому что поезд удалялся от станции». Совершенно незнакомые люди оказали поддержку девочке. Когда она пыталась осознать и принять потерю, мать вернулась: «Она запрыгнула в последний вагон. Проводница не хотела ее пускать, но мама уговорила ее. Сказала, что у нее в третьем вагоне дочь». Героиня запомнила лицо встревоженной матери: «...ее лицо в тот момент... было каменным, с крепко сжатой челюстью, желтоватое... На этом лице были глаза, блестящие, беспокойные. В глазах были ужас и тревога. Ее тяжелое лицо с немного поднятыми веками и сжатыми губами я вижу и сейчас. Оно как будто постоянно приближается ко мне, но остается от меня на отдалении. Оно бесконечно приближается ко мне».

Простые ретроспективные приемы, с помощью которых строится композиция романа, постепенно сменяются усложненным приемом потока сознания, поскольку нарастают переживания героини по поводу болезни матери. Она размышляет о смерти матери и своих действиях после этого события: «...я несла ей расцветший розовый куст из супермаркета “Перекресток”, розы были белые и душно пахли. Когда я поднималась по тесной вонючей лестнице на четвертый этаж, я знала, что могу обнаружить ее мертвой. И что тогда я сделаю? Но мама дышала в тишине... Я подошла к ней, позвала, показала ей розовый куст, я ждала от нее одобрения и благодарности. Но она всего лишь попросила поставить его на шкаф так, чтобы ей было видно цветы».

Внутренний монолог становится способом выражения тяжелого эмоционального опыта героини, связанного со смертью и похоронами матери. Героиня описывает свой страх и даже отчуждение при опознании матери в морге. О стремлении дистанцироваться от испытываемых чувств свидетельствует ее чрезмерное внимание к деталям этого темного и безжизненного места: «В этом ветре он казался грязным и страшным. Обколотая бетонная урна для окурков, изувеченный панцирный забор, рассыпавшиеся ступени». Описывая мертвое тело матери, героиня находит свое физическое сходство с ней, что обуславливает нарастание душевной боли, тоски: «Когда перед сном глажу себя по животу, я вспоминаю маму. Ее полупрофиль и голос. Это воспоминание вызывает у меня чувство горькой утраты. Как будто мамино присутствие в этом мире связано с какой-то ошибкой или нелепостью. Саму себя я ощущаю

¹Здесь и далее цитаты приводятся из источника: *Васякина О. Ю.* Рана // Флибуста : сайт. URL: <https://flibusta.su/book/19526-rana/read/> (дата обращения: 17.03.2025).

как случайность. Но я есть. И она была в этом мире». Данный эпизод передает глубинную связь между дочерью и матерью, а также привносит в повествование элемент ностальгии.

После опознания матери героиня начинает организовывать похороны, что помогает ей отложить на время осознание потери родного человека. Ее размышление о бюрократических сложностях, связанных с этим процессом, свидетельствует о необходимости встречи с реальностью: «Просто так урну забрать нельзя. Без документов на прах урну не захоронить и не провезти в самолете. Но витрина открыта, и можно украсть любую. Только зачем тебе прах чужого человека?» Также следует упомянуть эпизод посещения героиней нотариальной конторы с целью оформить документы для регистрации по месту жительства. Сложившаяся ситуация вызывает у нее чувство вины: «Нотариус спросила меня... прошло ли полгода. Я ответила, что мама умерла два дня назад. ...Секретарши, нотариус и несколько посетителей... затихли и посмотрели на меня. Я была ужасной дочерью, которая сразу после смерти матери прискакала в нотариальную контору оформлять наследство».

Героиня рефлексирует над событиями прошлого, связанными с ожиданием смерти близкого человека: «Год ждать смерти – это не то же, что год ждать чего-то другого. Год ждать смерти – это как ждать горя и облегчения одновременно. Год ждать смерти – это долго и мучительно. <...> Кажется, что каждая минута теперь – это возможность чуда и не найденного до этого счастья. Но это не так. Это тяжелое время преждевременной скорби. Потом я ждала еще две недели, когда мама совсем перестала вставать. Эти две недели были как большое время беды. Бесконечное время тишины». Внутренний монолог сопровождается болью от осознания утраты, воспоминаний. Несмотря на то что героиня провела с матерью последние часы ее жизни, их близость сводится только к физическому аспекту: «По ночам мы спали вальсом на одном диване. Я не спала, я слушала ее дыхание. Я слушала, как она умирает». Вместе с тем героиня испытывает чувство потери близкого человека, на борьбу с которым указывает внутренний монолог о прикосновении к телу матери: «Я только протянула к ней внешнюю сторону ладони так, как будто хотела потрогать температуру. Я прикоснулась к ее виску... который целовала на прощанье. <...> Теперь я все думаю: если бы я надолго прикоснулась к ее телу, к ее руке, лицу, ноге, что бы было сейчас со мной, как работала бы моя память? Может быть, прикоснувшись к ней тщательно, без опаски, приняв своей рукой ее холод и мертвость, я бы ускорила процесс превращения ее в пустоту в собственной голове. Скорее всего, нет». Боль от утраты становится неотъемлемой частью героини: «Ничто не может превратить ее в пустоту. Она все лежит и лежит внутри меня в своем сияющем гробе. Как если бы она была мой неотъемлемый и необходимый орган. Похоже, так оно и есть. Она моя неотъемлемая рана».

Рана не от того, что она не осталась живой, а от того, что она вообще была».

Кульминацией переживаний героини является момент прощания с матерью. Героиня уважает свою мать, она эмоционально привязана к ней, что прослеживается в эпизоде выбора платья для кремации: «За две недели до ее смерти я уже знала, что нужного платья в похоронном агентстве мне не найти, и попросила свою приятельницу швею Женю сшить платье для мамы. Черное, по колено, рост 170, размер 46». О желании сохранить связь с близким человеком свидетельствует стремление героини купить самую дорогую урну для праха: «В небольшом холле была стеклянная витрина, в ней на полках стояло несколько урн, среди которых я узнала мамину. Серая с маленьким черным бисерным цветочком на крышке. Какой цветок пошлый... как на дешевых трусах. Андрей предложил взять ее, я выбрала ярко-красную урну с ручной росписью. На ней цветы были как на тарелках с хохломой. Но Андрей предложил серую, мама не любила ярких вещей. <...> Серая урна была дешевле в два раза, а я хотела купить урну подороже». Решив перевезти прах матери в Усть-Илимск, ее родной город, героиня проявляет заботу, стремление создать максимально комфортные условия для матери даже после ее смерти.

Следует отметить, что рассказчик, т. е. героиня, самостоятельно подтверждает субъективность повествования в романе. Отчаяние, которое она испытывает из-за желания быть ближе к матери, раскрывается в следующем фрагменте: «У меня так много вопросов, но нет ни одного ответа. А когда не знаешь ответа, не пытайся говорить за других. Или вопрос и рождает возможность говорения за тех, кто сказать уже не может? <...> Но могу ли я говорить за собственную мать? Эта этическая дилемма мучает меня уже очень давно. Говорить за нее – значит получить полный контроль над ней. По сути, для меня мама стала исключительно моей только после смерти. Я получила полное право распоряжаться ее телом и даже здесь, в этом тексте, говорить за нее. Конструировать ее речь так, как мне самой вздумается. После ее смерти я внутренне ликовала. Мама была моя. Я сама выбрала для нее все, я сожгла ее в крематории и два месяца жила с ее прахом в одной комнате. Ближе она была, как мне кажется, только в моем младенчестве. Мне казалось, что в серой урне теперь весь мой мир. И если мир представить себе как растянутое полотно, то в центре этого полотна стояла урна с маминым прахом. Она образовывала воронку, и все вещи мира скатывались по простыне туда, к четырехкилограммовой капсуле». Таким образом, героиня даже после смерти матери делает ее личность центром своей жизни.

Заключение

Анализ взаимодействия главной героини и матери в романе О. Ю. Васякиной «Рана» раскрыл сложную картину семейных отношений с их положительными и негативными аспектами. Материнское влияние является значимым фактором формирования личности героини. Потеряв мать, она не принимает себя без нее. Однако в финале произведения героиня, обращаясь к матери, окончательно прощается с ней, признавшись в любви.

Композиция романа является ретроспективной. Образ повествователя реализуется через отношения между героиней и матерью в прошлом и настоящем. Так, взаимодействие дочери и матери в прошлом способствовало появлению чувств вины и стыда у героини. Отношения между дочерью и матерью в настоящем показаны через боль героини, ее решимость быть собой и желание быть хорошей и правильной для матери. Ведущим типом повествования является повествование от первого лица, реализуемое через монологи главной героини.

Библиографические ссылки

1. Виноградов ВВ. *О теории художественной речи*. Краснова ИА, редактор. Москва: Высшая школа; 1971. Проблема автора в художественной литературе; с. 105–212.
2. Кожевникова НА. *Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв.* Москва: Институт русского языка РАН; 1994. 333 с.

*Статья поступила в редколлегию 19.03.2025.
Received by editorial board 19.03.2025.*

УДК 82.09(092)

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. А. НЕКРАСОВА В КОНЦЕ 1970-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг. В КИТАЕ

ФУ МЭЙЯНЬ¹⁾

¹⁾Тяньцзиньский университет иностранных языков, ул. Мачандао, 117, 300204, г. Тяньцзинь, Китай

Аннотация. Исследуются работы, посвященные изучению творчества Н. А. Некрасова в Китае, а также переводы произведений писателя на китайский язык. Выделяются четыре этапа в истории некрасоведения в Китае, характеризующиеся определенной степенью возрастания или убывания внимания китайских исследователей и переводчиков к творчеству русского писателя. Подробно анализируется третий этап (конец 1970-х – начало 1990-х гг.), в рамках которого произошел наибольший подъем интереса к изучению наследия Н. А. Некрасова и переводу его произведений на китайский язык. Определяются перспективные направления для развития некрасоведения в Китае.

Ключевые слова: некрасоведение в Китае; русская поэзия; перевод на китайский язык; творчество Н. А. Некрасова.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта по общественным наукам 2022JWZD44 «Исследование русского государственного дискурса», реализованного в 2022 г. Муниципальной комиссией по образованию г. Тяньцзиня, и проекта по общественным наукам 2024SK064 «Исследование пространственных нарративов в поэзии Царицына 1920-х гг.», выполненного в 2024 г. Муниципальной комиссией по образованию г. Тяньцзиня.

ВЫВУЧЭННЕ ТВОРЧАЙ СПАДЧЫНЫ М. А. НЯКРАСАВА Ў КАНЦЫ 1970-х – ПАЧАТКУ 1990-х гг. У КІТАІ

ФУ МЭЙЯНЬ^{1*}

^{1*}Цяньцзінскі ўніверсітэт замежных моў, вул. Мачандаа, 117, 300204, г. Цяньцзін, Кітай

Анатацыя. Даследуюцца працы, прысвечаныя вывучэнню творчасці М. А. Някрасава ў Кітаі, а таксама пераклады твораў пісьменніка на кітайскую мову. Вылучаюцца чатыры этапы ў гісторыі некрасазнаўства ў Кітаі, якія характарызуюцца пэўнай ступенню ўзрастання ці змяншэння ўвагі кітайскіх даследчыкаў і перакладчыкаў да творчасці рускага пісьменніка. Падрабязна аналізуецца трэці этап (канец 1970-х – пачатак 1990-х гг.), у рамках якога адбыўся найбольшы ўздым цікавасці да вывучэння спадчыны М. А. Някрасава і перакладу яго твораў на кітайскую мову. Вызначаюцца перспектыўныя напрамкі для развіцця некрасазнаўства ў Кітаі.

Ключавыя словы: некрасазнаўства ў Кітаі; руская паэзія; пераклад на кітайскую мову; творчасць М. А. Някрасава.

Образец цитирования:

Фу Мэйянь. Изучение творческого наследия Н. А. Некрасова в конце 1970-х – начале 1990-х гг. в Китае. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025; 2:17–21.
EDN: JVZVBX

For citation:

Fu Meiyang. Studying the creative heritage of N. A. Nekrasov in the late 1970s – early 1990s in China. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:17–21. Russian.
EDN: JVZVBX

Автор:

Фу Мэйянь – кандидат филологических наук, доцент; заместитель директора Института европейских языков и культур.

Author:

Fu Meiyang, PhD (philology), docent; deputy director of the Institute of European Languages and Cultures.

fmy@tjfsu.edu.cn

<https://orcid.org/0000-0002-0862-0461>

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта па грамадскіх навукх 2022JWZD44 «Даследаванне руска-га дзяржаўнага дыскурсу», рэалізаванага ў 2022 г. Муніцыпальнай камісіяй па адукацыі г. Цяньцзіня, і праекта па грамадскіх навукх 2024SK064 «Даследаванне прасторавых наратываў у паэзіі Царыцына 1920-х гг.», выкананы ў 2024 г. Муніцыпальнай камісіяй па адукацыі г. Цяньцзіня.

STUDYING THE CREATIVE HERITAGE OF N. A. NEKRASOV IN THE LATE 1970s – EARLY 1990s IN CHINA

FU MEIYAN^a

^aTianjin University of Foreign Studies, 117 Machandao, Tianjin 300204, China

Abstract. The article examines works devoted to the study of N. A. Nekrasov's work in China, as well as translations of the writer's works into Chinese. Four stages in the history of Nekrasov studies in China are distinguished, characterised by a certain degree of increase or decrease in the attention of Chinese researchers and translators to the work of the Russian writer. The third stage (late 1970s – early 1990s) is analysed in detail, during which the greatest increase in interest in the study of N. A. Nekrasov's heritage and the translation of his works into Chinese occurred. Promising directions for the development of Nekrasov studies in China are determined.

Keywords: Nekrasov studies in China; Russian poetry; translation into Chinese; N. A. Nekrasov's work.

Acknowledgements. The article was prepared out within the framework of the social science project 2022JWZD44 «Research on Russian state discourse», implemented in 2022 by the Tianjin Municipal Education Commission, and the social science project 2024SK064 «Study of spatial narratives in Tsaritsyn's poetry of the 1920s», completed in 2024 by the Tianjin Municipal Education Commission.

Введение

В Китае интерес к творчеству Н. А. Некрасова впервые был проявлен в начале XX в. Особое внимание ему было уделено в мае – июне 1919 г., когда под влиянием Октябрьской революции в России возникло массовое антиимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение, называемое движением 4 мая. Боевой дух стихов Н. А. Некрасова и описанные в них проблемы, которые волновали дореволюционный Китай, вызвали сильный отклик среди китайских поэтов и читателей. Данный факт является свидетельством того, что творчество писателя, в частности отраженные в нем смелость при прямом столкновении с реальностью и мощный гуманистический дух, отвечало потребностям общества и политических деятелей Китая того времени. Вэй Хуанну отмечал: «Среди известных поэтов России XIX в. Н. А. Некрасов ближе всех подошел к передовым идеям нашего времени»¹ [1, с. 54].

Внимание к наследию Н. А. Некрасова со стороны китайских ученых не было постоянным. Можно выделить четыре этапа в истории изучения произведений писателя в Китае. Первый этап (1920–50-е гг.) характеризовался повышением интереса китайских филологов к творчеству Н. А. Некрасова. Особенностью данного этапа стало то, что развитие перевода его поэзии на китайский язык происходило одновременно с ее изучением и интерпретацией. На втором этапе (1960–70-е гг.) в связи с разрывом китайско-советских дружественных отношений наблюдалось значительное снижение количества исследований произведений писателя в течение всего периода «культурной революции». Третий этап (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) стал периодом наибольшей интенсивности в некрасоведении, своеобразным золотым веком. В течение четвертого этапа (1995–2025 гг.) заинтересованность в изучении литературного наследия Н. А. Некрасова вновь снизилась.

Целью настоящей работы является рассмотрение третьего этапа в некрасоведении в Китае, интерес к которому обусловлен наибольшей активизацией изучения творческого наследия Н. А. Некрасова в Китае и выполнения переводов его произведений на китайский язык. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать работы китайских ученых, посвященные исследованию творчества Н. А. Некрасова, а также переводы произведений писателя на китайский язык в золотой век некрасоведения в Китае;
- определить направления для дальнейшего изучения творчества Н. А. Некрасова в Китае.

¹Здесь и далее перевод наш. – Ф. М.

Результаты и их обсуждение

В конце 1970-х – начале 1990-х гг. о творчестве Н. А. Некрасова были изданы более 20 статей и выпущены 2 монографии, авторами которых стали Гань Юцзе² [2] и Вэй Хуанну³ [3]. Кроме того, вышел перевод поэмы писателя «Кому на Руси жить хорошо» на китайский язык, выполненный Фэй Баем⁴ [4]. В это же время в Китае были опубликованы 3 больших собрания переводов лирических произведений Н. А. Некрасова: книги [5] и [6] перевел Вэй Хуанну, издание [7] – Дин Лу⁵. В коллективных трудах «История русской литературы» [8] и «История русской поэзии» [9] творчеству писателя посвящены отдельные главы. Таким образом, изучение наследия Н. А. Некрасова в Китае получило новый импульс.

Необходимо остановиться на деятельности Вэй Хуанну, который внес существенный вклад в некро-советское и перевод творчество писателя. Так, он выполнил одно из самых значительных исследований о Н. А. Некрасове в Китае [3], в ходе которого изучил различные аспекты жизни поэта, его стиля мышления и литературного наследия. Автор сосредоточился на анализе написанных в разное время поэтических произведений Н. А. Некрасова, выделив его новаторские подходы к раскрытию темы, особенности используемых языковых средств. Вэй Хуанну назвал Н. А. Некрасова создателем русской городской лирики и сатирической поэзии, а его любовную поэзию охарактеризовал как простую и естественную. Ученый писал: «Сочетание прозаического языка с поэтическим языком не только не умаляет красоты поэзии Н. А. Некрасова, но и придает ей уникальность и новизну» [10, с. 140]. Предметом изучения автора также стало влияние поэзии Н. А. Некрасова на поэтическое творчество таких китайских писателей, как Хэ Бо⁶, Ню Хань⁷, Ай Цин⁸, Тянь Цзянь⁹, Цзан Кэцзя¹⁰ и др.

Вэй Хуанну написал ряд научных статей, в которых рассмотрел место Н. А. Некрасова в китайско-советской литературе и его влияние на поэзию XX в. Данные статьи вошли в сборник «О Н. А. Некрасове» [10], который на протяжении длительного времени определял направления для исследования жизни и творчества русского поэта в Китае. В статье «Н. А. Некрасов и советская поэзия» автор оценил уникальность поэтического наследия писателя с эстетической точки зрения: «Н. А. Некрасов придает

²Гань Юцзе – ученый, член Ассоциации писателей Китая, бывший вице-президент ассоциации переводчиков провинции Хэйлунцзян, переводчик. Он является автором монографий «Поэтика русской поэзии», «Н. А. Некрасов», «История европейской и американской литературы» и т. д., а также переводчиком текстов «Литературные мемуары», «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями», «О Н. А. Некрасове» и т. д. Имя этого ученого было включено в список известных людей мира.

³Вэй Хуанну – профессор Пекинского университета, член Ассоциации писателей Китая, почетный член правления Ассоциации переводчиков Китая, переводчик. Он начал заниматься переводом произведений мировой литературы в 1938 г. В начале 1940-х гг. Вэй Хуанну работал главным редактором журналов «Литература и искусство Фэнлиня» и «Поэзия и литературоведение». К его ключевым работам относятся монография «Первые шаги в изучении Н. А. Некрасова», перевод текста «Слово о полку Игореве», произведений сборников «О Н. А. Некрасове», «Избранные стихотворения А. С. Пушкина», «Избранные стихотворения декабристов», «Избранные стихотворения Н. А. Некрасова», «Собрание стихотворений Н. А. Некрасова» и т. д. Стоит отметить, что издание «Собрание стихотворений Н. А. Некрасова» получило первое место на II Всекитайской книжной премии «Лучшая зарубежная литература».

⁴Фэй Бай – переводчик, литературный критик. Он владеет более чем 10 иностранными языками. Фэй Бай перевел поэмы А. Т. Твардовского «Василий Тёркин», «Страна Муравия» и «За далью – даль», В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и т. д. В 2023 г. был удостоен 1573 Международной поэтической премии (1573 *International poetry award*), в 2024 г. – награды за высокие достижения в области перевода.

⁵Дин Лу – профессор Хунаньского университета науки и технологий, переводчик. Он осуществил перевод произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин», стихотворений Н. А. Некрасова, С. А. Есенина и др.

⁶Хэ Бо (настоящее имя – Лю Чжицин) – член Ассоциации писателей Китая, прозаик, поэт. В 1953 г. он окончил Пекинский центральный литературный институт. Работы Хэ Бо были опубликованы в 1937 г. Главными трудами стали сборники стихов «Творец», «Песня Саньмэнься», «Гимн жизни» и т. д.

⁷Ню Хань (настоящее имя – Ши Чэнхань) – почетный член Ассоциации писателей Китая, вице-президент Китайского поэтического общества, прозаик, поэт. Он был главным редактором журнала «Исторические материалы новой литературы», заместителем главного редактора журнала «Китай». В 1940 г. Ню Хань начал публиковать литературные произведения, в основном писал стихи. Они вошли в сборники «Родина», «Моя первая книга», «Избранные стихотворения Ню Ханя» и т. д.

⁸Ай Цин (настоящее имя – Цзян Чжэнхань) – крупнейший поэт современного Китая, литературный критик и теоретик стихосложения. Его первый сборник «Даяньхэ», посвященный жизни в китайской деревне, вышел в 1935 г. Ай Цин является автором широко известных в годы войны 1937–1945 гг. поэм и сборников стихотворений «К солнцу», «Факел», «Север», в которых он описал глубинные истоки патриотизма, призывал к борьбе за будущее свободного Китая. Творчество поэта хорошо знакомо советскому читателю благодаря многочисленным переводам.

⁹Тянь Цзянь (настоящее имя – Тун Тяньцзянь) – член Лиги левых писателей Китая, поэт. Он является одним из основателей жанра эпической поэмы, а также тем, кто положил начало развитию крестьянской темы в китайской поэзии. Тянь Цзянь написал сборники стихов «Перед рассветом», «Китайские пасторали», «Тем, кто сражается», «Стихи об антияпонской войне» и т. д.

¹⁰Цзан Кэцзя – секретарь Союза китайских писателей, прозаик, поэт. В 1957–1966 гг. он работал редактором журнала «Шикань». Его первый сборник стихотворений «Клеймо» посвящен крестьянской жизни и природе. В своих произведениях Цзан Кэцзя описывал тяжелый труд бедняков, лицемерие и жестокость миссионеров, бедствия, вызванные наводнением, а также воспедал героев национально-освободительной войны. Его авторству принадлежат книга «На путях изучения проблем литературы», сборники стихотворений «Преступные черные руки», «Походные песни», «Стоны на реке Хуай», «Нулевой градус жизни», «Новая звезда».

своему творчеству популярную и простую форму, тем самым значительно приближая поэзию к народу и фольклору» [11, с. 11]. Кроме того, Вэй Хуанну указал, что литературную традицию Н. А. Некрасова унаследовали и развили такие советские поэты, как Е. А. Придворов (Демьян Бедный), М. В. Исаковский, А. Н. Твардовский и др. Большое внимание он уделил влиянию произведений поэта на творчество В. В. Маяковского. Также исследователь в сопоставлении изучил наследие Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева и обозначил, что, несмотря на разные политические убеждения, взгляды на эстетику и личные предпочтения, оба писателя, находившись под влиянием В. Г. Белинского и его школы, боролись за реализм в литературе, изображали типичные черты русского национального характера. По мнению ученого, они являются настоящими мастерами в создании образа русской женщины, прославившими ее преданность и нравственную силу.

Огромную роль в популяризации творческого наследия Н. А. Некрасова среди народа Китая, а также в стимулировании его исследования китайскими славистами сыграли переведенные Вэй Хуанну стихотворения и поэмы русского писателя. Всего он перевел более 200 произведений поэта. Следует отметить, что процесс перевода лирики значительно отличается от процесса перевода прозаического или драматического текста. Переводчик должен обладать особым мастерством, поскольку его основная задача заключается в эстетическом воздействии на читателя не только через содержание, но и через форму. Вэй Хуанну, будучи поэтом, хорошо знал специфику китайского и русского стихосложения. Он учел характер рифмовки оригинала и традиции китайской поэтики, тем самым найдя баланс между двумя поэтическими языками.

Необходимо указать, что китайские исследователи уделили значительное внимание поэме писателя «Русские женщины» ввиду близости переданных в ней проблем. Среди касающихся ее изучения работ можно выделить статью Чжан Цзи [12], в которой описано создание этого произведения, а также выполнен содержательный анализ его художественных особенностей. Интересна статья Лю Гуопина [13], посвященная в первую очередь образам главных женских персонажей – княгини Трубецкой и княгини Волконской. Привыкшая к светской роскоши и достатку княгиня Трубецкая отреклась от всех благ, чтобы отправиться вслед за мужем-декабристом, сосланным в Сибирь. Исследователь указал, что в ее образе Н. А. Некрасов прославил такую русскую национальную черту, как русская душа, а также воспел чудесные черты русских женщин: огромную силу воли, преданность, гордость, чувство собственного достоинства, стойкость, самоотречение. Княгиня Волконская – преданная женщина-жена, женщина-мать, женщина-бабушка; она проста в общении с людьми, добра и сострадательна, но в трудные минуты она способна проявить твердость характера. Как отметил Лю Гуопин, ее образ стал символом любви, верности, самопожертвования. Проанализировав поэтику текста Н. А. Некрасова, он подчеркнул, что она «...не имеет никаких украшений, не содержит преувеличений и вымысла, является нацеленной на особую простоту и реальность. <...> Опираясь на многочисленные исторические источники и воспоминания современников, поэт создал убедительную картину подвига жен декабристов» [13, с. 280].

Чжу Сяньшэн посвятил отдельную главу труда [14] анализу лирических стихотворений Н. А. Некрасова. Он отметил: «Значительная часть лирических стихотворений Н. А. Некрасова может быть отнесена к так называемой политической лирике, особенно выделяются произведения гражданской лирики. <...> ...Стихотворения поэта более проникнуты духом демократии» [14, с. 310]. Исследователь подчеркнул, что Н. А. Некрасов определил свою поэзию как служащую бедным людям и осуждающую существование неравенства в мире. Его сатирическая лирика передает глубокое сочувствие к угнетенным и оскорбленным людям, а также ненависть к реакционному правительству. Относительно любовной лирики поэта Чжу Сяньшэн отметил: «Стихотворения панаевского цикла – это наиболее лирические произведения в творчестве Н. А. Некрасова. <...> Возможно, у них нет той потрясающей и даже душеспасительной силы, которая присуща стихотворениям денисьевского цикла Ф. И. Тютчева, но, несомненно, они вызывают у человека печаль и одновременно сожаление; им, конечно, не хватает яркой и пылкой мелодии стихотворений лазичевского цикла А. А. Фета, но только у них есть тот самый глубокий и угрюмый тон. В разоблачающих психологических стихотворениях, раскрытых в панаевском цикле, меньше социальной философии и больше характерных конфликтов, чем в стихотворениях денисьевского цикла; в чувствах, выраженных в панаевском цикле, больше личных страданий и меньше общего значения, чем в лазичевском цикле» [14, с. 331–332]. Ученый пришел к выводу о том, что стихотворения панаевского цикла не только раскрывают внутренний мир Н. А. Некрасова, но и, будучи жемчужиной любовной поэзии, обладают большой и долговечной жизненной силой.

С 1995 г. в китайских научных кругах существенно уменьшилось количество исследований, посвященных Н. А. Некрасову. По мнению автора настоящей статьи, маргинализация русского писателя в Китае произошла ввиду изменений в китайской литературной среде, возникших в силу реформ, которые привели к созданию рыночной экономики. Китайская культура стала более разнообразной по причине влияния

на нее западного модернизма, постмодернизма и других литературных течений. Поэзия Н. А. Некрасова стала казаться традиционной, серьезной, несколько устаревшей, поэтому интерес читателей к его произведениям снизился. Кроме того, к такой ситуации привела неполная изученность творческого наследия русского писателя в Китае (его эпические и драматические произведения не были переведены на китайский язык). Также необходимо указать, что исследования проводились в основном с социологической точки зрения, поэтому за Н. А. Некрасовым закрепились характеристика «гражданский поэт». Однако стилистические особенности его произведений связаны не только с этим аспектом. Известный литературовед Д. С. Мирский отметил, что Н. А. Некрасов – поэт с современным взглядом: «Его заслуга заключается в том, что он смело создал новую поэзию, не подвластную старым стандартам вкуса. <...> С точки зрения оригинальности и креативности Н. А. Некрасов стоит на первом месте среди русских поэтов...» [15, с. 24]. Эти слова являются основанием для возобновления интереса к личности писателя, а также для изучения его творчества в разных направлениях.

Заключение

Исследование истории некрасоведения в Китае показало, что в конце 1970-х – начале 1990-х гг. появилось наибольшее количество работ о творчестве русского писателя и переводов его поэзии на китайский язык. Вместе с тем наследие Н. А. Некрасова не до конца изучено китайскими филологами. Так, его эпические и драматические произведения до сих пор не переведены на китайский язык. Кроме того, литературоведы из Китая не уделили должного внимания художественной стороне поэзии Н. А. Некрасова, сосредоточившись на ее революционном содержании. Таким образом, не освещенные китайскими славистами аспекты жизни и творчества Н. А. Некрасова являются перспективными направлениями для изучения.

Библиографические ссылки

1. 魏荒弩. 涅克拉索夫在中国. 国外文学. 1993;5:54–61 = Вэй Хуанну. Н. А. Некрасов в Китае. *Иностранная литература*. 1993; 5:54–61.
2. 甘雨泽. 涅克拉索夫. 沈阳: 辽宁人民出版社; 1984. 157 页 = Гань Юцзе. *Н. А. Некрасов*. Шэньян: Ляонинское народное издательство; 1984. 157 с.
3. 魏荒弩. 涅克拉索夫初探. 北京: 北京大学出版社; 1985. 144 页 = Вэй Хуанну. *Первые шаги в изучении Н. А. Некрасова*. Пекин: Издательство Пекинского университета; 1985. 144 с.
4. 涅克拉索夫 尼阿. 谁在俄罗斯能过好日子. 飞白, 译者. 上海: 上海译文出版社; 1979. 452 页 = Некрасов НА. *Кому на Руси жить хорошо*. Фэй Бай, переводчик. Шанхай: Шанхайское издательство переводов; 1979. 452 с.
5. 魏荒弩. 涅克拉索夫诗选. 上海: 上海译文出版社; 1985. 486 页 = Вэй Хуанну. *Избранные стихотворения Н. А. Некрасова*. Шанхай: Шанхайское издательство переводов; 1985. 486 с.
6. 魏荒弩. 涅克拉索夫文集. 上海: 上海译文出版社; 1992. 1078 页 = Вэй Хуанну. *Собрание стихотворений Н. А. Некрасова*. Шанхай: Шанхайское издательство переводов; 1992. 1078 с.
7. 丁鲁. 涅克拉索夫诗选. 长沙: 湖南人民出版社; 1985. 321 页 = Дин Лу. *Избранные стихотворения Н. А. Некрасова*. Чанша: Хунаньское народное издательство; 1985. 321 с.
8. 易漱泉. 俄国文学史. 长沙: 湖南文艺出版社; 1986. 677 页 = И Шуцюань. *История русской литературы*. Чанша: Хунаньское издательство литературы и искусства провинции; 1986. 677 с.
9. 徐稚芳. 俄罗斯诗歌史. 北京: 北京大学出版社; 1989. 371 页 = Сюй Чжифан. *История русской поэзии*. Пекин: Издательство Пекинского университета; 1989. 371 с.
10. 魏荒弩. 论涅克拉索夫. 北京: 北京大学出版社; 2000. 282 页 = Вэй Хуанну. *О Н. А. Некрасове*. Пекин: Издательство Пекинского университета; 2000. 282 с.
11. 魏荒弩. 涅克拉索夫与苏联诗歌. 国外文学. 1983;1:10–29 = Вэй Хуанну. Н. А. Некрасов и советская поэзия. *Иностранная литература*. 1983;1:10–29.
12. 章其. 长诗《俄罗斯女人》简介. 外国文学研究. 1979;2:38–41 = Чжан Цзи. Введение в поэму «Русские женщины». *Исследование зарубежной литературы*. 1979;2:38–41.
13. 刘国屏. 感人至深的俄罗斯灵魂: 长诗《俄罗斯女人》简评. 在: 江西人民出版社. 世界文学名著选评. 第四辑. 江西: 江西人民出版社; 1982. 页 278–281 = Лю Гуопин. Трогательная русская душа: краткий обзор поэмы «Русские женщины». В: Цзянсинское народное издательство. *Избранные и критические произведения мировой литературы. Том 4*. Цзянси: Цзянсинское народное издательство; 1982. с. 278–281.
14. 朱宪生. 俄罗斯抒情诗史. 西安: 陕西人民教育出版社; 1993. 405 页 = Чжу Сяньшэн. *История русской лирики*. Сиань: Шаньсийское издательство народного образования; 1993. 405 с.
15. 米尔斯基 得斯. 俄国文学史. 刘文飞, 译者. 北京: 人民出版社; 2013. 758 页 = Мирский ДС. *История русской литературы*. Лю Вэньфэй, переводчик. Пекин: Народное издательство; 2013. 758 с.

УДК 81'373.211.5:008(476+44)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «МЕСТО» В ВИКОНИМИИ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

М. Л. ДОРОФЕЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. С точки зрения лингвокультурологического подхода исследованы 1075 номинаций объектов крупных сельских населенных пунктов Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, а также департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции. Представлены результаты сопоставительного анализа русских и французских виконимов. Установлены сходства и различия структуры лингвокультурологического поля «место» в виконимии Беларуси и Франции. Определены основные тематические классы и подклассы внутрисельских номинаций объектов, формирующие данное лингвокультурологическое поле в каждой национальной подсистеме. Выявлены общие тематические классы виконимов, которые, в зависимости от количественного состава, можно ранжировать в порядке убывания следующим образом: виконимы, мотивированные номинациями физико-географических особенностей местности, архитектурных ориентиров, топонимных ориентиров, виконимных ориентиров, а также пространственных особенностей местности. Выделены основные тексты культуры, транслируемые данными номинативными единицами. Настоящее исследование способствует сохранению и продвижению национального лингвокультурного своеобразия.

Ключевые слова: виконим; лингвокультурологическое поле; тематический класс; текст культуры; русский язык; французский язык.

Образец цитирования:

Дорофеевко МЛ. Лингвокультурологическое поле «место» в виконимии Беларуси и Франции. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;2:22–29. EDN: HIWCXY

For citation:

Darafeyenka ML. The linguacultural field «place» in the viconymy of Belarus and France. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:22–29. Russian. EDN: HIWCXY

Автор:

Марина Леонидовна Дорофеевко – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Maryna L. Darafeyenka, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology. mari008@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1094-7316>

ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНАЕ ПОЛЕ «МЕСЦА» У ВІКАНІМІІ БЕЛАРУСІ І ФРАНЦЫІ

М. Л. ДАРАФЕЕНКА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. З пункту гледжання лінгвакультуралагічнага падыходу даследаваны 1075 намінацый аб'ектаў буйных сельскіх населеных пунктаў Віцебскага і Полацкага раёнаў Віцебскай вобласці Беларусі, а таксама дэпартаменту Ніжні Рэйн і Марна Вялікага ўсходняга рэгіёна Францыі. Прадстаўлены вынікі супастаўляльнага аналізу рускіх і французскіх віконімаў. Устаноўлены падабенствы і адрозненні структуры лінгвакультуралагічнага поля «месца» ў віканіміі Беларусі і Францыі. Вызначаны асноўныя тэматычныя класы і падкласы ўнутрысельскіх намінацый аб'ектаў, якія фарміруюць гэта лінгвакультуралагічнае поле ў кожнай нацыянальнай падсістэме. Выяўлены агульныя тэматычныя класы віконімаў, якія, у залежнасці ад колькаснага складу, можна ранжыраваць у парадку змяншэння наступным чынам: віконімы, матываваныя намінацыямі фізіка-геаграфічных асаблівасцей мясцовасці, архітэктурных арыенціраў, тапанімічных арыенціраў, віканімічных арыенціраў, а таксама прасторавых асаблівасцей мясцовасці. Выдзелены асноўныя тэксты культуры, якія трансліююцца гэтымі намінацыйнымі адзінкамі. Дадзенае даследаванне садзейнічае захаванню і прасоўванню нацыянальнай лінгвакультурнай своеасаблівасці.

Ключавыя словы: віконім; лінгвакультуралагічнае поле; тэматычны клас; тэкст культуры; руская мова; французская мова.

THE LINGUACULTURAL FIELD «PLACE» IN THE VICONYMY OF BELARUS AND FRANCE

M. L. DARAFEYENKA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. From the point of view of the linguacultural approach, 1075 nominations of objects of large rural settlements of the Viciebsk and Polack districts of the Viciebsk region of Belarus, as well as the departments of Bas-Rhin and Marne of the Greater Eastern Region of France were studied. The results of a comparative analysis of Russian and French viconyms are presented. Similarities and differences in the structure of the linguacultural field «place» in the viconymy of Belarus and France are established. The main thematic classes and subclasses of intra-rural nominations of objects form this linguacultural field in each national subsystem are determined. Common thematic classes of viconyms are revealed, which, depending on the quantitative composition, can be ranked in descending order as follows: viconyms motivated by nominations of physical and geographical features of the area, architectural landmarks, toponymic landmarks, viconymic landmarks, as well as spatial features of the area. The main cultural texts transmitted by these nominative units are highlighted. This research contributes to the preservation and promotion of national linguacultural identity.

Keywords: viconym; linguacultural field; thematic class; text of culture; Russian language; French language.

Введение

Ономастикон как городского, так и сельского населенного пункта содержит ценные сведения об истории, культуре и тенденциях развития языка, определяет уникальный культурный опыт народа и, соответственно, является чувствительным к изменениям, происходящим в обществе. В настоящее время в лингвистике в целом и ономастике в частности отмечается активизация интереса к изучению различных номинаций в контексте культуры.

Нельзя не согласиться с В. А. Масловой, полагавшей, что рамки современной антропоцентрической парадигмы существенно расширяют горизонты лингвистики, поэтому «назрела необходимость посмотреть на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека»¹. В связи с этим в лингвистике становятся популярными следующие направления исследования взаимодействия языка и культуры, соотношения языка и личности: лингвокультурология, когнитивная лингвистика,

¹ *Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. Минск : ТетраСистемс, 2004. С. 4.*

этнолингвистика и т. д. Взгляд на науку об именах собственных с точки зрения лингвокультурологии востребован, так как он демонстрирует переход к антропоцентрической ономастике, в которой языковые номинации рассматриваются в тесной связи с человеком, его мышлением, знаниями, культурными ценностями, исторической памятью, духовно-практической деятельностью. Актуальность настоящей работы, предполагающей сопоставительное изучение региональных ономастических единиц в контексте их взаимосвязи с культурой, обусловлена перспективностью проведения лингвокультурологического исследования в рамках современной антропоцентрической парадигмы; отсутствием монографических работ, посвященных лингвокультурологическому изучению внутрисельских названий в нескольких регионах; необходимостью восполнить лакуны в исследовании этого сегмента языковой картины мира; возможностью углубить знания о строении лингвокультурологического поля (ЛП) проприальных единиц.

Цель данной работы заключается в выявлении сходств и различий структуры ЛП «место» в виконимии² Беларуси и Франции. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач:

- определить основные тематические классы (ТК) виконимов Беларуси и Франции, функционирующие в рамках ЛП «место»;
- выделить основные тексты культуры, которые транслируются анализируемыми номинативными единицами;
- установить качественное и количественное соотношение ТК виконимов в обеих национальных подсистемах.

Теоретическая основа исследования

В настоящее время региональная ономастика и сопоставительная ономастика являются востребованными отраслями лингвистического исследования. Наиболее перспективные разработки осуществляются в лингвокультурологическом направлении, предполагающем изучение культурных ценностей, опыта языковой личности, национального менталитета и языковой картины мира, отраженных в именах собственных.

В белорусской и русской ономастической науке сложились следующие способы воссоздания языковой картины мира, применяемые преимущественно в отношении внутригородских названий.

I. Лингвокультурологическое описание подсистемы номинаций населенных пунктов с учетом семантики, культурного компонента, структуры. Имеющиеся научные работы объединяет факт изучения совокупности названий на основе семантической классификации номинативных единиц в соответствии с их национально-культурной спецификой. Проанализированы внутригородские наименования отдельных населенных пунктов Великобритании (Е. А. Сизова), России (Е. А. Сизова, А. С. Гальцова, Ю. Г. Пушкарёва, Т. Н. Романова, Н. А. Федорова, Г. А. Козлова), Франции (Е. А. Сизова), Чили (Е. С. Бобылева) и др. Внутрисельские номинации только начинают исследоваться в данном ключе. Так, к настоящему моменту рассмотрены белорусские виконимы с точки зрения современной культуры (А. М. Мезенко [2]) и лингвокультурологии (М. Л. Дорофеев³). Во французской ономастике известны немногочисленные, осуществленные с учетом когнитивного аспекта исследования урбанонимов в контексте их взаимосвязи с культурной идентичностью. Так, Ж.-К. Бувье, рассмотрев корреляцию проприальных элементов и культурной идентичности, пришел к выводу о том, что среди всего материала, на основе которого проводилась инвентаризация регионального культурного наследия сообщества для определения контуров его региональной культурной идентичности, названия мест и людей имеют особое положение [3, р. 14].

II. Описание кодов культуры. В современных лингвистических исследованиях объем понятия «код культуры» разнится. Например, по определению В. В. Красных, код культуры представляет собой «сетку, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [4, с. 232]. Коды культуры являются структурообразующими компонентами национального культурного пространства. Правила толкования знаков, расшифровки кодов обусловлены лингвокультурой, в которой они будут прочтены, определенным культурным хронотопом, фоновыми знаниями интерпретатора. Коды культуры выражают национальную специфику языка, поэтому их соотношение в различных лингвокультурах неодинаково. В настоящее время определены коды культуры, транслируемые ономастической лексикой (антропонимами, микротопонимами и зоонимами) сельского локуса Воронежского Прихопёрья (Е. И. Сянова), белорусскими урбанонимами (А. М. Мезенко) и виконимами (А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеев), внутрисельскими названиями Витебщины и Смоленщины (М. Л. Дорофеев), эргоурбонимами (Л. А. Годуйко, О. А. Корабо). Кроме того, выявлены коды культуры, репрезентируемые ойконимами Беларуси (Т. Ю. Васильева) и смоленско-белорусского приграничья (И. А. Королёва).

²Виконимия – совокупность виконимов. Виконим – «...вид топонима. Собственное имя любого внутрисельского объекта, например *Молодежный пер., Мелиоративная ул., Хуторская ул.*» [1, с. 195].

³Дорофеев М. Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2015. 28 с.

Ученые выделяют разное количество кодов культуры, представленных в той или иной системе. Среди них можно отметить антропоморфный, топоморфный, темпоральный и другие коды культуры. Кроме того, следует указать на их разную приоритетность, а также на синонимичность, свойственную их названиям (физико-географический – географический – ландшафтный; растительный – ботанический – фитоморфный; временной – темпоральный; фаунистический – зооморфный).

III. Определение текстов культуры. Текст культуры – интересный объект изучения, ставший популярным в гуманитарных (лингвистических, лингвокультурологических) исследованиях в последние десятилетия (Н. Ф. Котленок, Н. А. Симбирцева). Он представляет собой динамическую систему, так как является «отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в другом» [5, с. 27]. Так, Н. А. Симбирцева рассмотрела тексты культуры как культурологическую категорию, раскрыв на уровне структуры ее ценностно-смысловой потенциал [5], а также определила особенности прочтения текстов культуры в истории культуры [6].

Тексты культуры являются особой формой восприятия объекта и передачи знаний об окружающей действительности. Примерами могут выступать различные текстовые сообщения, в том числе и номинативные единицы, которые становятся инструментами для хранения и передачи информации, имеют лингвистическую, историческую и культурную значимость, т. е. служат важными конструктами для языковедов, историков, культурологов. По этой причине тексты культуры рассматриваются на ономастическом материале, преимущественно на основе исследования отантропонимных названий (в данном случае может употребляться понятие компонента культуры). Так, проанализировав урбанонимный отантропонимный годонимикон Витебщины, А. М. Мезенко написала о компонентах культуры, которые выступают его слагаемыми [7, с. 22–30]. Позднее была опубликована работа, посвященная реализации текстов культуры в городском пространстве различных населенных пунктов [1]. Однако тексты культуры были рассмотрены и на примере оттопонимных проприальных единиц. Так, исследованы тексты культуры, реализованные виконимами Витебской области, которые образованы от названий различных типов географических объектов (М. Л. Дорофеев [8]).

IV. Построение ЛП и установление его структуры. Концепция ЛП основывается на том, что метод полевого исследования важен при изучении языка в его взаимосвязи с культурой. В. В. Воробьев описал данное явление как «иерархическую структуру множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определенную культурную сферу»⁴. Н. М. Непомнящих указала: «...переход от семантического поля к полю лингвокультурологическому сопровождался актуализацией различных аспектов полевого метода: лексико-семантического, фразеосемантического, вариационного, грамматико-лексического и некоторых других» [9, с. 65].

В XXI в. сложились следующие направления в исследовании ЛП.

1. Изучение структуры и методологии описания ЛП (В. В. Воробьев, Н. Д. Паршина), а также его сущности, заключающейся в единстве языка и культуры (О. А. Козырева, Р. Х. Хайруллина, В. В. Воробьев). По мнению ученых, в структуру ЛП входят:

- имя (ядро) ЛП и его инвариантный лингвокультурологический смысл (интенционал имени и поля);
- классы (группы) лингвокультурем как единиц – единств собственно языкового и внеязыкового содержания (экстенционал поля: центр и периферия);
- категориальные отношения лингвокультурем;
- парадигматика лингвокультурем;
- синтагматика лингвокультурем⁵.

2. Описание ЛП различных (лингвистических, культурных, педагогических) явлений (И. В. Гостева, Е. С. Луткова, К. В. Кулаковская, Х. Дун). Многие работы посвящены выявлению структуры поля каких-либо концептов в английском (М. М. Ангелова, Н. Д. Паршина), русском (Н. Р. Суродина, Ф. Х. Хасанова, С. В. Борисова) и немецком (Н. С. Годжаева) языках.

3. Анализ различных полей (в основном лексико-семантических) с определением их лингвокультурологических особенностей в русском (М. О. Сорокина, Р. Н. Канафиев) и английском (О. Е. Середина, И. Э. Коротаева) языках. Описание ЛП проприальных единиц пока не осуществлялось.

Материалы и методы исследования

Материалом для настоящей работы послужили 1075 номинаций объектов крупных сельских населенных пунктов Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, а также департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции.

⁴Воробьев В. В. Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Изд-во РУДН, 2006. С. 65.

⁵Там же. С. 64–65.

В основу исследования был положен лингвокультурологический подход к изучению виконимов как элементов топонимной подсистемы. Решение поставленных в работе задач потребовало осуществления целенаправленной выборки материала и его лингвокультурологической интерпретации с привлечением исторических, этнографических и лингвистических данных, а также применения описательного, синхронического, типологического, сопоставительного и полевого методов.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время приобретает актуальность обращение к лингвокультурологическому аспекту изучения номинативных единиц, что связано с содержанием в них ценной исторической, культурной и этнографической информации. Для понимания имени собственного на этом уровне человеку необходимо обладать определенными фоновыми знаниями. Следует отметить, что истолкование наименования может требовать привлечения этимологического анализа слова в том случае, если связь формы со значением непонятна реципиентам. Рассмотрение имени собственного в национально-культурном контексте подразумевает изучение его лингвистической и культурологической составляющих.

В ходе исследования было определено, что виконимы Беларуси и Франции являются компонентами либо ЛПП «место», либо ЛПП «память». Вместе с тем в обеих национальных подсистемах отмечено количественное преобладание элементов первого ЛПП над элементами второго ЛПП: 68,3 и 31,7 % виконимов Беларуси входят в ЛПП «место» и ЛПП «память» соответственно; 74,9 и 25,1 % виконимов Франции относятся к ЛПП «место» и ЛПП «память» соответственно.

ЛПП «место» имеет следующую структуру. В русском языке в качестве его названия выступает слово *место*. Синонимами этой лексемы, обозначающей географическое место, являются существительные *помещение, простор, пространство, площадь, поприще, полоса, поле, поляна, район, промежуток; местность, край, окраина, область, околица, околотов, округ, сторона, страна, территория, уголок; губерния, уезд*⁶. Во французском языке существует несколько эквивалентов данной номинации, среди которых в ономастических исследованиях чаще используется существительное *lieu*, служащее названием ЛПП в настоящей работе. В качестве его синонимов могут употребляться существительные *place* «место; площадь, плац; город», *endroit* «место; небольшой населенный пункт», *emplacement* «место», *point* «пункт, точка, место», *coin* «угол, уголок; незаметное, отдаленное место; квартал, район; участок», *région* «область, край, округ, местность; регион», *secteur* «округ, район, участок», *zone* «зона, пояс, полоса; пространство, район»⁷.

В русском языке интенционал ЛПП «место» охватывает следующие характеристики: «1. Пространство, к-рое занято кем-чем-н., на к-ром что-н. происходит, находится или где можно расположиться. *Двигать с места на м. М. в вагоне. <...>* 2. Участок на земной поверхности, местность (в 1 знач.). *Живописные м.* 3. Помещение, пространство, предназначенное для временного пребывания кого-н. одного. *М. в вагоне, каюте*»⁸. Во французском языке интенционал данного ЛПП составляют следующие характеристики: «1. Пространственная организация чего-либо, кого-либо, позволяющая определить его местоположение, направление, траекторию. *М. встречи не назначено.* 2. Место, населенный пункт, здание, помещение и т. д., рассматриваемые с точки зрения их назначения или того, что там происходит. *Вы не находились на своем рабочем м.*»⁹ (здесь и далее перевод наш. – М. Д.).

Экстенционал ЛПП «место», в который входят понятия, связанные с физико-географическими особенностями местности, включает общие для двух национальных подсистем ТК (см. рисунок). В зависимости от количественного состава их можно ранжировать в порядке убывания следующим образом: ТК «физико-географические особенности местности» (43,9 % виконимов от общего количества внутрисельских наименований в двух национальных подсистемах), ТК «архитектурные ориентиры» (18,2 %), ТК «топонимные ориентиры» (15,2 %), ТК «виконимные ориентиры» (10,0 %), ТК «пространственные особенности местности» (7,3 %).

Необходимо указать, что перечисленные выше категории онимов анализировались в совокупности при изучении номинативных особенностей внутрисельских названий какой-либо территории. Целенаправленное исследование этих единиц в рамках нескольких лингвокультур пока не осуществлялось. В белорусской ономастике виконимы, связанные с физико-географическими особенностями местности, получили свое название в соответствии со свойствами и качествами объектов местности; виконимы, мотивированные

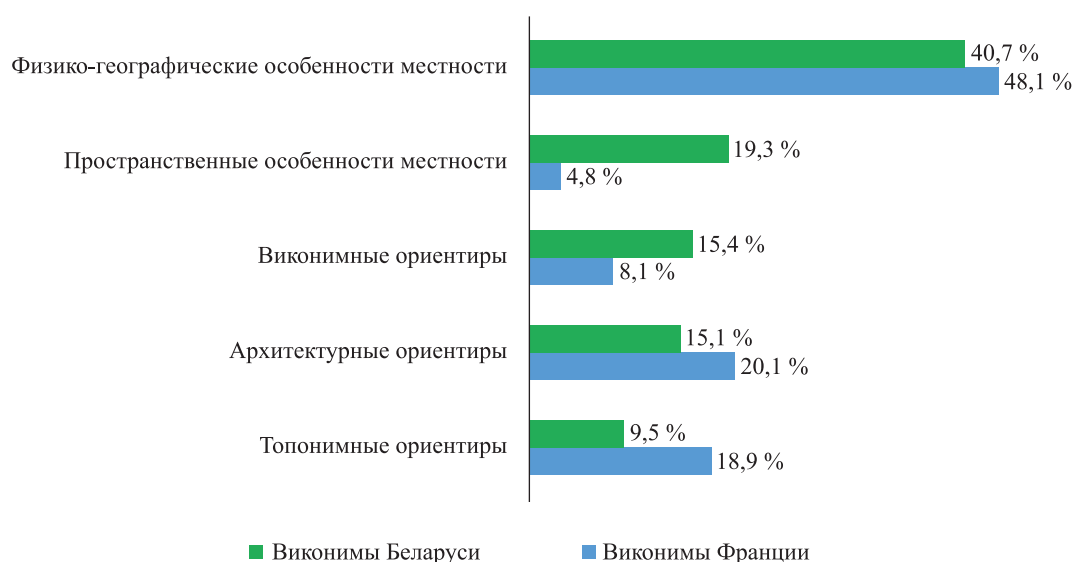
⁶Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50 000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. М. : Аделант, 2013. С. 159.

⁷Гак В. Г., Ганишина К. А. Новый французско-русский словарь. 70 000 слов, 200 000 единиц перевода. 4-е изд. М. : Рус. яз., 1998. 1194 с.

⁸Место // SLOVARonline : портал. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/15375-MESTO> (дата обращения: 20.04.2024).

⁹Lieu // Larousse : portail. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/lieu/47076> (date d'accès: 20.04.2024).

номинациями архитектурных, топонимных и виконимных ориентиров, а также соотносящиеся с пространственными особенностями местности, были названы на основании связи с другими объектами¹⁰ [7]. Они рассматриваются в составе характерологических и топоморфных номинаций [1]. В русской ономастике виконимы названных ТК анализируются в рамках виконимов-характеристик [10]. В немногочисленных франкоязычных работах, которые посвящены обозначениям внутрисельских объектов, выделяются топографические названия, указывающие на положение в пространстве, и номинативные единицы, связанные с элементами ландшафта, соседними населенными пунктами, зданиями [11, р. 121–122]. Во французской ономастике подобные группы наименований рассматриваются в контексте характеризующих названий [12, с. 304]. По мнению Д. Бадариотти, происхождение годонимов связано с функцией места (культовой, торговой, военной и т. д.), что придает им информативное и значимое содержание. Кроме того, их функция состоит в упрощении пространственной идентификации соответствующих мест и, следовательно, в облегчении ориентации на местности [13, р. 291].

Соотношение виконимов Беларуси и Франции, которые входят в ТК, принадлежащие к ЛП «место»
Correlation of viconyms of Belarus and France, which are included in the thematic classes, belonging to the linguacultural field «place»

Анализ существующих классификаций виконимов показал, что они объединяются в ТК на основании таких характеристик, как качества объектов и их местоположение в пространстве, в том числе относительно каких-либо объектов. Рассмотрим виконимы ТК «физико-географические особенности местности», «архитектурные ориентиры», «топонимные ориентиры», «виконимные ориентиры» и «пространственные особенности местности» подробнее.

ТК «физико-географические особенности местности». Виконимы, связанные с физико-географическими особенностями местности, численно преобладают над другими виконимами Беларуси и Франции. В основу данных номинаций положены следующие характеристики:

- название элемента ландшафта. В двух национальных подсистемах зафиксированы наименования, указывающие преимущественно на нейтральный рельеф местности (*Лесная ул.*¹¹, *Родниковая ул.*; *rue des Champs* ‘Полевая ул.’, *rue du Ruisseau* ‘Ручьевая ул.’) и реже на отрицательный ее рельеф (*Овражная ул.*, *Овражный пер.*; *rue de la Carrière* ‘Карьерная ул.’, *rue des Ravins* ‘Овражная ул.’). Виконимы, образованные на базе слов – номинаций положительного рельефа местности, функционируют только во Франции (*rue de la Montagne* ‘Горная ул.’, *impasse de la Colline* ‘Горный туп.’). Данные отличия обусловлены разницей ландшафта территорий: белорусские регионы имеют холмисто-равнинную поверхность, французские регионы – холмисто-равнинную и горную поверхность;
- наименование качества объекта или местности (*Солнечная ул.*, *Ясная ул.*; *rue du Soleil* ‘Солнечная ул.’, *rue des Sablons* ‘Песочная ул.’);

¹⁰Дорофеенко М. Л. Виконимия Беларуси... 28 с.

¹¹Приведенные здесь и далее примеры зарегистрированы в сельских населенных пунктах Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, а также департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции.

- название цветочного растения (*Васильковая ул.*, *Цветочная ул.*; *impasse des Jonquilles* ‘Нарциссовый туп.’, *rue des Marguerites* ‘ул. Маргариток’);
- номинация лиственного дерева, кустарника (*Листви́нная ул.*, *Сиреневая ул.*; *rue des Bouleaux* ‘Берёзовая ул.’, *rue des Chênes* ‘Дубовая ул.’);
- наименование плодового растения, его плода (*Вишнёвая ул.*, *Земляничная ул.*; *rue des Framboises* ‘Малиновая ул.’, *rue des Myrtilles* ‘Черничная ул.’).

Следует отметить, что для Франции характерно функционирование тематического подкласса виконимов, восходящих к названиям объектов животного мира (*rue des Abeilles* ‘Пчелиная ул.’, *rue des Alouettes* ‘Жаворонковая ул.’), в то время как в Беларуси зафиксировано лишь одно наименование, относящееся к данному подклассу (*Соловьёвая ул.*). Также важно обозначить, что в Беларуси чаще встречаются ономастические единицы, в которых отражен аспект функциональной нагрузки объекта (*Кольцевая ул.*, *Шоссе́йная ул.*; *route Departementale 994* ‘994-е Департаментское ш.’).

ТК «архитектурные ориентиры». Внутрисельские наименования, мотивированные номинациями архитектурных ориентиров, формируют околоцентральное пространство в двух национальных подсистемах. Виконимы этого ТК мотивированы словами, указывающими на медицинские (*Больничная ул.*, *Санаторная ул.*), образовательные (*Школьная ул.*, *Школьный пер.*; *rue de l'École* ‘Школьная ул.’, *impasse de l'Institut* ‘Институтский туп.’), промышленные (*Заводская ул.*, *Фабричная ул.*; *rue des Fermes* ‘Фермерская ул.’, *rue de la Forge* ‘Кузнечная ул.’), транспортные (*Железнодорожная ул.*, *Станционная ул.*; *rue de la Gare* ‘Вокзальная ул.’, *rue du Tramway* ‘Трамвайная ул.’) и другие типы сооружений. Следует отметить, что виконимы Беларуси связаны с железнодорожной сетью и ее планировочными элементами, а виконимы Франции, помимо этого, – с другими видами транспорта. Для французской подсистемы характерны внутрисельские номинативные единицы, в основу которых положены религиозные (*rue de l'Église* ‘Церковная ул.’, *rue Saint-Nicolas* ‘ул. Святого Николая’ (от названия церкви Святого Николая, расположенной в деревне)) и культурно-исторические (*allée du Château* ‘Замковая аллея’) объекты. Необходимо указать, что в двух национальных подсистемах данный ТК представлен одним или несколькими частотными названиями.

ТК «топонимные ориентиры». Виконимы, восходящие к номинациям топонимных ориентиров, образуют ближнее периферийное пространство виконимии Беларуси и околоцентральное пространство виконимии Франции. Внутрисельские названия данного ТК образованы от астионимов (*Витебская ул.*, *Суражская ул.*; *rue de Champigny* ‘ул. Шампини’, *ave. de Reims* ‘пр. Реймса’) и комонимов (*Рудаковская ул.*, *Руднянская ул.*; *rue de Branscourt* ‘ул. Бранскура’, *rue d'Oger* ‘ул. Ожера’). Следует отметить, что отастионимные виконимы преобладают в Беларуси, а откомонимные виконимы – во Франции. Кроме того, для виконимии Франции характерны наименования, произошедшие от гидронимов (*route du Rhin* ‘ш. Рейна’, *rue de la Sarre* ‘ул. Сарр’) и оронимов (*rue du Mont Sainte-Odile* ‘ул. Горы Сент-Одиль’, *rue des Vosges* ‘ул. Вогезов’). Названные внутрисельские номинативные единицы эксплицитно репрезентируют тексты культуры, так как содержат в себе онимный компонент, выражающий отношение к конкретной стране. Все оттопонимные наименования, которые являются составляющими виконимии Беларуси, связаны только с объектами Беларуси (*Ветринская ул.* (от названия белорусского городского поселка Ветрино Полоцкого района)). В то же время компоненты виконимии Франции связаны с объектами Франции (89,2 % оттопонимных виконимов) (*rue d'Epernay* ‘ул. Эперне’ (от названия французского города Эперне)), Германии (5,0 % оттопонимных виконимов) (*chemin du Muhlwasser* ‘тракт Мюльвассера’ (от названия немецкой реки Мюльвассер)) и Швейцарии (3,6 % оттопонимных виконимов) (*rue de Genève* ‘Женевская ул.’ (от названия швейцарского города Женевы)). Следует отметить, что не удалось однозначно идентифицировать тексты культуры, репрезентируемые 2,2 % ономастических единиц.

ТК «виконимные ориентиры». Внутрисельские названия, образованные от наименований виконимных ориентиров, формируют околоцентральное пространство виконимии Беларуси и ближнее периферийное пространство виконимии Франции. В обеих подсистемах присутствуют виконимы, повторяющие названия других внутрисельских линейных объектов (*Набережный пер.*, *Шоссе́йный пер.*; *impasse Jules Ferry* ‘туп. Жюль Ферри’, *impasse des Vignes* ‘Виноградный туп.’). Только в Беларуси функционируют виконимы, содержащие в своем составе номер (2-я *Шапу́ровская ул.*, 3-я *Заречная ул.*). Следует отметить, что лишь во Франции зафиксированы номинативные единицы, связанные с внутрисельскими объектами иного, нелинейного типа (*rue de la Fontaine* ‘Фонтановая ул.’, *rue du Pont* ‘Мостовая ул.’).

ТК «пространственные особенности местности». Виконимы, в основе которых лежат номинации – названия пространственных особенностей местности, образуют околоцентральное пространство виконимии Беларуси и периферийное пространство виконимии Франции. Внутрисельских наименований объектов, которые мотивированы лексемами, обозначающими специфику местоположения линейного объекта относительно других объектов или планировочных элементов населенного пункта

(*Дальний пер.*, *Придвинский пер.*; *rue Basse* ‘Низкая ул.’, *rue Montante* ‘Восходящая ул.’), больше в Беларуси, чем во Франции. Среди виконимов Франции выделяются наименования, основанные на параметрических характеристиках объекта (*blvd. Carnot Prolongé* ‘бульвар Карно удлиненный’, *rue Grande* ‘Большая ул.’).

Результаты анализа региональной виконимии Беларуси и Франции свидетельствуют о том, что ономастикон сельского населенного пункта содержит культурно значимую информацию, обладающую определенной спецификой в разных странах. Особую роль в процессе номинации играют ландшафтные и культурные особенности региона.

Заключение

Исследованные ономастические единицы обладают значительным культурно-историческим потенциалом, являются носителями экстралингвистической информации энциклопедического характера. Анализ региональной виконимии Беларуси и Франции позволил выявить сходства и различия структуры ЛП «место» в двух национальных ономастических подсистемах.

Изученные виконимы Беларуси и Франции сближаются культурной значимостью информации, связанной с физико-географическими и пространственными особенностями, архитектурными, топонимными, виконимными ориентирами. Было выявлено частичное сходство их положения в ЛП: центральное место занимают виконимы, восходящие к номинации физико-географических особенностей местности, что подтверждает важность учета специфики регионального ландшафта при создании ономастикона населенного пункта; в околоцентральное пространство входят лексемы, основой для образования которых выступили наименования архитектурных ориентиров. Необходимо отметить, что виконимы Беларуси и Франции входят в одинаковые ТК, которые, в свою очередь, включают тематические подклассы ономастических единиц. Кроме того, в обеих национальных подсистемах присутствует малое количество мотивирующих основ (часто они совпадают), что проявляется в немногочисленности номинаций, но в высокой частотности их функционирования. Так, почти в каждом ТК есть названия, образованные от одинаковых мотиваторов. Важно указать, что в Беларуси и Франции преобладают виконимы, которые связаны с объектами, расположенными именно в данных странах.

К различиям структуры ЛП «место» в двух национальных подсистемах следует отнести несовпадение номинативных приоритетов, заключающееся в разном процентном соотношении компонентов ТК в рамках ЛП; наличие разного качественного и количественного состава текстов культуры, репрезентируемых проанализированными названиями (компоненты виконимии Беларуси связаны с объектами Беларуси, компоненты виконимии Франции – с объектами Франции, Германии и Швейцарии); функционирование национально-специфических подклассов в границах ТК.

Библиографические ссылки

1. Мезенко АМ, Дорофеенко МЛ, Синкевич ТИ, Слесарева ТП. *Белорусское Поозерье на ономастическом ландшафте майской родины*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2023. 200 с.
2. Мезенко АМ. Белорусские виконимы в контексте современной культуры. В: Ровдо ИС, редактор. *Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы). Материалы III Международной научной конференции; 6–7 апреля 2006 г.; Минск, Беларусь. Часть I*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2006. с. 135–137.
3. Bouvier JC. Désignations onomastiques et identité culturelle. In: Mulon M, Dumas F, Taverdet G, éditeurs. *Onomastique – dialectologie. Actes du colloque d’onomastique de Loches; mai 1978; Paris, France*. Paris: Société française d’onomastique; 1980. p. 13–25.
4. Красных ВВ. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций*. Москва: Гнозис; 2002. 284 с.
5. Симбирцева НА. Культурологический потенциал категории «текст культуры». *Человек в мире культуры*. 2013;3:27–32.
6. Симбирцева НА. Текст культуры и практика его прочтения в истории культуры. *Филология и человек*. 2015;3:7–17.
7. Мезенко ГМ. *Віцебшчына ў назвах вуліц. Частка I*. Віцебск: Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава; 2008. 363 с.
8. Дорофеенко МЛ. Тексты культуры в виконимии Витебской области (на материале оттопонимных внутрисельских названий). В: Королёва ИА, редактор. *Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Материалы Международной научной конференции; 15 июня 2022 г.; Смоленск, Россия*. Смоленск: Смоленский государственный университет; 2022. с. 28–32.
9. Непомнящих НМ. Переход от семантического поля к полю лингвокультурологическому («горец»/«highlander»). *Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность*. 2016;4:65–71.
10. Разумов РВ. Современная виконимия Ярославской области. В: Березович ЕЛ, редактор. *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Международной научной конференции; 8–10 сентября 2012 г.; Екатеринбург, Россия. Часть I*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2012. с. 131–133.
11. Debie R. Les noms de rues traditionnels des communes rurales de la Somme. *Nouvelle revue d’onomastique. L’Ardenne, l’eau et la forêt*. 1987;9–10:121–125.
12. Bouvier JC. Odonymes d’agglomération entre l’écrit et l’oral. *Nouvelle revue d’onomastique*. 1999;33–34:303–310.
13. Badariotti D. Les noms de rue en géographie. Plaidoyer pour une recherche sur les odonymes: street names, an argument for a geographic research. *Annales de Géographie*. 2002;111:285–302. DOI: 10.3406/geo.2002.1658.

Статья поступила в редколлегию 11.06.2024.
Received by editorial board 11.06.2024.

ЧАСТНЫЙ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ В СТРУКТУРЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI в.

О. В. ЗУЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Разрабатывается вопрос об отражении взаимодействия частного и официального дискурсов в лингвостилистических и композиционных свойствах восточнославянских эпистолярных текстов периода позднего Средневековья, созданных представителями властных элит. Выявляется связь между особенностями содержательной структуры, стилистики текстов, образующих корпус переписки великой княгини литовской Елены Ивановны с родственниками в 1495–1507 гг., и коммуникативной тональностью эпистолярного диалога, уместной в том контексте дипломатического общения, в котором составлялись письма. Сопоставляются языковые средства выражения элементов формуляров писем Елены Ивановны и ее корреспондентов. Анализируются проприальные и апеллятивные номинации адресанта и адресата в письмах, личные местоимения единственного и множественного числа, указывающие на коммуникантов. Показываются синкретичная жанровая природа исследованных писем и типичность этого явления для средневековой письменной коммуникации.

Ключевые слова: старорусский язык; эпистолярный текст; письмо; великая княгиня литовская Елена Ивановна; дипломатические коммуникации; частный дискурс; официальный дискурс; коммуникативная тональность.

ПРЫВАТНЫ І АФІЦЫЙНЫ ДЫСКУРСЫ Ў СТРУКТУРЫ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ ДЫПЛАМАТЫЧНЫХ КАМУНІКАЦЫЙ КАНЦА XV – ПАЧАТКУ XVI ст.

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Распрацоўваецца пытанне аб адлюстраванні ўзаемадзеяння прыватнага і афіцыйнага дыскурсаў у лінгвастылістычных і кампазіцыйных уласцівасцях усходнеславянскіх эпістальных тэкстаў перыяду позняга Сярэднявечча, створаных прадстаўнікамі ўладных эліт. Выяўляецца сувязь паміж асаблівасцямі змястоўнай структуры, стылістыкі тэкстаў, якія ўтвараюць корпус перапіскі вялікай княгіні літоўскай Алены Іванаўны са сваякамі ў 1495–1507 гг., і камунікатыўнай танальнасцю эпістальнага дыялогу, дарэчнай у тым кантэксце дыпламатычных зносін, у якім складаліся лісты. Супастаўляюцца моўныя сродкі выражэння элементаў фармуляраў лістоў Алены Іванаўны і яе карэспандэнтаў. Аналізуюцца прапрыяльныя і апелятыўныя намінацыі адрасанта і адрасата ў лістах, асабовыя займеннікі адзіночнага і множнага ліку, якія пазначаюць камунікантаў. Паказваюцца сінкрэтычная жанравая прырода даследаваных лістоў і тыповасць гэтай з’явы для сярэднявечнай пісьмовай камунікацыі.

Ключавыя словы: стараруская мова; эпістальны тэкст; ліст; вялікая княгіня літоўская Алена Іванаўна; дыпламатычныя камунікацыі; прыватны дыкурс; афіцыйны дыкурс; камунікатыўная танальнасць.

Образец цитирования:

Зуева ОВ. Частный и официальный дискурсы в структуре восточнославянских дипломатических коммуникаций конца XV – начала XVI в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;2:30–40.
EDN: GOOCHN

For citation:

Zuyeva VU. Private and official discourses in the structure of East Slavic diplomatic communications of the late 15th – early 16th century. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025; 2:30–40. Russian.
EDN: GOOCHN

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Volha U. Zuyeva, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

PRIVATE AND OFFICIAL DISCOURSES IN THE STRUCTURE OF EAST SLAVIC DIPLOMATIC COMMUNICATIONS OF THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURY

V. U. ZUYEVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article deals with the issue of interaction of private and official discourses reflection in the linguistic, stylistic and compositional properties of East Slavic epistolary texts of the late Middle Ages, created by representatives of the ruling elites. The connection between the content, structural and stylistic features of the texts that form the corpus of correspondence between the Grand Duchess of Lithuania Helena Ivanovna with her relatives in 1495–1507 and the created tenor of discourse of epistolary dialogue, appropriate in the context of diplomatic communication, in which the letters were composed, is revealed. The linguistic means of expressing formulaic elements of Helena Ivanovna's and her correspondents' letters are compared. The proper and appellative nominations of the addresser and addressee in the letters, personal pronouns of the singular and plural, indicating the communicants, are analysed. The syncretic genre nature of the studied letters and the typicality of this phenomenon for medieval written communication are shown.

Keywords: the Old Russian language; epistolary text; letter; Grand Duchess of Lithuania Helena Ivanovna; diplomatic communications; private discourse; official discourse; tenor of discourse.

Введение

В средневековой Руси дипломатические коммуникации осуществлялись посредством разветвленной системы письменных и устных жанров, неотъемлемой частью которой была различного рода корреспонденция [1, с. 14]. Материалом для настоящего исследования являются эпистолярные тексты, которые входят в состав источников конца XV – начала XVI в., связанных с заключением брака великого князя литовского Александра Казимировича и дочери великого князя московского Ивана Васильевича, княжны Елены Ивановны (в браке стала великой княгиней литовской, королевой литовской), а также с дальнейшей миссией Елены Ивановны в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ). Этот корпус писем фиксирует обычное для Средневековья явление реализации дипломатических связей через родственные коммуникации в кругу властных элит. Постулируемый для социумов предыдущих эпох особый характер дифференциации приватной и публичной, частной и официальной сфер жизни (с допущением отсутствия этой дифференциации в средневековой придворной культуре [2, с. 26] (в этой же работе приведен подробный обзор исследований до конца XX в.)) находит отражение во взаимодействии частного и официального дискурсов [3–6]. На наш взгляд, основания для различения дискурсов, при всей историчности понятия «частная сфера», панхроничны и связаны с вербализацией оппозиций *интимизация – дистанцирование*, *оценочность – безоценочность*, *индивидуальное – стандартное* и др. Сложность заключается в поиске и интерпретации соответствующих эскапаторов. Как авторская индивидуальность проявляется в жанровом стандарте и проявляется ли? Как доказать наличие оценочного значения в слове? Когда самопрезентация адресанта посредством местоименных и глагольных форм множественного числа (*мы-адресанта*) является маркером дистантной коммуникации, а когда нет? В данной статье затрагиваются эти вопросы и показывается взаимодействие дискурсов через анализ лингвостилистических и композиционных свойств текстов.

Личность Елены Ивановны и ее эпистолярное наследие привлекали внимание историков и филологов начиная с XIX в. Об обстоятельствах заключения династического брака в январе 1495 г., обязанностях Елены Ивановны и ее дальнейшей жизни в ВКЛ написана внушительная по объему литература (см. исследования последних лет [7–9], в которых приведены библиографические обзоры). Филологическая, в частности собственно лингвистическая, проблематика изучения посланий Елены Ивановны представлена в трудах Я. С. Лурье [10], Р. Рагаускиене [11], Д. Кершиене [12], М. О. Новак и Я. А. Пеньковой [13]. Особенно важны для выбранного аспекта изучения писем результаты наблюдений Р. Рагаускиене и Д. Кершиене, которые исследуют восточнославянскую и европейскую эпистолярную культуру Средневековья, в том числе женскую эпистолографию. Р. Рагаускиене охарактеризовала языковую ситуацию, отраженную в эпистолярном общении представительниц знати ВКЛ конца XV – начала XVI в. Д. Кершиене определила полный корпус корреспонденции Елены Ивановны; изучила публикации писем; реконструировала ситуации составления писем; сопоставила лексику и риторическую организацию сообщений послов от имени Елены Ивановны, в частности проанализировала «формулу здоровья» в ее письмах родным; указала на близость средневековых латиноязычных и русскоязычных эпистолярных традиций. В работах обоих названных авторов дана общая композиционно-стилистическая характеристика посланий Елены Ивановны.

Нас интересует корпус указанных выше писем как лингвистических источников изучения традиций восточнославянских эпистолярных коммуникаций, которые осуществляются лицами, находящимися между собой в родстве и занимающими высокие и высшие позиции в социально-политической иерархии, которые, в свою очередь, определяют неукоснительное следование церемониалу в речевом поведении. Цель исследования заключается в выявлении связи между особенностями содержательной структуры, стилистики анализируемых текстов и коммуникативной тональностью эпистолярного общения, уместной в том контексте дипломатического общения, в котором эти письма создавались. Реализация этой цели позволяет уточнить данные о взаимодействии разных дискурсов в эпистолярном общении представителей властных элит. Объект исследования – содержательная структура (формуляр) писем и лингвостилистические характеристики наполняющих элементы формуляра языковых единиц разной степени устойчивости как средств формирования коммуникативной тональности. Предмет исследования – специфичность названных характеристик текстов на фоне композиционных и лингвостилистических свойств древне- и старорусских частных и официальных светских писем, актовых материалов (различных видов грамот), а также способы языковой экспликации в данных текстах частного и официального дискурсов.

Под многозначным термином «коммуникативная тональность» («тональность») мы понимаем «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [14, с. 304]. Тональность отражает соотношение социально-статусных и социально-ролевых характеристик участников общения и проявляется в используемых ими языковых средствах [15, с. 283]. Нас интересуют параметры интимизации общения и соблюдения дистанции в общении.

Материалы и методы исследования

Анализируемые письма включены в русские посольские книги – сборники, в которых по пунктам (постатейно) записывались выполнившие свои функции дипломатические тексты. Данные посольские книги опубликованы в 35-м томе серии книг «Сборник Императорского Русского исторического общества» (1882). Письмо от Василия Ивановича сестре, Елене Ивановне, исследовано по его публикации во 2-м томе серии изданий «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» (1848).

На протяжении столетий письма представителей правящих элит составлялись и редактировались при участии третьих лиц, что касается не только дипломатических коммуникаций (см. запись в посольской книге, датированную февралем 1495 г. и посвященную памяти посла: *И коли будетъ великой княгинь Олень послать к отцу своему, къ великому князю, грамота какова тайная, ино велѣти те грамоты писати Ивану Котову* (СРЮ, с. 173); также известны обстоятельства создания писем Елены Ивановны, в том числе роль Ивана Сапеги в составлении писем с 1502 г. [12, р. 75, 93–94, 102, 106, 110], и сведения о частных писарях в ВКЛ [16, с. 383–385]). Данный факт не значит, что Елена Ивановна не принимала участия в подготовке текста. Речь идет о том, что коммуникативная тональность, даже при допустимой степени интимизации и тем более эмоциональности текстов, формируется в них продуманно, она не является выражением индивидуального порыва. Д. Кершиене указала: «Переписку Елены использовали как политический инструмент для достижения государственных интересов. Эпистолярная активность правительницы, уровень и выразительность писем зависели от самой ее личности, сферы деятельности, ее отношений с мужем и семьей, политических обстоятельств и, конечно же, квалификации ее писцов и секретарей» (перевод наш. – О. З.) [12, р. 110]. Кем бы ни составлялись эти тексты, в них отражена рефлексия над тем, что может присутствовать в письме от дочери, великой княгини в одной стране, к отцу, великому князю в другой стране.

Исследуемый корпус включает 11 текстов разного времени создания: 2 письма от отца, великого князя Ивана Васильевича, 1495 и 1503 гг.; 2 письма от матери, великой княгини Софьи Палеолог, 1497 и 1499 гг.; 1 письмо от брата, Василия Ивановича, 1507 г.; 2 письма к отцу 1495 и 1503 гг.; 2 письма к матери 1495 и 1503 гг.; 1 письмо к брату, Василию Ивановичу, 1503 г. и 1 письмо к брату, Юрию Ивановичу, 1503 г. Приписка от имени Елены Ивановны к посланию великого князя Александра Казимировича великому князю Ивану Васильевичу 1497 г. (СРЮ, с. 227) не была включена в исследуемый корпус, поскольку это короткая верительная грамота (*верючая речь*). Стилистическая близость писем Елены Ивановны и данной верительной грамоты отмечена Д. Кершиене¹ [12, р. 91].

¹При широком подходе к эпистолярию верительные грамоты могут быть отнесены к периферии эпистолярного жанра или по крайней мере к тому ярусу в системе письменных диалогических жанров, на котором письмо как не документ превращается в документ. Структура и фразеология верительных грамот и писем, даже частных, имеют общие свойства. О том, что верительные грамоты, адресованные конкретным лицам, воспринимались их отправителями не как формальный служебный документ, свидетельствует метакоммуникативный комментарий великого князя Ивана Васильевича в его письме (грамоте) 1492 г. к своему наместнику боярину Якову Захарьичу. Комментарий касался стиля полученной от троцкого каштеляна, половецкого наместника Яна Юрьевича Забережского верительной грамоты: *А грамоту бы еси вѣрючую писалъ къ нему отъ себя попригожу, вѣжливо, занже онъ писалъ къ тебѣ вѣжливо, тебя почтить, и ты бы его почтить какъ пригоже* (СРЮ, с. 69).

Послание Елены Ивановны отцу и сопровождающие его письма к матери и братьям, которые датированы 2 января 1503 г., вошли в историю русской литературы как образцы средневековой публицистики (условия их создания и риторической организации описаны в работе [10]). Эти тексты образуют отдельный подкорпус. М. О. Новак и Я. А. Пенькова, рассматривавшие данные письма как один большой текст, отметили, что «приписки матери и двум братьям представляют собой краткие вариации пространного письма к отцу» [13, с. 398]. Остальные письма литературной обработкой не отличаются.

Обмен письмами Елены Ивановны с родными через послов происходил с 1495 по 1512 г., однако не вся корреспонденция вошла в состав посольских книг (после 1503 г. велась переписка с братом Василием Ивановичем, которая только упоминается в посольских записях [12, р. 86–87]; также сохранился текст послания Василия Ивановича 1507 г.). Указанные выше 11 текстов княжеской переписки не являются единственными посланиями, связанными с браком и миссией Елены Ивановны. Подготовка к браку отражена в эпистолярных источниках 1492 г.: переписке троцкого каштеляна, полоцкого наместника Яна Юрьевича Забережского с московским воеводой Иваном Юрьевичем Патрикеевым, включающей 4 текста (СРИО, с. 71–72, 78–79, 79–80, 82–83), и переписке великого князя Ивана Васильевича с боярином Яковом Захарьичем, состоящей из 2 текстов (СРИО, с. 69–70, 70–71). Особенности стилистики и структуры этих текстов учитываются при установлении того, что типично и что специфично в посланиях Елены Ивановны и ее родных. Фоном для исследования являются сведения о лингвистических и композиционных свойствах частных и официальных деловых писем второй половины XV – начала XVI в.

Письма изучаются в аспектах исторической стилистики, лингвистического источниковедения и исторической дискурсологии с использованием методов аналитического описания, формулярного анализа и контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

Все письма анализируемого корпуса, вне зависимости от адресанта, называются в посольских книгах только грамотами. Этот факт предсказуем с учетом статуса коммуникантов, который имел решающее значение в церемониале. Любые тексты, создаваемые представителями властных элит, – это грамоты, причем не только в дипломатическом дискурсе (сведения об этом обозначении, применяемом по отношению к частным письмам Василия Ивановича, приведены в работе [17] на с. 104–105; в середине XVII в. царь Алексей Михайлович называет грамотами частные письма своих сестер к нему (ПРГ-2, № 55, с. 56)). Обратим внимание на то, что ни писцы, ведущие посольские книги, ни корреспонденты Елены Ивановны не называют листами письма, присланные из ВКЛ от великой княгини: *А се такову грамоту подалъ отъ великіе княгини Олены...* (ЕИ-1) (о письме к матери); *...и ты бы къ отцу своему и къ намъ грамоту отписала...* (СЕ-2, с. 279). Сравним, как в письме от Елены Ивановны называется послание, переданное от Александра Казимировича Ивану Васильевичу: *Да послалъ къ тобѣ ко государю, ко отцу къ моему, *государь мой князь велики Александръ листъ свой съ Яномъ...*² (ЕИ-1). Елена Ивановна принадлежит к «своей», московской письменной коммуникативной культуре, и тексты, которые создаются ею и (или) от ее имени, – это грамоты.

Рассматриваемые письма относятся к деловому регистру старорусского языка. Книжные элементы выполняют известную функцию: они либо подчеркивают достоинство текста, либо служат экспрессивным средством воздействия на адресата. Наличие в текстах западнорусских элементов объясняется кругом писарей [13, с. 397–401].

Содержательная структура писем как отражение частного и официального дискурсов. В письмах были выделены смысловые блоки – элементы содержательной структуры, а также разновидности вербализующих их формул, дифференцированные по степени устойчивости³. Полученные данные представлены в таблице. Также в текстах были выявлены элементы, нехарактерные для смысловой структуры письма, что отражено в графе «иное». Письма в таблице сгруппированы не в хронологическом порядке, а по отправителю.

Наблюдается отсутствие во всех письмах смыслового блока VIII (элемент характерен для текстов частной духовной и интеллектуальной переписки) и смыслового блока X (подпись как экстратекст могла не переноситься в посольскую книгу). Рассмотрим вербализацию выявленных смысловых блоков (блок VII (семантема) изучается на фоне анализа способов номинаций коммуникантов и формулировок их интенций; основное внимание направлено на этикетные элементы формуляра письма).

²Здесь и далее в примерах мы используем обозначения *государь*, *государыня* в соответствии с тем, как раскрыты титулы в цитируемых изданиях. Под титулами в анализируемую эпоху сокращались слова *господарь*, *господарыня*, которые должны читаться вместо слов *государь*, *государыня* (см.: Успенский Б. А. К истории слова *государь*: некоторые выводы и предположения (титул *государь* и династия Романовых) // Древ. Русь. Вопр. медиевистики. 2023. № 4. С. 135–147). В связи с этим слова *государь*, *государыня* сопровождаются символом * для указания на условный характер их употребления.

³Зуева О. В. Стил ь эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2009. С. 7–8.

Наличие смысловых блоков в анализируемом корпусе писем

The presence of semantic blocks in the analysed corpus of letters

Письмо (год отправления)	Смысловые блоки											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	Иное
ИЕ-1 (1495)	+ (а, б)			+ (а)			+				+	
ИЕ-2 (1503)	+ (а, б)	+					+				+	+
СЕ-1 (1497)	+ (а, б)			+ (а)	+		+				+	
СЕ-2 (1499)	+ (а, б)			+ (а)			+				+	+
ВЕ (1507)	+ (а, б)	+		+ (а)	+		+				+	
ЕИ-1 (1495)	+ (а–в)			+ (а)	+		+		+			
ЕИ-2 (1503)	+ (а–в)					+	+		+		+	+
ЕС-1 (1495)	+ (а–в)			+ (а)	+		+		+			
ЕС-2 (1503)	+ (а–в)		+	(б)			+		+		+	+
ЕВ (1503)	+ (а–в)		+	(б)		+	+		+		+	+
ЕЮ (1503)	+ (а–в)		+	(б)			+				+	+

Примечание. Цифрой I обозначается презентация коммуникантов (а – указание на адресата, б – указание на адресанта, в – приветствие), цифрой II – констатация получения письма адресата, цифрой III – наличие комментариев по поводу получения письма адресата (а – благодарности за письмо, б – реакции на получение письма и (или) впечатления от него), цифрой IV – выражение потребности в дальнейшем письменном общении (а – призыв к адресату писать адресанту, б – мотивация призыва к адресату писать адресанту, в – обязательство адресанта писать адресату), цифрой V – сообщение адресанта о себе, цифрой VI – наличие комментариев по поводу собственного письма (а – мотивации адресантом своего письма, б – извинения за письмо, в – оценки решения обратиться к адресату, г – объяснения задержки письма, д – характеристики своего письма и своей манеры писать, е – призыва к адресату прочесть письмо), цифрой VII – изложение каузирующих письмо интенций (семантема), цифрой VIII – выражение адресантом потребности поддерживать связь с адресатом, цифрой IX – прощание, цифрой X – подпись, цифрой XI – наличие даты и (или) места составления письма.

Смысловый блок I. Только в письмах от Елены Ивановны присутствует собственно приветствие, которое выражается с помощью конструкции «кому – кто челом бьет». Данная конструкция представляет собой клише частных бытовых, частных деловых, служебных писем, отражающих коммуникацию «снизу вверх». В письмах от отца и его сына используется модель «кто – кому», типичная для официальных грамот; в письмах от матери – конструкция «от кого – кому», которая также является обычной в деловых грамотах и частных письмах при коммуникации «сверху вниз». Способы презентации адресанта и адресата будут рассматриваться ниже.

Смысловый блок II. Лишь в письмах от Ивана Васильевича и Василия Ивановича употреблены два разных клише старорусской официальной деловой корреспонденции, к которой принадлежат их тексты: *Прислала еси къ намъ грамоту свою* (ИЕ-2, с. 411); *Да писала еси до насъ...* (ВЕ, с. 24).

Смысловый блок III. Только в посланиях Елены Ивановны матери и братьям 1503 г. встречаются высказывания-клише, выражающие эпистолярный мотив радости: *Рада быхъ слышала здоровье *государя отца моего, и твое *государыни и матери моей, и о брати и о сестрахъ моихъ* (ЕС-2, с. 374); *Каждого часу рада быхъ слышала здоровье *государя отца нашего, и *государыни матери нашей, и твоей милости, брата моего милого* (ЕВ, с. 372–373); *Рада слышу на каждый часъ здоровье *государя отца нашего, и *государыни матери нашей, и твоей милости, брата моего милого* (ЕЮ). Форма сослагательного наклонения со спрягаемым аористом *быти*, типичная для узуса ВКЛ [18, с. 331], является отражением руки писаря.

Смысловый блок IV. Призыв писать, не только церемониальный, но и актуальный, обусловленный потребностью получить информацию, присутствует во всех письмах, кроме переписки 1503 г. Все контексты представляют собой реализацию эпистолярных клише: *...и ты бы ко мнѣ съ нимъ же отписала, чѣмъ неможешъ, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ* (ИЕ-1) (запрос фактической информации); *И отецъ твой да и мы послали тебя навѣстити своего сына боярского... и ты бы намъ отказала, что твоя немочь, и чѣмъ неможешъ, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ* (СЕ-2, с. 279) (запрос фактической информации сопровождается этикетным запросом); *Чтобы еси къ намъ отписала о нашего зятя, а своего мужа, великого князя Александровъ здоровьѣ, да и о своемъ, какъ васъ Богъ милуетъ* (СЕ-2, с. 241); *Что насъ о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти не держиши, а о нашемъ пытаеши, и ты бы и впредь насъ о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти не держала, какъ тебе Богъ милуетъ...* (ВЕ, с. 24); *Пожалуй, *государь, не держи*

нась безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ и матери нашей о здоровьѣ и о братнѣ и о сестринѣ... (ЕИ-1); *Пожалуй, *государыни, не держи нась безъ вѣсти о осподаря отца моего здоровьѣ и о своемъ здоровьѣ и о братнѣ и о сестринѣ...* (ЕС-1). Оптативная конструкция всегда употребляется в коммуникации «сверху вниз», императивная конструкция – в коммуникации «снизу вверх» (в сопровождении этикетного глагола *пожалуй*).

Смысловой блок V. Сообщение адресанта о себе отсутствует в письмах от Ивана Васильевича и посланиях Елены Ивановны 1503 г. Все формулы – клише, неотъемлемая часть структуры старорусского частного письма: *...а здѣсе, *государь, Божією милостію, *государь мой князь велики Александръ да и язъ, дочи твоя, даль Богъ поздорову* (ЕИ-1); *...а здѣсь, *государыни, Божією милостію, *государь мой князь велики Александро да и язъ, дочи твоя, даль Богъ поздорову* (ЕС-1) (дословное повторение); *А здѣсе, милостію Божьею, *государь нашъ, отецъ твой, добръ и здоровъ, и дѣти наши, да и язъ даль Богъ живы есмя, до Божьей воли* (СЕ-1); *...а мы милосердіемъ Божіимъ и Пречистое Богоматери, и святыхъ чудотворецъ и родитель нашихъ молитвою, даль Богъ, живы до Божьей воли* (ВЕ, с. 24).

Смысловой блок VI. Характеристика своего письма и своей манеры писать, а именно реализация мотива краткости, присутствует только в письмах к отцу и брату, Василию Ивановичу, 1503 г.: *Писала быхъ до тебя *государя и отца моего о томъ шире, ино...* (ЕИ-2, с. 370); *А болиши того, брате, съ тяжкое жалости не могу и писати шире...* (ЕВ, с. 374). Содержащееся в них высказывание со стержневым словом *шире* по происхождению является книжной формулой, употребление которой в «литературных письмах», составленных от лица великой княгини, по традиции именно в заключительной части семантемы отражает риторическую компетентность составителей этих текстов.

Смысловой блок IX. Прощание-челобитье (или от первого лица, или от третьего лица), что предсказуемо, присутствует только в письмах от Елены Ивановны: *А язъ тебѣ, *государынѣ своей матери, челомъ бью* (ЕС-1) и др. В письмах 1503 г. данное клише включает экспрессивный распространитель *низко* [19, р. 39–40].

Смысловой блок XI. Указание на дату и (или) место составления письма присутствует во всех текстах, кроме писем к отцу и матери 1495 г. (запись могла быть не перенесена в скопированный текст посольской книги). Данное клише является обязательным элементом официальных грамот: *Писанъ у Вилни, генвая 2 день, индик. 6* (ЕЮ, с. 374) и др.

В рассматриваемых текстах присутствуют смысловые элементы, нехарактерные для писем от родителей к дочери и от дочери к родителям. Все послания Елены Ивановны 1503 г. в заключительной части содержат фрагменты, свойственные верительным грамотам. Элементы челобитных появляются также в конце писем к отцу и матери 1503 г. (жанровая характеристика заявлена в них прямо): *...и ты бы, *государь и отецъ мой, пожаловаль... и учинилъ на челобитье мое, и змиловался надо мною* (ЕИ-2, с. 372); *...змилиуйтеся, челобитіа и плачу моего не оставите* (ЕС-2, с. 376). Письма от матери 1499 г. и отца 1503 г. содержат компонент со значением санкции за отступление от греческого закона. Так, в письме от Софьи Палеолог, в котором наблюдается влияние стилистики официальных духовных учительных посланий, присутствует санкция-предостережение: *...отъ Бога бы еси душою не погибла, а отъ насъ бы еси, отъ своихъ родителей, родствомъ не отпала, да и въ неблагословении и въ проклятьи не была, въ сий вѣкъ и въ будущий* (СЕ-2, с. 280). В письме от Ивана Васильевича при близости формулировки стиль санкции отличается деловым характером, она раскрывает в том числе иной, светский аспект взаимоотношений правящих семей: *...и ты отъ Бога душою погинеши, и отъ насъ не въ благословеніи будеши... а зятю намъ своему того не перепустити* (ИЕ-2, с. 412).

Из описания формуляра видно, что во всех письмах, кроме письма от отца 1503 г., присутствуют структурные элементы, свойственные как частным бытовым и частным деловым письмам XV–XVI вв., так и деловым грамотам. Следует отметить, что смысловые блоки III–V характерны для старорусской частной переписки. Исследователь эпистолографии ВКЛ XVI в. А. Рычков указал, что о здоровье спрашивали и сообщали только равноправные участники письменного диалога [19, р. 39–40]. Переписка Елены Ивановны с родными – это не общение равных, что выражается в расположении номинаций адресанта и адресата, отсутствии приветствия адресантов в письмах к дочери и сестре и, напротив, регулярном использовании приветствия-челобитья Еленой Ивановной, а также в наличии формулы прощания только в ее письмах. Применение формул смысловых блоков III–V в этих текстах отражает допустимый уровень интимизации общения.

Обозначение адресанта и адресата как отражение взаимодействия частного и официального дискурсов. Обозначение адресанта в письмах от родителей и брата всегда находится в препозиции относительно обозначения адресата. В обоих письмах от Ивана Васильевича и письме от Василия Ивановича приводится полный титул правителя. Необходимо отметить, что в предваряющей послание отца 1495 г. посольской речи (устном выступлении посла от имени великого князя) используется краткий титул,

а в самом послании, крайне лаконичном, титул занимает половину текста. Собственное имя великого князя в обоих письмах и посольской речи приводится в книжной форме *Іоанъ*.

В письмах от великой княгини Софьи Палеолог самопрезентация происходит посредством употребления социального термина и имени, а именно используются выражения *отъ великіе княгини Софьи* (СЕ-1); *отъ великой княгини Софьи* (СЕ-2). В зачинах писем от Елены Ивановны присутствуют номинации адресанта *дочи твоя, Олена* (ЕИ-1; ЕС-1); *дочи твоя* (ЕИ-2); *дочи твоя, королеваа и великаа княгини Олена* (ЕС-2) (с 1501 г. Елена Ивановна была некоронованной королевой); *сестра твоя, королеваа и великаа княгини Олена* (ЕВ; ЕЮ). Во всех письмах Елена Ивановна называет себя *Олена*. Восточнославянская форма имени употребляется в том числе в окружении слов, записанных в книжной орфографии (*твоя, королеваа и великаа*). В семанте «литературного письма» к отцу 1503 г. используются экспрессивные номинации *служебница, дѣвка твоя, богомолица твоя, подножье твое*.

В зачинах всех писем от родителей и брата, Василия Ивановича, используется только *мы*-адресанта (*дочери нашей, сестрѣ нашей*), в семанте при самономинании отмечается разное распределение местоименных и глагольных форм единственного и множественного числа. Хотя сосуществование форм *я* и *мы* – обычная черта великокняжеских писем и грамот-распоряжений (см. грамоты Ивана Васильевича (СРИО, с. 69, 85, 88)), в письмах от родителей и брата распределение форм может отражать различия в тональности коммуникаций. В семанте письма от отца 1495 г. якобы частного содержания⁴ используется только самопрезентация адресанта посредством местоименных и глагольных форм единственного числа (*я*-адресанта): *Сказывали ми здѣсь, что деи, по грѣхомъ, неможешъ; и язъ послалъ тебя видѣти...* Также эта форма присутствует в семанте письма от матери 1497 г. частного содержания: *...и язъ къ тебѣ приказывала... съ твоими робята, чтобы еси ко мнѣ о томъ отписала... о томъ бы еси, дочка, о всемъ отписала; да и о иныхъ о своихъ дѣлехъ ко мнѣ бы еси отписала*. В письме от матери 1499 г., в котором есть и частное, и публичное содержание (напоминание соблюдать греческий закон), *мы*-адресанта употребляется во всех контекстах, кроме одного. В нем реализуется синтаксическая фигура **государь мой, отецъ твой* (СЕ-2, с. 279). В негодующем письме отца 1503 г. абсолютно преобладают местоименные и глагольные формы множественного числа, относящиеся к сфере номинаций адресанта. Местоимение в форме единственного числа употребляется дважды: в фигуре амплификации *мнѣ бы еси тѣмъ, и себѣ, и всему нашему роду, нечти не чинила* (ИЕ-2, с. 411) (хотя далее при повторе выражения *ино въ томъ тебѣ и намъ и всему нашему роду велика нечестъ* (ИЕ-2, с. 412) используется местоимение в форме множественного числа) и эмфатической конструкции *мнѣ тебя про то не благословити, да и матери тебя не благословити* (ИЕ-2, с. 412), служащей для выделения каждого лица в контексте. В связанном с вопросами внешней политики письме от Василия Ивановича 1507 г., которое обращено не столько к Елене Ивановне, сколько к ее окружению, обнаружена только форма *мы*.

Обозначение адресата в зачине текста всегда расположено в препозиции относительно обозначения адресанта в письмах от Елены Ивановны. В текстах отражена такая последовательность номинаций: вежливое приложение, маркирующее социальную дистанцию, затем термин родства, имя, титул (либо сначала титул, потом имя). Ср.: *...*государю отцу моему Іоанну, Божією милостію, *государю всеа Руси и великому князю...* (ЕИ-1) (краткий титул); **Государю отцу моему Ивану...* (ЕИ-2, с. 368) (и далее приведен официальный титул); *...*государынѣ матери моей, великой княгинѣ Софьѣ...* (ЕС-1); *...*Государыни матери моей Софьѣ, Божією милостію великой княгинѣ всеа Руси...* (ЕС-2, с. 374); *Господину и брату моему милому, великому князю Василью Ивановичю...* (ЕВ, с. 372). Выделяется письмо к брату, Юрию Ивановичу, в котором отсутствует этикетное приложение, но есть оценочное этикетное определение *милый*: *Брату моему милому, князю Юрію Ивановичю...* (ЕЮ).

В зачине писем от родителей и брата адресат указывается номинациями в той же последовательности, в которой назван адресант в письмах от Елены Ивановны: сначала термин родства, потом социальный термин и имя. Например, клише *дочери нашей, великой княгинѣ Оленѣ* (ИЕ-1; СЕ-1; СЕ-2, с. 279); *дочери нашей королевѣ и великой княгинѣ Оленѣ* (ИЕ-2, с. 411); *сестрѣ нашей, королевой и великой кнегини Оленѣ* (ВЕ, с. 24).

Остановимся на форме имени великой княгини. Во всех письмах, кроме письма от брата, Василия Ивановича, которое является самым поздним текстом, ее называют *Олена* (ср. с частными письмами от Василия Ивановича к жене 1520–30-х гг., в которых при указании адресата имя собственное сопровождается термином свойства: *...женѣ моей Оленѣ* (ПРГ-1, № 1–5, с. 3–5)). Так же называют ее писари, фиксирующие произошедшие события: *Ипанъ Станиславъ великой княжнѣ Оленѣ отъ великого князя Александра правилъ поклонъ* (СРИО, с. 124); *...князь велики дочь свою княжну Олену и отпустилъ...* (СРИО, с. 162). Форма *Елена*

⁴Письмо было отправлено для отвода глаз, на что указывают слова посла Елене Ивановне, произнесенные без лишних свидетелей: *Отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ молвити: а ту свою грамоту о твоей болѣсти послалъ есми къ тебѣ того дѣля, чтобы незнакомисто было, чего дѣля есми послалъ къ тебѣ Погожево...* (СРИО, с. 198).

встречается, но реже. Например, она присутствует в предложении перед письмом к отцу: *А се такоу грамоту подаль отъ великие княгини Елены...* (ЕИ-1). Рядом упоминается письмо к матери, однако в высказывании перед ним приводится форма *Олена* (ЕС-1). В заголовке памяти, которую отец дает дочери, чтобы та не отступала от православия, княгиня названа Еленой: *Память великой князьне Еленѣ* (СРИО, с. 163). Однако в самом тексте памяти фигурирует форма *Олена*: *А будетъ королева въ Вилнѣ, мати великого князя Александра, свекры еѣ, и коли поидетъ къ своей божницѣ, а ей велить съ собою ити, и великой княгинѣ Олене еѣ провожати до божницы, да отпрашиватиса ей у ней вежливо къ пѣтью къ своей церкви...* (СРИО, с. 163). В грамоте, гарантирующей право будущей великой княгини не отступать от греческого закона, она именуется Еленой. Текст этой грамоты составили при дворе Ивана Васильевича, по образцу написали грамоту в канцелярии Александра Казимировича, добавив в нее предложение, что вызвало протест с московской стороны и непринятие грамоты. Ср. фрагмент московского образца грамоты и фрагмент варианта грамоты великого князя Александра Казимировича: *...что за меня даль дочь свою Елену, и намъ его дочери не нудити къ римскому закону, дрѣжыть свой греческой законъ* (СРИО, с. 133); *...что за мене даль свою дочку Елену, и намъ его дочки не нудити къ римскому закону, дрѣжати свой греческій законъ; а коли похочетъ своею волею приступити къ нашему римскому закону, то ей въ томъ воля* (СРИО, с. 143). В окончательном варианте грамоты с устраненной нежелательной вставкой (в стиле «святой простоты» звучит комментарий литовского посла: *А что строка въставлена въ ту грамоту о римскомъ законѣ, и *государь нашъ чаятъ, что *государь вашъ полюбитъ ту строку...* (СРИО, с. 150)) приведена форма *Елена*: *...что за мене даль свою дочь Елену...* (СРИО, с. 159). Таким образом, в дипломатическом дискурсе, в том числе эпистолярном, стилистически маркированная форма имени *Елена* используется значительно реже, чем нейтральная форма *Олена*.

В зачине при обозначении адресата обязательно употребляются термины родства. Только в письмах от Елены они используются и при обозначении адресанта. Термин родства всегда предшествует социальному термину, перед термином родства может употребляться только гоноративное приложение (**государь, *государыни, господинъ*). Напоминание адресату о родстве или свойстве либо метафорическое обозначение адресата термином родства, маркирующее горизонтальные и вертикальные связи, — общая черта официальных коммуникаций анализируемой эпохи. Данная характеристика свойственна любым текстам (и старорусским, и старобелорусским), в том числе деловым грамотам вне исследуемого корпуса⁵.

В семанте писем Елена Ивановна обращается к отцу словами **государю; господине *государю; господине и *государю отче; господине отче; господине *государь и отец мой*. Называя его, она сопровождает личное местоимение приложением — термином родства (*от тебе, отца моего; тебе, отцу моему*). Такие же номинации употребляются по отношению к матери (**государыни и матери своей; къ твоей милости *государыни и матери моей; *государыни*). В семанте писем к братьям 1503 г. Елена Ивановна называет каждого без приложения **государь*. К Василию Ивановичу княгиня обращается выражениями *твоя милость, братъ мой; тобѣ, брату моему; брате*; к Юрию Ивановичу — словами *брате; брат мой*. Говоря об обоих братьях, Елена Ивановна использует обозначение *господа*: *...до вашей милости господа и братьи моее...* (ЕЮ, с. 374). Термины родства, относящиеся к номинации собеседника, крайне редко употребляются без сопровождения вежливым гоноративным или метонимическим приложением, за исключением нескольких примеров прямого обращения к братьям.

Василий Иванович называет сестру словами *сестра наша и наша сестра*. При обращении он использует номинацию *сестро*.

В рассматриваемом корпусе присутствует только презентация адресата посредством местоименных и глагольных форм единственного числа (*ты-адресата*). Эта форма является стандартной для старорусской коммуникации, в том числе официальной и в том числе «снизу вверх».

В связи с анализом тональности писем обратим внимание на использование слов *дочи* и *дочка* в исследуемых письмах и текстах посольских речей. В старорусском языке второе слово имело уменьшительное значение⁶. Елена Ивановна обозначает себя по отношению к родителям только словом *дочи*. Мать дважды называет Елену Ивановну дочкой в письме 1497 г., но ни разу — в письме 1499 г. Отец много раз

⁵Например, вежливая верительная грамота Яна Забережского 1492 г. адресована боярину Якову Захарьичу следующим образом: *Господину и дяди моему милему...* (СРИО, с. 68). В распоряжении великого князя Василия Ивановича 1493 г., данном князю Василию Верейскому, Софья Палеолог называется словами *мати наша великая княгини* (СРИО, с. 82). В распорядительном письме от Ивана Васильевича к сыну 1493 г. социальный термин пропущен в формуле презентации коммуникантов, указано только родство: *...Отъ великого князя... сыну моему Василью* (СРИО, с. 93). В грамоте Александра Ягеллончика Ивану Васильевичу 1497 г. адресат обозначается словами *братъ и тѣсть нашъ* (СРИО, с. 226), а в грамоте короля Сигизмунда великому князю Василию Ивановичу — выражением *братъ и сватъ нашъ* (АЗР, с. 45–46).

⁶Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН : в 29 вып. Вып. 4 / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Наука : Азбуковник : Лексрус, 1975–2011. С. 347.

использует обращение *дочка* в ответном письме 1503 г.: ...и ты, дочка, въ своей грамотѣ иное и не по дѣлу къ намъ писала...; И мы, дочка, и напередъ того къ брату своему и зятю... наказывали...; А ты бы, дочка, памятовала Бога да и наше родство... (ИЕ-2, с. 411) и др.

Наименование *дочка* используется в старорусских текстах и делового, и гибридного регистров, однако в силу уменьшительной семантики оно относительно редко встречается в них. Так, в старорусском корпусе Национального корпуса русского языка зафиксированы 14 примеров употребления слова *дочка* в 9 текстах и 1725 примеров употребления слова *дочь* в 527 текстах⁷. Что предсказуемо, номинация *дочка* гораздо менее распространена в посольских документах, связанных с миссией Елены Ивановны, чем слово *дочи*.

В посольских речах от имени Ивана Васильевича употребляется слово *дочка* при обращении к Елене Ивановне или при ее упоминании, однако в речи от себя послы не применяют эту номинацию, допустимо только слово *дочи*. Происходит ли интимизация общения при использовании слова *дочка*, и изменяется ли тональность на менее официальную, приемлемую в рамках дипломатических коммуникаций? По нашему мнению, да, это происходит в том случае, когда употребление данного слова отсылает не к чужому тексту, а именно к речам послов ВКЛ или к документам великого князя Александра Казимировича. В старобелорусском языке номинация *дочка* является нейтральной⁸. Дочкой называет Елену Ивановну наместник полоцкий Ян Юрьевич Забережский в письме к воеводе московскому Ивану Юрьевичу Патрикееву 1492 г.: ...а поразумѣй по своему *государи по великомъ князи, была ль бы воля его дати дочку свою за нашего осподаря, великого князя Александра? (СРИО, с. 71). Такая же номинация употребляется по отношению к великой княгине со стороны послов зимой 1494 г., говорящих от имени Александра Казимировича: ...абы еси далъ за насъ дочку свою... (СРИО, с. 123). Словом *дочка* заменяется слово *дочи* в литовском «неудачном» варианте грамоты о недопустимости отступления Елены Ивановны от греческого закона (см. выше).

Поясним явление отсылки к чужому тексту на следующем фрагменте посольской речи 1495 г.: ...Иоаннъ, Божією милостію *государь всеа Русіи и великій князь, велѣлъ тебѣ говорити: присылалъ еси до насъ, хотя съ нами любви и прочной дружбы, и дочку бы намъ свою за тебя дати; да и листъ свой подтвержденной за твоею печатью еси далъ на то, что тебѣ наши дочери къ римскому закону не нудити... (СРИО, с. 165). В одном контексте употребляются номинации *дочку* и *дочери*. В первом случае цитируются слова посла Александра Казимировича. Во втором случае наблюдается отсылка к тексту той самой грамоты (*подтвержденной листъ*), лишнее предложение в которой стало камнем преткновения при матримониальных переговорах (СРИО, с. 159). Фрагмент продолжается так: И мы, с Божією волею, съ тобою то дѣло и дѣлали, и дочку свою за тебя даем... (СРИО, с. 165). Данное предложение является зеркальным ответом на просьбу послов (обычное построение высказывания в дипломатических речах и грамотах). Так, на реплику *и дочку бы намъ свою за тебя дати* дается ответная реплика *и дочку свою за тебя даемъ*.

Упомянутое выше явление наблюдается в отношении слова *матка*, которое используется в письме к отцу 1503 г. для номинации матери мужа (эта и другие лексемы – «элементы, связанные с польско-рутенским или только с рутенским языковым влиянием» [13, с. 400]). Кроме того, в посольской речи от лица Елены Ивановны 1497 г. неожиданно встречается слово *батко* по отношению к ее отцу. Можно предположить, что в данном случае воспроизводится фрагмент текста, составленный при дворе Елены Ивановны, т. е. это чужой текст: А възмолвить великая княгини Микулъ: приказываетъ ко мнѣ батко, чтобы язъ била челомъ великому князю о церкви, да и о панѣхъ, и о паніахъ греческаго закона; ино въдъ князь великій о томъ посломъ батковымъ отвѣчалъ, да и съ своими послы о томъ къ батку отказывалъ (СРИО, с. 240). В речах послов от имени Ивана Васильевича это слово исключено: Отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ говорити...; ...отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ молвити... (СРИО, с. 240).

Таким образом, в посольских книгах термины родства *дочка*, *матка*, *батко* функционируют как маркеры чужого текста. Только вне чужого текста слово *дочка* является уменьшительной номинацией.

Заключение

Среди проанализированных писем, касающихся миссии Елены Ивановны в ВКЛ, представлены письма частного содержания (2 письма от родителей 1490-х гг.). Также присутствуют письма смешанного содержания, в которых частное содержание сочетается с деловым в разной пропорции (2 письма к родителям 1495 г., 1 письмо от матери 1499 г.). Кроме того, есть письма делового содержания, посвященные миссии

⁷Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 13.12.2024).

⁸Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. Вып. 9 / склад.: Т. І. Білінюк [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. С. 56.

Елены Ивановны в ВКЛ и текущим событиям (все остальные послания, кроме «литературного письма» к отцу 1503 г.). Адресат в них выступает исключительно посредником в коммуникациях правителей двух государств. «Литературное письмо» к отцу 1503 г. выделяется среди всего корпуса писем, сочетая в себе черты делового письма, ораторского красноречия, эмоционального плача и превращаясь к концу в челобитную. Легкость этого превращения возможна в силу жанровой близости эпистолярных текстов и челобитных. Следует отметить, что даже послания первой группы – это не собственно частные письма (они были известны в начале XVI в.) и тем более не частные в современном понимании письма (приватные), так как в их составлении или хотя бы в записи принимали участие третьи лица и письма передавались с послами. Тем не менее в них присутствуют элементы частного дискурса, известные старорусскому эпистолярному XV–XVII вв. В посланиях третьей группы также есть структурные элементы частного письма, пусть и в виде этикетных смысловых блоков в зачине. Письмо от Ивана Васильевича 1503 г. фактически является княжеской грамотой с цепочкой распоряжений, выраженных формой оптата «бы + глагольная форма на -л», предупреждениями и компонентом со значением санкции. Единственное, что напоминает в этом тексте об общении отца с дочерью, – уменьшительная номинация *дочка*, допустимая в данном случае в старорусском дипломатическом этикете.

В посланиях Елены Ивановны больше стилистических свойств частного письма, чем в письмах от родителей и брата. В ее текстах присутствуют традиционные для частных светских писем смысловые блоки с клишированным наполнением, стандартные старорусские средства выражения вежливости в письменном диалоге (избегание выражения побуждения через оптатив, сопровождение сказуемого-призыва этикетным глаголом *пожалуй*, обязательное приветствие и прощание-челобитье) и постоянный эпитет *милый* при обращении к брату. Средствами экспликации коммуникативной дистанции в письмах от имени Елены Ивановны к родителям выступают строгое соблюдение последовательности приложений при обозначении адресата и самопрезентации, отсутствие отдельных смысловых блоков, характерных для частных светских писем, а также превращение писем в верительные грамоты и челобитные.

В письмах от родителей и брата маркером вкрапления в официальную коммуникацию элементов частного дискурса является включение в текст смысловых блоков IV и V с клишированным наполнением. Кроме того, в письмах от родителей таким маркером служит обращение *дочка*, в письмах от брата – слово *сестро*. Коммуникативная дистанция в письмах от родителей и брата маркируется книжными элементами в составе титулатуры адресанта, *мы*-адресанта наряду с *я*-адресанта; наличием компонента со значением санкции; отсутствием прощания и других смысловых блоков, характерных для частных светских писем.

Проанализированный корпус писем фиксирует дипломатические коммуникации рубежа XV–XVI вв. между родственниками – представителями властных элит. Взаимодействие частного и официального дискурсов и связь между разными жанрами, установленные в этих текстах, представляются типичными чертами письменных коммуникативных практик Средневековья, причем не только в кругу элит. Описание такого взаимодействия, происходившего на разных этапах истории общества, на материале эпистолярных источников является перспективным для установления того, как реализовывалась постепенная специализация дискурсивно-стилистических свойств текстов, обслуживающих разные сферы человеческой деятельности.

Сокращения

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 2. 1506–1544. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. III, 405, 15, 14 с. ; **ВЕ** – Письмо московского великого князя Василия Иоанновича к сестре своей, польской королеве Елене Иоанновне. 1507. Июнь (№ 22) // АЗР. С. 24–26 ; **ЕВ** – Письмо от великой княгини Елены к брату, великому князю Василию. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 372–374 ; **ЕИ-1** – Письмо от великой княгини Елены к отцу, великому князю Ивану. 1495. Июль (№ 38) // СРИО. С. 200 ; **ЕИ-2** – Письмо от великой княгини Елены к отцу, великому князю Ивану. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 368–372 ; **ЕС-1** – Письмо от великой княгини Елены к матери, великой княгине Софье. 1495. Июль (№ 38) // СРИО. С. 200 ; **ЕС-2** – Письмо от великой княгини Елены к матери, великой княгине Софье. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 374–376 ; **ЕЮ** – Письмо от великой княгини Елены к брату, великому князю Юрию. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 374 ; **ИЕ-1** – Письмо от великого князя Ивана к дочери, великой княгине Елене. 1495. Май (№ 37) // СРИО. С. 197 ; **ИЕ-2** – Письмо от великого князя Ивана к дочери, великой княгине Елене. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 411–412 ; **ПРГ-1** – Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 1. 1526–1653. М. : Univ. тип., 1848. VIII, 326, 24 с. ; **ПРГ-2** – Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 5. Письма царя Алексея Михайловича. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. VIII, 74, 2 с. ; **СЕ-1** – Письмо от великой княгини Софьи к дочери, великой княгине Елене. 1497. Ноябрь (№ 49) // СРИО. С. 241 ; **СЕ-2** – Письмо от великой княгини Софьи к дочери, великой княгине Елене. 1499. Июнь (№ 60) // СРИО. С. 279–280 ; **СРИО** – Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. Т. 35. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. 6, VI, XXII, 870 с., 116 сб.

Библиографические ссылки

1. Юзефович ЛА. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. Москва: Международные отношения; 1988. 216 с.
2. Репина ЛП. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема. В: Бессмертный ЮЛ, редактор. *Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1996. с. 20–32.
3. Кошелева ОЕ. «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний. В: Бессмертный ЮЛ, редактор. *Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2000. с. 339–386.
4. Полонский ДГ. Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII – начало XVIII в.). В: Петрухинцев НН, Эррен Л, составители; Доронин АВ, редактор. *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2013. с. 234–255.
5. Кром ММ. Патронат и клиента в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021;4: 66–78. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.4.6.
6. Анисимов ЕВ, Базарова ТА, Проскурякова МЕ. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меньшикова. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022;1:49–62. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62.
7. Rutkowska G, Kozak A. Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka. *Średniowiecze polskie i powszechne*. 2020;16:261–307. DOI: 10.31261/SPiP.2020.16.12.
8. Nițescu I. Identity, secrecy, and war: the letters of Ivan III of Moscow to his daughter, Elena of Lithuania. In: Pleșu A, Sandu-Dediu V, Oroveanu A, Vainovski-Mihai I, editors. *New Europe College yearbook. Ștefan Odobleja Program 2021–2022*. Bucharest: New Europe College; 2022. p. 203–228. DOI: 10.58367/NECY.ODO.2022.1.203-228.
9. Корзинин АЛ. Двор великой княгини литовской и королевы польской Елены Ивановны. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2022;3:667–691. DOI: 10.21638/spbu02.2022.301.
10. Лурье ЯС. Елена Ивановна, королева Польская и великая княгиня Литовская, как писатель-публицист. *Canadian-American Slavic Studies*. 1979;1–2:111–120.
11. Ragauskienė R. Rusėniška XV a. pab. – XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų – valdovių ir didikų – korespondencija. *Istorija*. 2009;3:18–29.
12. Keršienė D. Ultima serva: Lietuvos didžiosios kunigaikštienės Elenos Aleksandrienės epistolika. *Senoji Lietuvos literatūra*. 2017;43:73–117.
13. Новак МО, Пенькова ЯА. Электронный словарь полонизмов в русском языке XIV–XVII вв.: функции историко-культурных комментариев. У: Ристић С, Лазић Коњик И, Ивановић Н, уредници. *Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема*. Београд: Институт за српски језик САНУ; 2021. с. 393–408.
14. Карасик ВИ. *Языковые ключи*. Москва: Гнозис; 2009. 406 с.
15. Фрейдина ЕЛ. Тональность речевого общения и ее просодические маркеры. *Преподаватель XXI век*. 2015;1:282–290.
16. Груша АИ. *Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.)*. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2019. 608 с.
17. Зуева ОВ. К проблеме семантической дифференциации обозначений эпистолярных текстов в древнерусских и старорусских письменных памятниках: грецизмы *грамота, епистолия, хартия, харатия*. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;2:101–114.
18. Циммерлинг АВ. Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты посольских книг Ивана III. *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова*. 2020;1:326–373. DOI: 10.31912/pvrl-2020.1.19.
19. Ryčkov A. Rusėniškų laiškų formuliaraš Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais. *Lietuvos istorijos studijos*. 2019;44:31–46. DOI: 10.15388/LIS.2019.44.2.

Статья поступила в редколлегию 16.04.2025.
Received by editorial board 16.04.2025.

ДОГОВОРНЫЙ ДИСКУРС: ОСНОВНЫЕ ЖАНРЫ, ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ

И. И. КОВАЛЕВСКАЯ^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены ключевые аспекты изучения в современной юрислингвистике договорного дискурса, широко используемого в разных сферах деятельности для создания и реализации права. Определены основные жанры договорного дискурса (договор, оферта, акцепт и устав), регулирующие договорные отношения в частноправовой и публично-правовой сферах. К признакам, позволяющим раскрыть жанрово-стилистическую специфику договорного дискурса как особого типа институционального общения, отнесены стереотипность, объективность изложения информации, графическая наглядность, диалогичность, субъектность, цельность, связность и предписывающая модальность. Обоснованы критерии анализа этих признаков, а также описаны особенности их выражения в документах, представляющих основные жанры договорного дискурса.

Ключевые слова: договорный дискурс; договорное право; институциональный дискурс; договор; оферта; акцепт; устав.

ДАГАВОРНЫ ДЫСКУРС: АСНОЎНЫЯ ЖАНРЫ, ПРЫКМЕТЫ І ФУНКЦЫІ

І. І. КАВАЛЕЎСКАЯ^{1*, 2*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Парызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разгледжаны ключавыя аспекты вывучэння ў сучаснай юрыслінгвістыцы дагаворнага дыскурсу, які шырока выкарыстоўваецца ў розных сферах дзейнасці для стварэння і рэалізацыі права. Вызначаны асноўныя жанры дагаворнага дыскурсу (дагавор, аферта, акцепт і статут), якія рэгулююць дагаворныя адносіны ў прыватна-прававой і публічна-прававой сферах. Да прыкмет, якія дазваляюць раскрыць жанрава-стылістычную спецыфіку дагаворнага дыскурсу як асобага тыпу інстытуцыйных зносін, аднесены стэрэатыпнасць, аб'ектыўнасць перадачы інфармацыі, графічная нагляднасць, дыялагічнасць, суб'ектнасць, цэльнасць, звязнасць і мадальнасць прадпісання.

Образец цитирования:

Ковалевская ИИ. Договорный дискурс: основные жанры, признаки и функции. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;2:41–50.
EDN: FJEMGR

For citation:

Kovalevskaya II. Contractual discourse: the main genres, characteristics and functions. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:41–50. Russian.
EDN: FJEMGR

Автор:

Ирина Ивановна Ковалевская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой межкультурной экономической коммуникации факультета международных бизнес-коммуникаций¹⁾, докторант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета²⁾.

Author:

Irina I. Kovalevskaya, PhD (philology), docent; head of the department of intercultural economic communication, faculty of international business communications^a, and doctoral student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology^b.

vickostserg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9006-6334>

Абгрунтаваны крытэрыі аналізу гэтых прыкмет, а таксама апісаны асаблівасці іх выражэння ў дакументах, якія прадстаўляюць асноўныя жанры дагаворнага дыскурсу.

Ключавыя словы: дагаворны дыскурс; дагаворнае права; інстытуцыянальны дыскурс; дагавор; аферта; акцэпт; статут.

CONTRACTUAL DISCOURSE: THE MAIN GENRES, CHARACTERISTICS AND FUNCTIONS

I. I. KOVALEVSKAYA^{a, b}

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The key aspects of the study in modern legal linguistic studies of contractual discourse, which is widely used in different spheres of activity for the creation and realisation of law, are considered. The main genres of contractual discourse (contract, offer, acceptance and charter), regulating contractual relations in private and public-law spheres, are defined. Stereotypicality, objectivity of information presentation, graphic visibility, dialogicality, subjectivity, integrity, coherence and prescriptive modality are attributed to the features that allow revealing the genre and stylistic specificity of contractual discourse as a special type of institutional communication. The criteria for analysing these features are substantiated, and the peculiarities of their expression in documents, representing the main genres of contractual discourse, are described.

Keywords: contractual discourse; contract law; institutional discourse; contract; offer; acceptance; charter.

Введение

Среди разнообразных типов письменной деловой речи, использующихся в настоящий период социально-экономического развития, особого внимания заслуживает договорный дискурс (ДД), который является объектом данного исследования. ДД входит в структуру правового дискурса, представляющего собой «речезыковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации» [1, с. 23] и направленного на нормирование и урегулирование общественных отношений. Под ДД понимается комплекс юридических документов, устанавливающих, изменяющих или прекращающих договорные правоотношения в процессе толкования закреплённых в них норм.

Как и другие виды институционального дискурса, ДД обладает определёнными признаками, фиксирующими ролевые характеристики его субъектов, хромотопы, символически релевантные действия, трафаретные жанры и речевые клише [2]. Данные признаки раскрываются в институте, создающем и реализующем конкретный тип общественно значимого дискурса [3, с. 100].

Институт договорного права, обобщённого в ключевом концепте «договор», предназначен для регулирования договорных отношений между субъектами права. Договорное право считается отдельной правовой подотраслью, входящей в особенную часть гражданского права [4, с. 109], хотя договорные соглашения, формы которых все больше усложняются, заключаются и в иных правовых отраслях (международной, административной и др.).

Цель настоящего исследования – определение основных жанров ДД, признаков его институциональности и функций. Материалом для исследования послужили различные типы документов, взятые из открытых источников (<https://by.bspu.by>, <https://miripravo.ru>, <https://bseu.by>).

Теоретическая основа исследования

Прототипным жанром ДД является договор, который широко применяется в практике регулирования отношений, имеющих гражданско-правовой характер. Заключение договора может потребовать использования дополнительной сопроводительной документации для подтверждения взаимных обязательств и их выполнения, например копии устава, протокола, акта, счета-фактуры и т. д. Договор, выступающий главным способом фиксации обещаний сторон для достижения определенных целей, применяется для того, чтобы учесть все факты денежных и материальных ценностей, взаимные обязательства и вытекающие из них последствия, которые могут возникнуть в рамках трудовых, производственных и торговых отношений.

Для определения места договора среди письменных юридических жанров, которые выделяются в современной юрислингвистике, необходимо рассмотреть их в соотношении с основными типами правового дискурса. Результаты представлены в таблице.

Предложенные различными учеными классификации типов правового дискурса
и характерные для них юридические жанры

Classifications of types of legal discourse and legal genres characteristic of them,
proposed by various scholars

Ученые	Типы правового дискурса	Дискурсивные жанры
О. А. Крапивкина	Законодательный	Закон, конституция, указ
	Судебный	Жалоба, судебное решение, особое мнение судьи
	Приватный	Завещание, договор
Д. Н. Шлепнев	Нормативный (законодательный)	Международный договор, нормативный акт, конституция, закон, подзаконный акт, акт местного органа власти, интерпретационный акт, документ для правотворчества (резолюция, рекомендация)
	Индивидуальный	Распоряжение и предписание (несудебные и неправоохранительные)
	Административный (процессуальный, судебный)	Заявление о преступлении, исковое заявление, ходатайство, жалоба, постановление, протокол допроса, судебный протокол, свидетельские показания, заключение экспертов и т. д.
	Доктринальный	Ученый труд и комментарии, общенаучная работа и учебный (учебно-ознакомительный) текст по праву
	Корпоративный	Устав, положение, внутренний регламент, приказ
	Дискурс частных юридических актов	Доверенность, расписка, завещание, договор, оферта, акцепт оферты, заказ, акцепт заказа, запрос условий, уточнение заказа, претензии
	Канцелярский (трафаретный)	Индивидуальный документ (свидетельство о рождении или браке, диплом), справка, сертификат, бухгалтерский документ, товаросопроводительный документ, счет-фактура, апостиль
Т. В. Ускова	Судебный	Допрос, приговор, защитная речь, исковое заявление, ходатайство
	Дискурс юридических документов	Судебное решение, договор, норма (постановление), завещание, парламентский акт
	Дискурс юридической консультации	Консультация (отношения юрист – юрист), интервью (отношения юрист – клиент)
П. Сандрини	Правотворческий	Договор, устав
	Правоприменительный	Приговор, судебное решение, экспертиза, петиция
	Правоведческий	Монография, статья
	Административный	Ведомственная переписка
С. Шарчевич	Прескриптивный	Закон, нормативный акт, кодекс, договор, международный договор (соглашение), конвенция
	Смешанный	Судебное решение, заявление, записка, апелляция, просьба, иск, петиция
	Дескриптивный	Юридическое заключение, учебник по праву, статья (составленные учеными-юристами)
П. М. Тирсма	Оперативный	Ходатайство, петиция, постановление, устав, договор, завещание
	Объяснительный	Служебная записка, судебное заключение, деловая переписка с клиентом
	Убеждающий	Записка по судебному делу, меморандум о фактических и юридических обстоятельствах дела

Результаты и их обсуждение

О. А. Крапивкина относит договор к приватному типу правовой коммуникации. С позиции обыденного понимания ученый определяет его как «документ, фиксирующий волю его участников, соглашение о взаимных обязательствах» [5, с. 224], а с правовой точки зрения – как «согласованное волеизъявление субъектов, направленное на установление определенных правоотношений» [5, с. 224]. Следует отметить, что из сферы приватной правовой коммуникации исключаются межгосударственные договоры и соглашения, а также договоры и соглашения между государственными образованиями и органами. Допускается возможность отнесения этих документов к законодательному типу правового дискурса ввиду принадлежности к публичным отраслям права и ратификации законодательным сообществом [5, с. 225].

Ссылаясь на то, что международный договор связан «с созданием права на над- или межгосударственном уровне, на уровне государства» [6, с. 186], Д. Н. Шлепнев также приравнивает его к нормативным (законодательным) актам. В рамках предложенной автором рабочей переводческой типологии обычный договор описывается как главный документ, репрезентирующий дискурс частных юридических актов, которые «исходят от конкретных субъектов и, что существенно, могут составляться как специалистами, так и неспециалистами» [6, с. 187]. В частности, договор представляет такую подкатегорию дискурса частных юридических актов, как ДД. Заслуживает внимания отнесение к ДД и других документов, направленных на заключение договора или уточнение его условий: оферты, акцепта оферты, заказа, акцепта заказа, запроса условий договора и т. д. Также в ДД входит корреспонденция, связанная с исполнением договора. Примером может служить претензия, несмотря на ее близость процессуальному дискурсу [6, с. 187].

Частноправовой договор представляет собой добровольное соглашение персонифицированных субъектов. Он включает локальные предписания, посредством которых регламентируются права и обязанности сторон в определенных сферах деятельности.

С учетом мнения ученых, акцентирующих внимание на приватном характере договора и имеющей к нему отношение документации, следует допустить возможность включения в ДД, функционирующий в частноправовых сферах (гражданское, семейное и трудовое право), договоров, которые относятся к международному частному праву. Их начали использовать с 1950-х гг. в связи с необходимостью правового регулирования имущественных, брачно-семейных, трудовых и других отношений с участием иностранных граждан или подданных в случае их проживания в другом государстве. Так, в следующем фрагменте договора о подготовке научного работника высшей квалификации на платной основе, заключаемого между учреждением высшего образования (УВО) и иностранным обучающимся, требуется указать персональные данные лица, которое представляет УВО, а также самого обучающегося и лица от организации или физического лица, выступающего в роли плательщика:

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» в лице (должность, фамилия, имя, отчество), действующего на основании (наименование, номер, дата составления документа) (далее – Исполнитель), с одной стороны, гражданин (фамилия, имя, отчество (при его наличии)) (далее – Обучающийся) ... с другой стороны, и (наименование юридического лица, индивидуального предпринимателя, фамилия, имя, отчество (при его наличии) физического лица) в лице (должность, фамилия, имя, отчество), действующего на основании (наименование, номер, дата составления документа) (далее – Плательщик), с третьей стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем.

В конце упомянутого документа в отдельном пункте указываются реквизиты трех сторон.

Публично-правовой договор заключается между государствами или государственными структурами. Специфика этого договора проявляется в установлении правил поведения, обязательных для персонифицированных субъектов, к которым данный договор адресован. Его сходство с нормативно-правовым актом обнаруживается в действии независимо от того, возникли или прекратились предусмотренные им конкретные договорные правоотношения.

Согласно ст. III, расположенной в приложении к Конвенции Организации Объединенных Наций о международных смешанных перевозках грузов, действие данного документа распространяется на каждое договаривающееся государство, которое, являясь страной отправления или назначения, принимает предусмотренные конвенцией меры, независимо от сроков транзита грузов, и прилагает необходимые усилия. Общеобязательность закрепленных в данной конвенции норм находит выражение в употреблении глагольных форм настоящего времени:

В целях облегчения транзита грузов каждое Договаривающееся государство:

*а) если оно является страной отправления, **принимает** в пределах практически возможного все меры для обеспечения полноты и точности информации, требуемой для последующих транзитных операций;*

б) если оно является страной назначения:

i) принимает все необходимые меры для обеспечения того, чтобы грузы при таможенном транзите проходили очистку, как правило, на таможенном месте назначения грузов;

ii) прилагает усилия по осуществлению очистки грузов в месте, как можно ближе расположенном к месту конечного назначения грузов, при условии, что национальные законы и предписания не требуют иного.

Таким образом, договор вместе с другими юридическими документами относится к отдельному типу правового дискурса [7]. В качестве общих требований к языку этого вида документа указываются следующие признаки:

- официальный характер, документальность внешнего языкового выражения мысли;
- ясность и простота, значимость которых подчеркивается ввиду требования доступности языка права простым гражданам;
- точность, подразумевающая «достижение наибольшего соответствия между идеей, мыслью законодателя и воплощением этой мысли в законодательной формуле» [8, с. 22]. Ради глубины изложения допускается определенная мера сложности документа;
- экономичность использования языковых средств [8, с. 18–26].

Исходя из того, что речевые акты в юридических документах фиксируются на бумаге, Т. В. Ускова отмечает возможность их дискурсивного анализа и ссылается на пример заключения договора. Данный процесс «может включать в себя не только сам текст договора, но и всю деловую переписку, которую стороны вели, обсуждая условия договора» [9, с. 174].

Ввиду неоднородности ДД до сих пор не решена проблема его классификации. В качестве критериев могут рассматриваться сфера деятельности, цель коммуникации, отношения между ее участниками или их принадлежность к разным социальным институтам и т. д. Например, в соответствии с первым критерием выделяются общегражданские, хозяйственные и предпринимательские договоры, которые составляют в разных целях (от заключения брака до сделки между крупными компаниями).

Все виды договоров, которые существуют в современном праве, дифференцируются в зависимости от их установки, субъектов правоотношений и их правового статуса. Правовым основанием для заключения различных договоров, порядок которого в конкретных ситуациях может варьироваться, служат определенные документы. Так, чтобы оформить договор, могут потребоваться кассовый или товарный чек при розничной купле-продаже, багажная квитанция при перевозке груза и т. д. Еще в 1930-х гг. П. В. Верховской объединил подобные документы в особый тип письменной деловой речи, главная функция которой заключается в подтверждении определенных гражданско-правовых взаимоотношений, прав и обязанностей. Кроме международного, концессионного, коллективного, трудового и других видов договоров (контрактов, сделок), к этому типу документации были отнесены маклерская записка, страховой полис; доверенность дательного характера, доверенность на получение денег, материалов и др.; поручение комиссионного характера, командировочное удостоверение; удостоверение (справка) о службе, удостоверение личности, вид на жительство иностранцев, заграничный паспорт, пропуск, путевка, воинский билет, а также членская, профсоюзная, кооперативная, заборная, пенсионная книжки; патент на промышленные изобретения; железнодорожный дубликат, коносамент, железнодорожный билет; кредитный билет, транспортный сертификат, сертификат сберегательных касс, акция, облигация, вексель, заемное письмо; подписки и судебно-административные обязательства [10, с. 39–40].

Все виды документов, которые в настоящее время требуются законом для заключения договора, выполняют разные функции. Так, для удостоверения полномочий юридических или физических лиц, подписывающих договор от имени организации или от себя, могут понадобиться доверенность, копия устава, паспорт, копия свидетельства о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого, копия страхового свидетельства и т. д. В технической, проектной и сметной документации определяются объемы, содержание работ и их стоимость по договору, а также предъявляемые к работам требования. В строительной сфере посредством графических и текстовых материалов иллюстрируются объемно-планировочные, конструктивные, технические и другие решения.

Указанные выше виды документов характеризуются размытостью жанровых границ и относятся к официально-деловому, научно-техническому или другим стилям речи. При учете порядка заключения договора большинство из этих документов могут быть квалифицированы как преддоговорные.

В данной работе исследуются только те жанры ДД, которые функционируют как самостоятельные акты на собственно договорном этапе. Кроме договора, к ним можно отнести оферту, акцепт и устав. Они рассматриваются в качестве основных жанров ДД, главная функция которого заключается в установлении, изменении или прекращении гражданско-правовых отношений между сторонами, определяющих права и обязанности по выполнению условий договора. Функции создания и реализации права, осуществляемые в ДД, являются вторичными.

Под офертой подразумевается «адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение»¹. Главное отличие оферты от рекламного письма и предложения коммерческих организаций посетить их магазины, приобрести товары или получить услуги состоит в отсутствии существенных условий договора. С момента получения адресатом оферты, содержащей данные условия, устанавливаются правовые отношения с направившим ее лицом, которое при надлежащем акцепте считается стороной, заключившей договор.

Акцепт понимается как ответ о принятии оферты лицом, к которому она была адресована. Согласие на предложение заключить договор имеет правовую силу при полном и безоговорочном принятии условий, содержащихся в оферте².

П. Сандрини рассматривает устав, выполняющий ту же правотворческую функцию, что и договор, в качестве правотворческого акта [11, S. 12]. Устав позволяет согласовать права и обязанности субъектов правоотношений, конкретизировать и детализировать правовые нормы, восполняя пробелы в законодательстве, что является юридически значимым ввиду санкционирования этой связи посредством различных мер государственного воздействия.

В настоящее время выделенные выше жанры ДД широко используются в юридической практике и обладают такими же признаками, как и договор. К этим признакам относятся стереотипность, объективность изложения информации, графическая наглядность, диалогичность, полисубъектность, цельность, связность и предписывающая модальность³.

Стереотипы возникают в сознании субъектов ДД в результате многократно повторяемой связи определенных знаков с конкретными категориями явлений. Стереотипность ДД выражается в стремлении упорядочить информацию на основе некоторых критериев. Этими критериями, например, могут выступать существенные условия договора. Рассмотрим следующий фрагмент публичной оферты на заключение договора возмездного оказания услуг по организации конференции со стороны УВО:

4. Университет обязуется:

4.1. Организовать конференцию, подготовить и издать сборник материалов и программу конференции.

4.2. Обеспечить возможность участия в работе конференции.

4.3. Информировать Участника конференции о результатах рецензирования и принятия к опубликованию представленных материалов.

5. Права Университета:

5.1. Отклонить представленные материалы в случае получения отрицательной рецензии.

5.2. Определять сумму оргвзноса исходя из затрат на организацию конференции, подготовку и издание сборника материалов и программы конференции.

В приведенном примере стереотипность проявляется в обязательном определении таких существенных договорных условий, как обязанности и права одной из сторон. Следует отметить, что для четкого восприятия пунктов и подпунктов оферты применяется графический прием нумерации. Обеспечение графической наглядности документа способствует достижению его реальной пространственно-временной последовательности и сохранению смысла.

Акцептом оферты выступает недвусмысленное и явное устное или письменное согласие. Оно может быть выражено посредством конкретных действий, например составления и подписания акта об оказании услуг. Приведем фрагмент акта об оказании услуг к договору возмездного оказания услуг по организации конференции:

Мы, нижеподписавшиеся, представитель Исполнителя – проректор по научной работе учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (фамилия, инициалы), действующий на основании (наименование, номер, дата составления документа), с одной стороны, и (фамилия, имя, отчество), с другой стороны, составили настоящий акт о том, что Международная научно-практическая конференция «Экономика Беларуси: рост, инновации, безопасность» проведена в (место, дата).

В этом фрагменте акцепта объективность информации подтверждается конкретными данными. Так, указываются должность лица, являющегося представителем УВО, название УВО, номер и дата составления доверенности, на основании которой действует это лицо, название конференции, место и дата ее проведения.

¹Аминова Ф. М. Теория договорного права: курс лекций для магистрантов программы подготовки «гражданское право». Душанбе : РТСУ, 2021. С. 28.

²Там же.

³Степанова Е. Д. Прагматические особенности коммуникативного акта «кредитный договор» в экономическом дискурсе (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Иркутск, 2006. С. 72–73.

Оферта и акцепт, как и договор, служат правовой основой для субъектов речевого взаимодействия, с одной стороны, и представляют собой ключевую правовую форму их связи, с другой стороны. В совокупности данные жанры ДД могут рассматриваться как диалог, участниками которого выступают стороны договорных отношений. Способами реализации этого диалога служат целенаправленные речевые действия. В следующем фрагменте названного выше акцепта подтверждается выполнение описанных ранее в оферте обязательств по организации конференции, а также определяется стоимость оказания услуг исходя из затрат на проведение данного мероприятия:

Программа конференции и обязательства по материально-техническому и организационному обеспечению ее проведения Исполнителем выполнены в полном объеме.

Стоимость оказания услуг составила (сумма), в том числе НДС... согласно плановой калькуляции стоимости участия в конференции от (дата).

В заключительной части акцепта в обязательном порядке оговаривается отсутствие претензий сторон к друг другу.

В современном понимании диалогичность трактуется как основополагающая категория дискурса, направленная на его организацию с ориентацией на адресата. Диалогический аспект институционального дискурса представляется его доминантным свойством, включающим индивидуально-личностные компоненты и социальные характеристики. Взаимодействие участников институционального дискурса осуществляется как диалоговая программа⁴.

Диалогичность ДД обусловлена его социальной природой. Она может проявляться в том, что в коммуникативном акте субъектам свойствен статус отвечающего, а не статус адресанта или адресата. Также в данном акте коммуникации находит выражение экспрессивная функция. Кроме того, диалогичность ДД обнаруживается в том, что язык выступает диалогической системой, соотносимой с каждым субъектом коммуникации и представляющей совокупность языковых средств, которые передают отношение этих субъектов к предмету речи.

Выбор средств диалогизации в ДД осуществляется посредством интерпретации научных фактов и сведений в различных областях гуманитарного знания, в том числе в правовой области. Имеющие к ней отношение известные данные интегрируются в диалогической лингвистической теории, сфокусированной на изучении «языкового сознания, текстов, культур в аспекте принципа диалогизма» [12, с. 5]. Этот принцип дополнил принципы антропоцентризма, неофункционализма, экспланаторности, характеризовавшие антропоцентрическую лингвистику, и принцип деривации, описывавший деривационную грамматику языка [12, с. 5].

Принцип диалогизма утверждается как основная методологическая установка такими учеными, как М. Бубер, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, которые в своих исследованиях показывают связь языка, мысли, сознания, личности, общества, культуры и т. д. Суть их работ состоит не в объединении, смешении или слиянии разных аспектов диалогической деятельности, а в установлении отношений между ними [13, с. 142].

Логическим продолжением диалога между адресантом и адресатом публичной оферты на заключение договора возмездного оказания услуг по организации конференции после определения обязанностей одной стороны (УВО) можно считать описание обязанностей другой стороны (участника конференции). Приведем соответствующий фрагмент данной оферты:

6. Обязанности Участника конференции:

6.1. Выполнять условия настоящего договора.

6.2. Выполнять сроки и требования к представляемым материалам.

6.3. По окончании конференции подписать акт об оказании услуг.

Диалог в ДД обеспечивается взаимодействием участников, ориентированных на социальное партнерство и профессиональное сотрудничество ради достижения конкретной практической цели. Смысл ДД может быть выявлен только в контексте диалога, неотделимого от коммуникативного поведения, действий и отношений субъектов.

Диалогичность представляется неотъемлемым признаком устава любой организации и имеет социально-ориентированный характер, поскольку в уставе закреплены нормы поведения участников организации на основании таких социальных параметров, как профессия, должность, статус и т. д. Несмотря на наличие элемента публичности, устав, независимо от правового статуса организации, формально конкретизирует все нормы, регулирующие отношения как между ее участниками и руководством, так и между

⁴Ширяева Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2008. С. 30.

организацией и третьими лицами. Возможность определения этих норм и их закрепления в уставе организации допускается современным законодательством на договорной основе.

Идея об уставе, имеющем силу договора, принадлежит дореволюционным цивилистам, таким как И. Т. Тарасов, Г. Ф. Шершеневич и др. Они рассматривали принятие устава на стадии создания организации по решению ее учредителей как результат заключения договора.

Речевое взаимодействие участников устава зависит от выполняемых ими действий, обуславливающих содержание и характер отношений между ними. Например, следующий пункт устава УВО может считаться ответом на вопрос о главных направлениях научной и инновационной деятельности обучающихся, поскольку он уточняет, каким образом данная деятельность осуществляется:

Университет осуществляет научную и инновационную деятельность по приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных научных исследований в соответствии с профилями образования, по которым осуществляется подготовка специалистов.

Кроме того, важным фактором, определяющим диалогичность устава, является оценка профессиональной деятельности, которая происходит с помощью разноуровневых языковых средств. Так, основные направления научной работы УВО могут описываться лексемами с позитивной коннотацией (*проведение фундаментальных и прикладных научных исследований; получение новых знаний; обеспечение тесной связи научной и инновационной деятельности с образовательным процессом; участие в разработке важнейших научных и методических подходов к развитию и совершенствованию высшего образования в Республике Беларусь; расширение научных связей Университета*).

С диалогичностью ДД напрямую связана категория полисубъектности, которая нацелена на раскрытие условий, принципов, закономерностей и механизмов реализации речевого взаимодействия, основанного на субъект-субъектных отношениях. Изучение данной категории оказывается нужным не во всех сферах права, в частности не в законодательной сфере, поэтому считаем целесообразным сместить фокус на субъектность ДД. Как и в других типах институциональной коммуникации, в ДД статус субъектов устанавливается определенным дискурсивным экспертным обществом и варьируется в зависимости от жанровой принадлежности договорной документации, что выражается в использовании статусно-маркированных наименований. Например, такие наименования содержит следующий фрагмент устава УВО:

Коллектив Университета включает педагогических (в том числе педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава), научных и иных работников, а также обучающихся.

В настоящее время категории цельности и связности, как и соотношение между ними, трактуются весьма неоднозначно и считаются основными признаками ДД как с точки зрения теории текста, так и с точки зрения теории дискурса. При разграничении данных категорий важно отметить ориентированность признака цельности на план содержания, а признака связности на план выражения. Цельность ДД характеризует его как смысловое единство и усматривается в его связности, основывающейся не только на линейном соподчинении, но и на содержательном и функциональном подчинении. Связность текста, служащего результатом этого подчинения, «проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостностей, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция»⁵.

С позиции анализа структурно-содержательной организации дискурса дифференцируются локальный и глобальный типы связности. Если первый тип связности определяется отношениями линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств), то второй тип связности базируется на семантическом критерии соответствия пропозиционального содержания текста его основной теме и обеспечивается ее единством. В приведенном выше фрагменте устава УВО функцию средств глобальной связности выполняют ключевые лексемы *коллектив Университета, педагогических работников, профессорско-преподавательского состава, научных и иных работников, обучающихся*, репрезентирующие ядро концепта «коллектив». Способом локальной связности служит повтор слов *педагогических и работников*.

Структурно-содержательная организация фрагмента устава УВО способствует решению поставленной коммуникативной задачи, заключающейся в уточнении субъектного состава коллектива университета. Можно сделать вывод о том, что данный пункт документа соответствует его главной интенции и, следовательно, обусловленности выполняемой функцией, состоящей в регламентации деятельности коллектива организации. В подчиненности выделенных типов связности задаче реализовать авторскую интенцию, а также в их функциональной детерминированности проявляется прагматическое единство ДД, в котором каждое речевое действие выполняет определенную функцию и оформляется в виде высказывания.

Предписывающая модальность, характерная для ДД ввиду его направленности на актуализацию волеизъявления, описывается в терминологии западных юрислингвистов как прескриптивность и трактуется

⁵Москальская О. И. Грамматика текста : пособие по грамматике нем. яз. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1981. С. 17.

в качестве основного функционального признака договора, международного соглашения, конвенции, устава, закона, нормативного акта, кодекса [14, р. 11]. Ядерным значением модальности договора, ходатайства, петиции, постановления, завещания также признается оперативность [15, р. 139–141].

Для выражения предписывающей модальности в договорной документации используются эксплицитные и имплицитные способы, которые варьируются в зависимости от жанра ДД и соответствующего ему типа предписания. Среди выделенных Н. В. Орловой типов предписывающей модальности для ДД характерны обязывающее предписание и предписание-разрешение [16, с. 190–191].

Обязывающее предписание имеет место при прогнозе возможного отказа от действия, которое может противоречить интересам адресата, оказаться для него нежелательным, невозможным или трудноосуществимым. Данный тип предписания эксплицируется посредством глагола *обязуется*, существительного *обязанности* (см. п. 4 и 6 публичной оферты на заключение договора возмездного оказания услуг по организации конференции), кратких прилагательных *обязан* и *должен*. Имплицитные способы выражения обязывающего предписания считаются уместными при отсутствии каких-либо оснований для его неисполнения [16, с. 191].

Примером экспликации предписания-разрешения в ДД является следующий подпункт публичной оферты на заключение договора возмездного оказания услуг по организации конференции:

7.1. Участник конференции, оплативший оргвзнос, имеет право получения сборника материалов конференции и программы в электронном виде.

В данном фрагменте разрешение на совершение определенного действия участником конференции передает модальный предикатив *имеет право*, представляющийся одним из наиболее эффективных средств выражения косвенного прескриптива в рамках регулируемых документом договорных отношений. Имплицитными способами выражения предписаний-обязательств служат словосочетания с глаголами в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени, например выражения *принимает меры*, *прилагает усилия* (см. ст. III приложения к Конвенции Организации Объединенных Наций о международных смешанных перевозках грузов).

Заключение

Жанрово-стилистическая специфика ДД как особого типа институционального общения является сложной и многогранной. Главным критерием для определения договора, оферты, акцепта и устава в качестве основных жанров ДД выступает их направленность на установление, изменение или прекращение определенных договорных отношений между субъектами. Эти документы функционируют как самостоятельные акты, относящиеся к сфере частноправового или публично-правового регулирования, и характеризуются стереотипностью, объективностью изложения информации, графической наглядностью, диалогичностью, субъектностью, цельностью, связностью и предписывающей модальностью. Языковая экспликация выделенных признаков в документах, представляющих основные жанры ДД, определяется их функциональным предназначением и обуславливается спецификой межсубъектных договорных правоотношений.

Библиографические ссылки

1. Храмцова НГ. К вопросу об обосновании теории правового дискурса. *Правовое государство: теория и практика*. 2014; 3:21–24.
2. Карасик ВИ. О типах дискурса. В: Карасик ВИ, Слышкина ГГ, редакторы. *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград: Перемена; 2000. с. 5–20.
3. Баркович АА. Функциональность компьютерно-опосредованного дискурса: институциональный аспект. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова*. 2016;1:97–107.
4. Турицын ДА. Место договорного права в российском гражданском законодательстве. *Правовая парадигма*. 2020;1: 108–111. DOI: 10.15688/jc.jvolsu.2020.1.15.
5. Крапивкина ОА. Жанровое пространство юридического дискурса. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014;1:218–225.
6. Шлепнев ДН. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018;2(часть 1):185–188.
7. Ускова ТВ. О неоднородном характере понятия «английский юридический дискурс». *Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета*. 2001;3:93–97.
8. Боголюбов СА, Казьмин ИФ, Локшина МД. *Язык закона*. Пиголкин АС, редактор. Москва: Юридическая литература; 1990. 189 с.
9. Ускова ТВ. Дискурсивный анализ как метод изучения англоязычных юридических текстов. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018;17:171–182.

10. Верховской ПВ. *Письменная деловая речь*. Москва: Техника управления; 1930. 201 с.
11. Sandrini P. Translation zwischen Kultur und Kommunikation: der Sonderfall Recht. In: Sandrini P, Herausgeber. *Übersetzen von Rechtstexten*. Tübingen: Narr; 1999. S. 9–44.
12. Шпильная НН. Принцип диалогизма и его объяснительный потенциал при описании лексической системы русского языка. В: Богачанова ТД, Викулова ЛГ, Власян ГР, Калинин АА, Кожухова ИВ, Колмогорова АВ и др. *Диалогическая лингвистика*. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет; 2019. с. 7–21.
13. Ковалевская ИИ. Диалогические стратегии перевода юридического дискурса. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2021;4:141–150. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.141.
14. Šarčević S. *New approach to legal translation*. London: Kluwer Law International; 1997. 308 p.
15. Tiersma PM. *Legal language*. Chicago: University of Chicago Press; 1999. 328 p.
16. Орлова НВ. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией. *Вестник Омского университета. Филология*. 2014;4:188–193.

Статья поступила в редколлегию 12.05.2025.
Received by editorial board 12.05.2025.

УДК 81'373.612.2[111:131.2:161.1]

ЭМПИРИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ И ЭТАЛОНЫ СРАВНЕНИЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

К. А. КОТОВ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы 803 метафорические описания глаз человека в русском, английском и испанском языках. Установлены их общие и национально-специфические черты. Выделены эмпирические признаки (цвет, размер, форма и др.) и денотативные области (растения, животные, лица, материальные продукты труда и др.), которые выступают в качестве источника эталонов сравнения при метафорическом описании глаз человека. Сформулированы вероятные причины частотных различий эмпирических признаков глаз, а также определены факторы, влияющие на выбор и частотность денотативных областей.

Ключевые слова: глаза человека; описания; эмпирический признак; денотативная область; эталон сравнения; национально-культурная специфика; радиальная категоризация.

ЭМПІРЫЙНЫЯ ПРЫКМЕТЫ І ЭТАЛОНЫ ПАРАЎНАННЯ Ў МЕТАФАРЫЧНЫМ АПІСАННІ ВАЧЭЙ ЧАЛАВЕКА (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАЙ, АНГЛІЙСКОЙ І ІСПАНСКОЙ МОЎ)

К. А. КОТАЎ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Прааналізаваны 803 метафарычныя дэскрыпцыі вачэй чалавека ў рускай, англійскай і іспанскай мовах. Устаноўлены іх агульныя і нацыянальна-спецыфічныя рысы. Вылучаны эмпірычныя прыкметы вачэй (колёр, памер, форма і інш.) і дэнататыўныя вобласці (расліны, жывёлы, асобы, матэрыяльныя прадукты працы і інш.), якія выступаюць у якасці крыніцы эталонаў параўнання пры метафарычным апісанні вачэй чалавека. Сфармуляваны верагодныя прычыны частотных адрозненняў эмпірычных прыкмет вачэй, а таксама вызначаны фактары, якія ўплываюць на выбар і частотнасць дэнататыўных абласцей.

Ключавыя словы: вочы чалавека; дэскрыпцыя; эмпірычная прыкмета; дэнататыўная вобласць; эталон параўнання; нацыянальна-культурная спецыфіка; радыяльная катэгарызацыя.

Образец цитирования:

Котов КА. Эмпирические признаки и эталоны сравнения в метафорическом описании глаз человека (на материале русского, английского и испанского языков). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;2:51–65. EDN: EHPLPG

For citation:

Kotov KA. Sensory characteristics and referential standards in the metaphorical description of human eyes (based on Russian, English and Spanish languages). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:51–65. Russian. EDN: EHPLPG

Автор:

Кирилл Алексеевич Котов – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета английского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор З. А. Харитончик.

Author:

Kirill A. Kotov, postgraduate student at the department of theoretical and applied linguistics, faculty of English language. kirillkotov298857746@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5132-4697>

SENSORY CHARACTERISTICS AND REFERENTIAL STANDARDS IN THE METAPHORICAL DESCRIPTION OF HUMAN EYES (BASED ON RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES)

К. А. КОТОВ^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus

Abstract. The article analysed 803 metaphorical descriptions of human eyes in Russian, English and Spanish languages. Their common and national specific features are established. Sensory characteristics of eyes (color, size, shape, etc.) as well as denotative domains (plants, animals, people, artifacts, etc.), which serve as sources of referential standards in the metaphorical descriptions of human eyes, are identified. The probable causes for frequency variations of the sensory characteristics of eyes are formulated, and factors, influencing the selection and frequency of denotative domains, are identified.

Keywords: human eyes; description; sensory characteristic; denotative domain; referential standard; national and cultural specificity; radial categorisation.

Введение

Для человека глаза являются особенным органом [1, с. 390]. Они играют значительную роль в восприятии других людей и межличностном общении: «...глаза и их выражения, а также взгляды относятся к важнейшим коммуникативным средствам» [2, с. 378].

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу метафорических дескрипций эмпирических признаков глаз человека в трех неблизкородственных языках: русском, английском и испанском. Эмпирические признаки – это признаки, воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления их с эталоном [3, с. 21]. Так, к эмпирическим признакам глаз человека относятся цвет, размер, форма и т. д.: рус. ...он был черен, – не сед; и – обилен; жесточились дико бобрового цвета глаза (НКРЯ (Андрей Белый. Москва. Ч. 2. Москва под ударом. 1926)); англ. ...her *tiny porcine eyes* are almost obliterated by the assault of her round glistening flesh ‘...ее крошечные свиные глазки почти исчезали под натиском одутловатой, лоснящейся плоти’¹ (СОНА (DeLillo D. Ratner’s star. 1976)); исп. ...razón más que suficiente para que me quedase prendado de sus ojos verdes como el trigo en primavera ‘...этого оказалось достаточно, чтобы я навсегда утонул в ее глазах, зеленых, как весенние колосья пшеницы’ (CNDHE (Ramón H. El secreter del Rey. 1995)).

Актуальность данной работы определяется антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований, с одной стороны, и значительным интересом к метафоре, с другой стороны. Несмотря на наличие публикаций, посвященных метафорическому описанию тела и его элементов, количественно-качественный сопоставительный анализ метафорических дескрипций эмпирических признаков глаз человека в неблизкородственных языках в рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов проводится впервые.

Метафора давно привлекает внимание языковедов. Если с точки зрения классической риторики (начиная с Аристотеля) метафора рассматривается прежде всего как стилистический прием, то с позиции лингвистики (особенно в последние десятилетия) она считается не только фигурой речи, но и одним из ключевых когнитивных механизмов, важным элементом коммуникации, маркером национально-культурных различий. В связи с этим в современном языкознании сформировалось несколько подходов к изучению метафоры: когнитивный, прагматический, функциональный, лингвокультурологический, филогенетический (эволюционный) и др.

Когнитивный подход возник в 1980-х гг. Он до сих пор представляется одним из ведущих направлений исследования метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон – основоположники когнитивного подхода – показали, что обыденная понятийная система человека по сути своей метафорична: «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [4, с. 25]. Иными словами, метафора рассматривается как способ познания и описания мира, определяющий восприятие и действия человека. Представители когнитивного подхода выделяют систему базовых концептуальных метафор, в рамках которой одна концептуальная область (область источника – более

¹Здесь и далее перевод наш. – К. К.

конкретное знание, получаемое человеком при взаимодействии с действительностью) структурирует другую концептуальную область (область цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание) [4, с. 10]. Так, концептуальная метафора *Спор – это война* позволяет описать спор в терминах войны: «Он *напал* на *каждое слабое место* в моей аргументации. <...> Его критические замечания *били точно в цель*. <...> Я *никогда не побеждал* его в споре. <...> Если вы используете эту *стратегию*, он вас *уничтожит*» [4, с. 26]. Таким образом, согласно когнитивному подходу «метафоры позволяют понимать одну область опыта в терминах другой» [4, с. 148].

В основе прагматического подхода лежат аспекты возникновения и функционирования метафоры в процессе коммуникации, рассматриваются контекстуальная интерпретация метафорического выражения, намерения говорящего и воздействие на адресата. Одним из влиятельных направлений в рамках прагматического подхода является теория релевантности (англ. *relevance theory*), разработанная Д. Спербером и Д. Вилсон. С позиции данной теории метафора не требует специальных механизмов для интерпретации. Авторы указали, что понятие метафоры не является теоретически значимым для изучения вербальной коммуникации, поскольку интерпретация метафоры происходит тем же путем, что и интерпретация любого другого высказывания, – путем поиска релевантных смыслов в контексте [5, р. 84]. Иными словами, метафора – частный случай прагматически обусловленного, небуквального употребления языка наряду с переносным значением, гиперболой, иронией и т. д. В данном контексте важными являются импликатуры. Метафора побуждает адресата извлекать из высказывания дополнительные смыслы и ассоциации в контексте, позволяя говорящему косвенно выразить оценку, эмоцию или намерение.

Функциональный подход предполагает изучение метафоры сквозь призму ее роли в структуре языка и речи с учетом того, какие функции она выполняет в разных типах дискурса. Этот подход во многом базируется на идеях системно-функциональной лингвистики М. А. К. Халлидея. В частности, ученый ввел понятие грамматической метафоры, обозначив им случаи, когда та или иная семантическая структура выражается нетипичным для нее грамматическим способом, отличным от наиболее прямого, естественного (конгруэнтного) способа передачи того же значения (например, процесс выражается именем, как при номинализации). В результате возникает дополнительное смысловое измерение: высказывание обладает буквальным и одновременно метафорическим значением, формируя тем самым многоуровневую семантическую структуру и обогащая выразительные возможности языка [6, р. 626, 658]. Таким образом, функционалисты расширили понимание метафоры, считая, что она проявляется не только на уровне лексики, но и на уровне грамматики. Грамматическая метафора характерна для научного и официально-делового стилей речи, в которых номинация сложных процессов нередко происходит с помощью абстрактных существительных. Так, в научном тексте вместо сочетания с глаголом *ученые проанализировали данные* часто употребляется выражение с отглагольным существительным *проведен анализ данных*.

Нельзя не отметить, что язык тесно связан с культурой, поэтому у лингвистов зародился интерес к метафоре как носителю культурных смыслов. Так возник лингвокультурологический подход, основатели которого опираются на положение о том, что метафоры отражают картину мира и ценности того или иного языкового сообщества. В англоязычной традиции это направление представлено, в частности, работами З. Кёвечеша и его последователями. Ученый показал, что, хотя многие концептуальные метафоры универсальны (они коренятся в общечеловеческом опыте), их реализация в языке может существенно меняться в зависимости от культуры [7]. В книге [8] З. Кёвечеш обосновал идею о культурной вариативности метафор: метафорическая система языка тесно связана с ценностями и опытом культуры, и различия в метафорах могут указывать на различия в мышлении разных народов.

Одним из наиболее современных подходов является филогенетический (эволюционный) подход – изучение метафоры в диахронии. Исследователи, работающие в рамках данного подхода, задаются следующими вопросами: «Когда и почему у вида *homo sapiens* возникла способность к метафорическому мышлению?»; «Какую роль играет метафора в процессе изменения языка с течением времени?». Исследования в области диахронической семантики убедительно показали, что метафора – один из главных механизмов семантической трансформации словарного состава языка [9, р. 145]. Новые значения слов часто возникают в результате метафорического переноса. Так, слова, обозначающие части тела, элементы одежды и другие предметы или объекты, приобретают переносное значение на основе сходства или аналогии (*ножка стула*, *рукав реки* и т. д.). Эта закономерность, давно отмеченная лингвистами, в наше время подтверждается на больших массивах данных. Методы компьютерной лингвистики позволяют отследить пути развития метафорических значений слов на материале корпусов текстов [9, р. 145–146] и выявить, как метафоры порождают полисемию. М. Плеер и его коллеги отметили, что метафорическая обусловленность семантических сдвигов выступает универсальным свойством языковой эволюции.

По их мнению, метафора является важнейшим механизмом семантического изменения [9, р. 145]. За счет метафорического расширения язык постоянно обогащается новыми смыслами, что позволяет ему оставаться гибкой и открытой системой.

Таким образом, на современном этапе развития науки о языке метафора понимается как сложное, многоуровневое явление, лежащее на пересечении языка, мышления и культуры.

Вслед за когнитивистами [10, р. 49; 11, р. 5–6; 12, р. 9] мы рассматриваем метафору как один из важнейших механизмов человеческого мышления. Вопреки тому что метафора как когнитивный механизм универсальна, культурный компонент в ее составе отражает особенности коллективного опыта, устоев, традиций, системы ценностей носителей разных языков. Еще Э. Сепир писал: «...словарь, содержательная сторона языка, всегда выступает в виде набора символов, отражающих культурный фон данного общества» [13, с. 276]. По этой причине опора на те или иные эталоны при метафорическом описании глаз человека может демонстрировать не только универсальные тенденции, но и национально-специфические черты (например, через отсылки к эндемичным (свойственным определенной местности) или культурно значимым видам растений и животных, особенностям ландшафта и климата, важным для определенного сообщества артефактам, продуктам питания, культурным явлениям и т. д.). Таким образом, цель настоящего исследования заключается в установлении общих и национально-специфических черт семантики метафорических дескрипций эмпирических признаков глаз человека в русском, английском и испанском языках.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования выступают устойчивые и свободные атрибутивные словосочетания, предикативные и полупредикативные сочетания, сравнительные обороты. Материал получен путем сплошной выборки из корпуса русского языка (НКРЯ, в частности корпуса параллельных текстов), а также из корпусов английского языка (BNC, COHA, COCA) и испанского языка (CdE, CNDHE, CORPES XXI). Примеры отбирались из художественных и публицистических контекстов, датируемых XIX – началом XXI в. Для большей репрезентативности исследования учитывались британский и американский варианты английского языка, а также кастильский, аргентинский и мексиканский варианты как наиболее крупные и значимые региональные варианты испанского языка.

Объем полученной выборки составил 803 дескрипции (247, 364 и 192 дескрипции в русском, английском и испанском языках соответственно). Учитывалось наличие в дескрипции ключевого компонента (рус. *глаза*, англ. *eyes*, исп. *ojos*) и метафорического указания на эталон сравнения. Были отобраны такие дескрипции, в которых указание на основание для сравнения выступает в качестве однородного члена словосочетания, находится в составе сравнительной конструкции или является компонентом значения отсубстантивного прилагательного в атрибутивных словосочетаниях, предикативных и полупредикативных сочетаниях.

Материал исследования анализировался с применением статистических методов, метода дистрибутивного анализа, компонентного анализа, сопоставительного метода. Статистические методы использовались на начальном этапе обработки корпусных данных: метафорические дескрипции глаз человека заносились в электронную таблицу с соответствующими пометами (язык, год публикации, жанр публикации, тип эмпирического признака, денотативная отнесенность эталона сравнения). Затем вычислялась абсолютная и относительная частотность эмпирических признаков в метафорических дескрипциях глаз человека, а также частотность денотативных областей и подобластей, которые выступают в качестве источника эталонов. Дистрибутивный анализ проводился через построение конкордансов по лемме со значением органа зрения (рус. *глаз*, англ. *eye*, исп. *ojo*) с окном в пять слов. С его помощью определялся типичный лексико-грамматический контекст с данной леммой в исследуемых языках. Компонентный анализ использовался для выявления и систематизации семантических признаков, лежащих в основе значений эталонов сравнения. Сопоставительный метод обеспечил финальную интеграцию материала: сопоставлялись частотность эмпирических признаков в трех языках, частотность денотативных областей в трех языках. Кроме того, сравнивались сами метафорические дескрипции глаз в рамках исследуемых языков, что позволило установить универсальные и национально-специфические черты их семантики.

Результаты и их обсуждение

В ходе анализа и классификации материала было определено, что в исследуемых языках при метафорическом описании глаз человека актуализируются идентичные эмпирические признаки: цвет, характер поверхности, размер, характер движения, форма, степень прозрачности. Исключением является такой признак, как положение на лице: он отсутствует в английском языке. В табл. 1 приведены данные о частотности указанных выше эмпирических признаков в исследуемых языках (в абсолютных и относительных числах).

Таблица 1

Частотность эмпирических признаков в метафорических описаниях глаз человека
в русском, английском и испанском языках

Table 1

Frequency of sensory characteristics in metaphorical descriptions of human eyes
in Russian, English and Spanish languages

Эмпирический признак	Русский язык		Английский язык		Испанский язык	
	Количество описаний	Доля в общем количестве описаний, %	Количество описаний	Доля в общем количестве описаний, %	Количество описаний	Доля в общем количестве описаний, %
Цвет	177	71,66	275	75,55	111	57,81
Характер поверхности	28	11,34	21	5,77	38	19,79
Размер	12	4,86	39	10,71	29	15,11
Характер движения	13	5,26	8	2,20	4	2,08
Форма	10	4,05	14	3,85	3	1,56
Степень прозрачности	6	2,43	7	1,92	6	3,13
Положение на лице	1	0,40	—	—	1	0,52
<i>Всего</i>	<i>247</i>	<i>100</i>	<i>364</i>	<i>100</i>	<i>192</i>	<i>100</i>

Наиболее высокую частотность демонстрирует эмпирический признак цвета. Его преобладание над другими особенно заметно в русском и английском материале. В испанском языке цвет глаз человека также занимает доминирующее положение среди других эмпирических признаков, но доля таких описаний в названном языке меньше, чем доля описаний цвета глаз в других языках. Цвет чаще встречается в метафорических описаниях глаз во всех трех языках, поскольку этот признак является одной из наиболее заметных и легко идентифицируемых характеристик, что делает его важным в процессе визуального восприятия другого человека. Более того, как отмечает Л. В. Лаенко, «...из всех зрительных ощущений именно цветовые ощущения – прототипические, они первыми вербализовались в языке. Все остальные типы зрительных ощущений предполагают уже мыслительные операции...»². Иными словами, признак цвета легче других эмпирических признаков воспринимается и осмысливается человеком, эти процессы, требуют меньше когнитивных усилий.

Не только частотность метафорических описаний цвета глаз, но и широкое разнообразие существующих в исследуемых языках цветовых эталонов свидетельствует о том, что носители данных языков нередко испытывают потребность в более детальном описании цвета глаз, чем позволяют конвенциональные, закрепленные в словаре языковые средства. Данная ситуация ведет к возникновению разнообразных метафор, которые отсылают к эталонам, имеющим заметную и важную характеристику – особый цвет или оттенок: рус. *Посидел, поговорил о войне и хуторских новостях, поцурил на Дарью зеленые, камышовые глаза...* (НКРЯ (Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 2. 1928–1940)); англ. *Mrs. MacGlowrie was a fair-faced woman with eyes the color of pale sherry* ‘У миссис Мак-Глоури было светлое лицо и глаза цвета светлого хереса’ (СОНА (Merwin H. C. Bret Harte’s heroines. 1908)); исп. *¡Y aquellos ojos, oh, aquellos ojos negros como dos golondrinas de la pasión!* ‘И те глаза, о, те глаза, черные, словно две ласточки страсти!’ (CdE (Lugones L. Lunario sentimental. 1909)). В некоторых случаях эталон не столько уточняет сам цвет или его оттенок, сколько способствует передаче эмоционального отношения автора к описываемому лицу: рус. *Денисов играл свою роль совершенно искренне. Его серые, как слизи, глаза были мокры. Униженно и скорбно он молит своего «следователя»: «Вы ко мне по-человечески. Окружили»* (НКРЯ (Кожевников В. М. Щит и меч. Кн. 1. 1968)); англ. *Vera stood an even six feet tall and in her real estate clothes looked like a Detroit parole officer – hair back in a tight black bun, eyes the color of frozen slag, and her thin lips the color of an aluminized rose* ‘Вера была шести футов ростом, и в своем деловом костюме она походила на детройтского офицера по условно-досрочному освобождению: волосы стянуты в тугий черный пучок, глаза цвета застывшего шлака, а тонкие губы словно окрашены в оттенок алюминиевой розы’ (СОНА (Wightman W. The attack of the ignoroids. 1999)).

Вариативность описаний цвета глаз в испанской лингвокультуре оказалась ниже, вероятно, в силу преобладания темных оттенков радужной оболочки глаз у людей, проживающих на территории Южной Европы и Латинской Америки, что отразилось на относительном количестве описаний с данным признаком по сравнению с их количеством в других анализируемых языках: *ojos negros como moras* ‘глаза черные,

²Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Воронеж, 2005. С. 31.

как ежевика»; *ojos del color de la obsidiana* ‘глаза цвета обсидиана’; *ojos eran como dos pozos negros* ‘глаза были как два черных колодца’; *ojos de color de betún muy oscuro* ‘глаза цвета очень темного битума’; *ojos negros como las hopas de condenados* ‘глаза черные, как одеяния осужденных’; *ojos negros como la noche* ‘глаза черные, как ночь’; *ojos de frijolillos negros* ‘глаза цвета черной фасоли’; *ojos enormes del color de un estanque oscuro* ‘гигантские глаза цвета темного пруда’ и т. д. Тем не менее, как было отмечено выше, корпус испаноязычных дескрипций глаз человека демонстрирует, что цвет является самым частотным эмпирическим признаком. Вместе с тем наблюдается более равномерное распределение внимания носителей языка в рамках всего спектра эмпирических признаков. В связи с этим можно предположить, что в испанской лингвокультуре другие признаки глаз могут быть ассоциативно более нагруженными и играть сравнительно большую роль в восприятии человека, чем в русской и английской лингвокультурах.

Дескрипции характера поверхности (блеска, тусклости, влажности) глаз занимают второе место по частотности в русском и испанском языках, однако в английском языке частотность описаний данного признака значительно ниже. Этот признак может коррелировать с текущим внутренним состоянием человека или состоянием его здоровья, при этом наиболее распространенным аспектом характера поверхности является ее сверкание – динамический и часто кратковременный в своем проявлении признак: рус. *Карабаш чудовищно исхудал за последние сутки: щеки ввали, глаза блестят, как у больного* (НКРЯ (Трифонов Ю. В. Утоление жажды. 1959–1962)); англ. *Let us look at him as he stands facing us on his native plains, his red eyes glowing like coals of fire from amid the mass of dark brown or black hair* ‘Давайте взглянем на него, как он стоит перед нами на родных просторах, из-под густой темно-каштановой или черной шевелюры пылают его красные глаза, словно раскаленные угли’ (СОНА (Kingston W. H. G. The Western world picturesque sketches of nature and natural history in North and South America. 1874)); исп. *Celestiales facciones. / Pero nube de espanto / Tiñó de palidez sus formas bellas, / Y sus ojos, luciendo como estrellas, / Muestran reciente el llanto* ‘Небесные черты. / Но тень ужаса / Окрасила их в бледный тон, / И в ее глазах, сверкающих, как звезды, / Виден свежий след слез’ (CNDHE (Pastor Nicomedes Díaz. Poesías. 1828–1849)).

Размер глаз, напротив, проявляется как более важный признак для носителей английского и испанского языков, чем для представителей русской лингвокультуры. Такое положение может указывать на специфику культурных ассоциаций, связанных с большими или маленькими глазами, которые во многих случаях соотносятся с личностными характеристиками человека (открытостью, наивностью либо хитростью, пронырливостью, жадностью и др.): англ. *Isaac wheeled suddenly and drew himself up. His little mouse eyes were snapping, and his face fiery red* ‘Исаак внезапно развернулся и выпрямился. Его маленькие мышиные глазки искрились, а лицо пылало огненно-красным’ (СОНА (Smith F. H. Peter: a novel of which he is not the hero. 1908)).

Характер движения глаз в русских дескрипциях актуализируется несколько чаще, чем в английских и испанских описаниях. Движение глаз может быть связано с такими аспектами общения, как проявление внимания и интереса, выражение страха, стыда, лжи и т. д.: рус. «*Давай мириться?*» – «*Давай*», – отвечает Акимка, а у самого глаза, как у базарного жулика, бегают (НКРЯ (Артем Веселый. Россия, кровью умытая. 1924–1932)); англ. *Silvio nodded nervously, his eyes darting like black ants from her to Nicolo* ‘Сильвио нервно кивнул, его глаза метались, как черные муравьи, от нее к Николо’ (BNC (Marton S. Roman spring. 1985–1994)); исп. *¿Quién es aquella mujer que no se aparta de noche ni de día de las bombas, que mide con su corazón el agua que ha salido y la que falta, cuyos ojos inmóviles como los de un cadáver, clavados en la tierra* ‘Кто эта женщина, что ни днем, ни ночью не отходит от насосов, что сердцем своим отмеряет, сколько воды ушло и сколько еще предстоит, чьи глаза, неподвижные, как у мертвеца, впились в землю?’ (CdE (Concepción A. Artículos sobre beneficencia y prisiones. Vol. 4. 1856)).

Форма глаз описывается реже, чем цвет, характер поверхности, размер или характер движения. Данный признак имеет наименьшую частотность в испанском языке и более высокую распространенность в русском и английском языках. Форма глаз не характеризуется значительным разнообразием вариантов и поэтому не рассматривается носителями как выразительный признак, требующий развернутых метафорических описаний. Тем не менее иногда форма глаз становится важным признаком для характеристики человека (например, она может указывать на его этническую принадлежность): рус. *Казалось, ее кости полые, как у птицы. Длинные светлые северные глаза. Она мне подарила икону Сергия Радонежского, исписав сзади своим въедливым почерком* (НКРЯ (Сергей А. Шаргунов. Ура! 2003)); англ. *Her face is pretty, however – arrowing cheeks and feather-shaped eyes the signature of Mayan ancestors on her mother's side* ‘Ее лицо красивое, но с худыми щеками и глазами, по форме напоминающими перья, – наследие Майя по линии матери’ (СОНА (Melnyczuk A. Recovering virgins. 2014)). Следует отметить, что описание круглой формы глаз превалирует в русском языке (*глаза круглые, как у младенца, с которым играет молодой отец; круглые, как пятаки, глаза; круглые, как монеты, глаза*) и испанском языке (*ojos redondos como cebollas* ‘глаза круглые, словно луковицы’; *ojos redondos como monedas* ‘глаза круглые, как монеты’; *ojos redondos como discos de 33 revoluciones* ‘глаза круглые, как пластинки на 33 оборота в минуту’), а вытянутой

формы глаз – в английском языке (*fish-shaped eyes* ‘глаза в форме рыб’; *feather-shaped eyes* ‘глаза в форме перьев’; *drop-shaped eyes* ‘глаза в форме капель’). Кроме того, выявлены английские дескрипции изогнутой формы глаз (*eyes curved like a bow* ‘глаза изогнутые, как лук’; *comma-shaped eyes* ‘глаза в форме запятых’).

В исследуемых языках степень прозрачности глаз является периферийным признаком. Тем не менее в испанском корпусе он встречается несколько чаще, чем в русском и английском корпусах: рус. *Голова у него была взъерошена и глаза мутные, как вода в придорожной луже* (НКРЯ (Семенов С. Т. Из жизни Макарки. 1908)); англ. *He pointed at his cloudy eyes. «I can't fix clocks anymore. I can hardly even see the bird you're talking about, sister»* ‘Он указал на свои затуманенные глаза: «Я больше не могу починить часы. Я едва вижу ту птицу, о которой ты говоришь, сестра»’ (COHA (Adler R. Speedboat. 1976)); исп. *Pequeño de estatura, raquítico de complexión. Todo un insignificante si no llevara la muerte en los ojos, cenagosos como el fondo de un remanso* ‘Невысокий ростом, с худощавым телом. Совершенно ничтожный, если бы не носил смерть в глазах, мутных, как дно тихого омута’ (CdE (Bonafoux L. Gotas de sangre. 1886)). Степень прозрачности глаз может восприниматься как индикатор эмоционального состояния, состояния здоровья или духовной чистоты героя: рус. *Лицо подвергивала судорога, глаза помутнели, как у пьяного* (НКРЯ (Вольнов И. Е. Повесть о днях моей жизни. 1912)); англ. *My mother was rosy then, her green eyes as pure as a soybean field in May* ‘Тогда у моей матери был румянец, ее зеленые глаза были чисты, как майское соевое поле’ (COHA (Yoder K. Ocean bound. 2018)).

Метафорическое описание положения глаз на лице встречается редко, о чем свидетельствуют низкие показатели частотности таких дескрипций в испанском и русском языках и их отсутствие в английском языке. Эта ситуация может указывать на то, что варианты положения глаз на лице не отличаются разнообразием и что для их описания в исследуемых языках существует исчерпывающий набор конвенциональных средств. Следовательно, данный признак не рассматривается в качестве важного ассоциативного или идентифицирующего признака: рус. *Были замасленные и обветренные машинисты уссурийских паровозов, с черными, глубоко запавшими глазами, похожими на дыры, прожженные углем* (НКРЯ (Фадеев А. А. Рождение Амгуньского полка. 1923)); исп. *Está vieja, con la mandíbula dura, los ojos hundidos como guijarros en el barro* ‘Она старая, с тяжелой челюстью и глазами, вдавленными, как галька в грязь’ (CORPES XXI (Fernanda G. L. Nación vacuna. 2020)).

По нашему мнению, различия в частотности эмпирических признаков в описаниях глаз человека определяются физиологическим, перцептивным и аффективно-соматическим факторами. Действие физиологического фактора проявляется в том, что в культурах, в которых преобладают темные оттенки глаз (например, в испанской лингвокультуре), цвет глаз менее вариативен и в связи с этим менее эмоционально и культурно нагружен. По этим причинам частотность описаний данного признака не так высока, как в других исследуемых языках. В русской и английской лингвокультурах, у представителей которых цвет глаз более разнообразен, он может привлекать большее внимание наблюдателя, становясь важным средством идентификации и выражения индивидуальности человека. Перцептивный фактор определяет приоритетность более заметных и легко дифференцируемых признаков, которые раньше других фиксируются в процессе восприятия и, следовательно, чаще актуализируются в языке (например, признак цвета). Влияние аффективно-соматического фактора на частотность актуализации того или иного эмпирического признака состоит в том, что некоторые признаки глаз могут ассоциироваться с эмоциональным состоянием, состоянием здоровья или внутренними качествами и характеристиками человека. Иными словами, данные эмпирические признаки находят выражение в языке не потому, что они значимы сами по себе, а потому, что они могут передавать названные характеристики. Так, блеск глаз часто интерпретируется как индикатор интереса, ярости или болезни; движение глаз может ассоциироваться с вниманием, заинтересованностью, обманом, чувством стыда и т. д.

Проанализировав эмпирические признаки, мы перейдем к рассмотрению денотативных областей, к которым обращаются носители русского, английского и испанского языков при метафорическом описании глаз человека. Всего было выделено девять денотативных областей, восемь из которых присутствуют во всех исследуемых языках. Денотативные области имеют следующие наименования: «Космос. Земля. Природные образования», «Растения и другие растительные организмы», «Животные», «Лица», «Тело, организм, их части, продукты жизнедеятельности», «Материальные продукты труда», «Названия разных предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, непостоянной функции или употреблению», «Формы и сущностные характеристики явлений действительности» и «Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства». Они взяты из издания «Русский семантический словарь»³. Важно отметить, что согласно данному словарю большинство денотативных областей делятся на подобласти. В табл. 2 содержатся данные о частотном распределении выявленных денотативных областей в анализируемых языках (в абсолютных и относительных числах).

³Русский семантический словарь : толковый слов., систематизир. по кл. слов и значений : в 6 т. / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998–. Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). 807 с. Т. 2 : Имена существительные с конкретным значением. Все создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. 762 с. Т. 3 : Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. 720 с.

Таблица 2

Частотность денотативных областей, которые служат источником эталонов сравнения
в метафорических описаниях глаз человека, в русском, английском и испанском языках

Table 2

Frequency of denotative domains, serving as sources of referential standards of comparison
in the metaphorical descriptions of human eyes, in Russian, English and Spanish languages

Денотативная область	Русский язык		Английский язык		Испанский язык	
	Количество описаний	Доля в общем количестве описаний, %	Количество описаний	Доля в общем количестве описаний, %	Количество описаний	Доля в общем количестве описаний, %
Космос. Земля. Природные образования	79	31,99	121	33,24	63	32,81
Растения и другие растительные организмы	58	23,48	81	22,25	36	18,75
Животные	28	11,34	45	12,36	13	6,77
Лица	10	4,05	7	1,93	3	1,56
Тело, организм, их части, продукты жизнедеятельности	3	1,22	6	1,65	8	4,17
Материальные продукты труда	66	26,72	91	25,0	60	31,25
Названия разных предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, непостоянной функции или употреблению	1	0,40	–	–	–	–
Формы и сущностные характеристики явлений действительности	1	0,40	11	3,02	5	2,61
Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства	1	0,40	2	0,55	4	2,08
<i>Всего</i>	<i>247</i>	<i>100</i>	<i>364</i>	<i>100</i>	<i>192</i>	<i>100</i>

Наиболее востребованными в качестве эталонов сравнения оказываются природные феномены, представленные в денотативных областях «Космос. Земля. Природные образования», «Растения и другие растительные организмы», «Животные», «Лица» и «Тело, организм, их части, продукты жизнедеятельности»: рус. *И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны...* (НКРЯ (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. 1839–1841)); англ. *«He's got a face to remember, – Mattie said earnestly. – A proud, learned face. He's got eyes the color of sandstones»* ‘«У него лицо, которое невозможно забыть, – сказала Мэтти с убежденностью. – Горделивое, мудрое лицо. А глаза цвета песчаника»’ (COHA (West J. Friendly persuasion West. 1945)); исп. *A vosotras, madres de las muchachas anémicas, va esta historia, la historia de Berta, la niña de los ojos color de aceituna, fresca como una rama de durazno en flor* ‘Вам, матерям бледных девушек, посвящается эта история – история Берты, девочки с глазами цвета оливок, свежей, как цветущая персиковая ветвь’ (CdE (Darío R. Cuentos. Selección. 1892)). На наш взгляд, высокая частотность данных эталонов в описаниях глаз объясняется сочетанием нескольких факторов. Во-первых, природные феномены легко узнаются, обладают ярко выраженными и стабильными эмпирическими признаками (цвет, характер поверхности, размер, форма и т. д.), которые без труда можно экстраполировать на глаза человека при их метафорическом описании. Как показала И. Н. Ивашкевич, такие признаки часто закреплены в структуре лексического значения наименований эталонов [14]. Во-вторых, многие природные феномены укоренены в различных культурных традициях, выступая элементами мифологии, искусства и религии. В-третьих, они часто вызывают у носителей языка эмоциональный отклик благодаря своей эстетической привлекательности, что облегчает использование подобных эталонов в художественной литературе и повседневном общении.

При описании глаз носители исследуемых языков реже обращаются к феноменам, созданным руками человека, чем к природным феноменам в совокупности: рус. *Лишь служители недоуменно взирают на него*

круглыми, как пятаки, глазами (НКРЯ (Самсонов С. А. Аномалия Камлаева. 2006–2007)); англ. «*Half for you and half for me?*» – asked Philo Gubb, **his eyes as big as poker chips** «Половина тебе, половина мне?» – спросил Фило Габб, его **глаза стали большими, как покерные фишки**» (СОНА (Butler E. P. Philo Gubb, correspondence-school detective. 1918)); исп. ***Ojos abiertos como platos. El estupor y el miedo se agolpan entre los dientes*** «Глаза **распахнутые, словно блюда**. Изумление и страх застыли между стиснутыми зубами» (CdE (Helio V. Angola y otros cuentos. 1984)). Их более низкая частотность может объясняться тем, что феномены материальной культуры в основном соотносятся с их функциями и той пользой, которую они могут принести, что снижает их ассоциативный потенциал. Важно также учитывать и культурный аспект восприятия. По сравнению с природными феноменами многие материальные предметы (машины, станки, механизмы, приборы, строительные материалы, составы, смеси и т. д.) появились сравнительно недавно, поэтому они не обладают той же степенью культурной значимости. Кроме того, предметы материальной культуры не всегда характеризуются яркими, стабильными, доступными зрительному восприятию эмпирическими признаками, которые могли бы лечь в основу метафорического переноса при описании глаз (например, предметы и явления из подобластей «Пути, дороги, дорожные сооружения», «Музыкальные инструменты» и т. д.).

В исследуемых языках наименьшей частотностью отличаются денотативные области «Названия разных предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, непостоянной функции или употреблению», «Формы и сущностные характеристики явлений действительности» и «Духовный мир. Сознание. Мораль. Чувства»: рус. **Семенов выкатывал прямо ему в лицо огромные, как страдание, глаза и силился что-то сказать** (НКРЯ (Арцыбашев М. П. Смерть Ланде. 1904)); англ. ***They were a couple of greasy, copper-hued little rascals, with eyes as black as midnight, and long, wiry hair, like that of a horse's mane*** «Они были парочкой чумазых меднокожих проказников **с глазами черными, как полночь**, и длинными, жесткими, словно конская грива, волосами» (СОНА (Ellis E. S. Oonomoo the Huron. 1862)); исп. ***Sus ojos son grandes como mis penas, y negros como mis pesares*** «Ее **глаза велики, как мои страдания, и черны, как мои сожаления**» (CdE (Estébanez Calderón S. Escenas andaluzas. 1833)). Низкая частотность обращений к абстрактным понятиям отражает важные особенности человеческого мышления, которое в основном опирается на конкретные, хорошо знакомые и наглядные образы. Духовные и абстрактные концепции, в частности мораль, сознание и чувства, сложны для визуализации. Их метафорическое использование требует большего когнитивного усилия, что делает их менее предпочтительными при описании конкретных физических объектов, таких как глаза. Тем не менее при написании произведения авторы часто пытаются достичь максимальной точности, выразительности и глубины, поэтому они прибегают к метафорам, связывающим глаза с абстрактными понятиями: англ. ***A pale face with the lightest scattering of freckles on her nose and cheeks. Pale blue eyes the color of dreams*** «Бледное лицо с небольшими веснушками на носу и щеках. Бледно-голубые **глаза цвета мечты**» (СОНА (Rickert M. The girl who ate butterflies. 1999)); исп. ***...mujeres de ojos enormes como gritos de pavor, con los senos flácidos del hambre...*** «...женщины **с глазами огромными, словно крики ужаса**, с обвисшей от голода грудью...» (CNDHE (Caso Á. El peso de las sombras. 1994)). Однако такие примеры на фоне большого массива полученных данных являются скорее исключениями, что подчеркивает общую тенденцию человеческого мышления к избеганию ассоциаций с абстрактными феноменами.

Не только анализ частотности денотативных областей, но и рассмотрение отдельных метафорических описаний глаз человека демонстрирует ряд закономерностей в выборе эталонов сравнения. Как было показано выше, наиболее частотны описания цвета глаз. Во всех исследуемых языках источники цветных эталонов черпаются из широкого спектра денотативных областей и подобластей, среди которых наиболее продуктивными являются подобласти «Части растений», «Металлы и металлические сплавы», «Земля, ее рельеф, природные явления», «Горные породы, ископаемые, камни» и «Продукты питания и внутреннего потребления».

В описаниях цвета через растительные эталоны особенно часто встречаются отсылки к плодам, цветам, орехам и травам: рус. **черешневые глаза; глаза цвета мокрой черной смородины; глаза похожи на пару распустившихся, умытых росой черных тюльпанов; васильковые глаза; глаза цвета лесных орешков; глаза цвета пожухлой травы**; англ. ***peach-colored eyes*** «глаза цвета персика»; ***sloe eyes*** «глаза цвета терновой ягоды»; ***eyes as blue as cornflowers*** «глаза синие, словно васильки»; ***violet-coloured eyes*** «глаза цвета фиалки»; ***eyes as bright as blueberries*** «глаза яркие, будто черника»; ***filbert eyes*** «глаза цвета лесного ореха»; исп. ***ojos de endrina*** «глаза будто терновые ягоды»; ***ojos de color fresa*** «глаза цвета клубники»; ***ojos color de nuez*** «глаза цвета грецкого ореха». Данная тенденция обусловлена тем, что носителям языка легко соотносить разнообразие оттенков глаз со множеством естественных цветовых вариаций растительного мира, поскольку цвет часто является наиболее заметным и стабильным признаком. Металлы, горные породы, ископаемые, камни и иные явления неживой природы также являются богатым источником эталонов сравнения для описания различных оттенков глаз: рус. **свинцовые глаза; ртутные**

глаза; серые, как сталь, глаза; глаза цвета сапфира; антрацитовые глаза; англ. *silver eyes* ‘серебряные глаза’; *cobalt eyes* ‘кобальтовые глаза’; *nickel-colored eyes* ‘глаза цвета никеля’; *copper-colored eyes* ‘глаза цвета меди’; *eyes as dark as obsidian* ‘глаза темные, как обсидиан’; *eyes the color of sandstones* ‘глаза цвета песчаника’; *eyes the color of a topaz* ‘глаза цвета топаза’; исп. *ojos de plata* ‘серебряные глаза’; *ojos color plomo* ‘свинцовые глаза’; *ojos del color de la obsidiana* ‘глаза цвета обсидиана’; *ojos del color de jade* ‘глаза цвета нефрита’. Упоминания природных явлений часто подчеркивают глубину или чистоту цвета: рус. *глаза цвета июльского неба*; англ. *eyes as coldly blue as the reflection of sunlight on a glacier* ‘глаза холодного синего цвета, как отраженный от ледника свет’; исп. *ojos azules como el firmamento* ‘глаза синие, как небосвод’. Носители всех трех языков активно сопоставляют цвет глаз с небом, облаками, водным пространством, льдом.

Характер поверхности подчеркивается такими эталонами, как блестящие минералы, отражающие свет предметы или источники света: рус. *глаза мерцали, как бриллианты*; *блестящие, как слюда, глаза*; *глаза блестящие, как крышка пианино*; *глаза светятся, как лампочки*; англ. *eyes glowing like golden fire in the dark* ‘глаза, мерцающие золотым пламенем во тьме’; *eyes shone like candles* ‘глаза светились, словно свечи’; *eyes shone like lanterns* ‘глаза светились, как фонари’; исп. *ojos la brillan como dos crisoprasos* ‘глаза сверкают, будто два хризопраза’; *ojos brillantes como brasas* ‘глаза, мерцающие, словно раскаленные угли’; *ojos brillando como sopletes* ‘глаза, вспыхивающие, словно пламя горелки’. Также частотны обращения к глазам животных из семейства кошачьих из-за их характерного свечения в темноте: рус. *глаза сверкали, как ульва*; англ. *eyes glowed like a panther's in the dark* ‘глаза светились в темноте, как у пантеры’; исп. *ojos alumbrados como los de un gato en la oscuridad* ‘глаза светились в темноте, как у кошки’.

В исследуемых языках при описании размера глаз человека эталоном сравнения выступают животные, размер глаз которых является их отличительной чертой (рус. *огромные стрекозиные глаза*; *крошечные свиные глазки*; англ. *eyes as big as the owl's* ‘глаза большие, как у совы’; *tiny pig eyes* ‘крошечные свиные глаза’; исп. *abría los ojos como un pájaro nocturno* ‘открывал глаза, как ночная птица’; *abrían sus ojos como buhos incrédulos* ‘открывали глаза, словно изумленные совы’), а также предметы материальной культуры, особенно посуда (рус. *глаза-блюдца*; англ. *eyes as big as saucers* ‘глаза большие, как блюдца’; *eyes as big as teacups* ‘глаза большие, как чайные чашки’; *eyes as big as soup plates* ‘глаза большие, как суповые тарелки’; *eyes as wide as saucers* ‘глаза распахнутые, как блюдца’; *eyes as wide as salad plates* ‘глаза широко раскрытые, как салатные тарелки’; *eyes as large as dinner plates* ‘глаза большие, как обеденные тарелки’; исп. *ojos abiertos como platos* ‘глаза распахнутые, словно блюдца’; *ojos tan grandes como copas* ‘глаза большие, как чашки’; *ojos como dos cuencos* ‘глаза как две миски’; *sus ojos como los platos del postre* ‘его глаза как тарелки для десерта’). Эти эталоны не только дают представление о величине глаз, но и могут визуализировать эмоциональную реакцию или физическое состояние описываемого лица (например, удивление, страх, восхищение). Описание размера глаз человека через сравнение с глазами животных выявляет дополнительное свойство размера как физического параметра – его относительность. Так, глаза слона, в сравнении с глазами человека, могут казаться большими, однако относительно головы и тела слона его глаза являются небольшими: рус. *От гнева у него даже загорелись уши, и маленькие слоновьи глазки утратили все добродушие* (НКРЯ (Устинова Т. В. Подруга особого назначения. 2003)); англ. *...and his small elephant eyes drowsily rolling from one of his companions to the other* ‘а его маленькие слоновьи глаза сонно перекачивались с одного из его спутников на другого’ (СОНА (Motley Lothrop J. Merry-mount: a romance of the Massachusetts colony. Vol. 1. 1849)). В этой связи важно упомянуть мысль Е. В. Рахилиной о том, что «оценка величины предмета, как известно, не абсолютна... она ориентируется на норму, индивидуальную для каждого предмета» [15, с. 129].

Движение глаз чаще всего описывается через уподобление движению животных (тараканов, белок, муравьев, жуков, хорьков и т. д.). Такие примеры встречаются в русском (*быстрые, как тараканы, глаза*; *глаза прыгают, как белки в горящем лесу*), английском (*eyes darting like black ants* ‘глаза суетливо сновали, как черные муравьи’; *eyes twitched like small frightened animals* ‘глаза подергивались, словно маленькие напуганные зверьки’) и испанском (*ojos vivos como insectos* ‘глаза живые, словно насекомые’) корпусах.

При описании формы глаз носители рассматриваемых языков используют образы плодов: рус. *глаза круглые, как головки подсолнухов*; англ. *eyes bulging like great white grapes* ‘глаза выпученные, словно крупные белые виноградины’; исп. *ojos redondos como cebollas* ‘глаза круглые, словно луковицы’. Кроме того, эталонами сравнения выступают предметы материальной культуры, в частности монеты: рус. *круглые, как пятаки, глаза*; *круглые, как монеты, глаза*; англ. *eyes as round as money* ‘глаза круглые, как монеты’; исп. *ojos redondos como monedas* ‘глаза круглые, как монеты’.

Наконец, степень прозрачности глаз чаще всего описывается через обращение к воде и водным пространствам: рус. *глаза мутные, как вода в придорожной луже*; англ. *eyes as limpid as tidal pools* ‘глаза прозрачные, как прибрежные водоемы’; исп. *ojos cenagosos como el fondo de un remanso* ‘глаза мутные, словно дно тихой заводи’. Следует отметить, что данный признак глаз также характеризуется через сравнение

со стеклом и другими материалами, которым свойственна та или иная степень прозрачности: рус. *хрустальные глаза*; исп. *ojos claros como el cristal purísimo* 'глаза прозрачные, как чистейшее стекло'.

В процессе рассмотрения общих и национально-специфических черт метафорических дескрипций эмпирических признаков глаз человека было обнаружено важное явление – распространение исходного признака в сторону более конкретных ассоциаций. Иными словами, часто бывает недостаточно говорить просто о голубом, черном или другом цвете глаз, их небольшом или большом размере, круглой или продолговатой форме и т. д. Стремление к уточнению приводит к разделению категорий на субкатегории. Исходная категория (например, категория черного цвета или круглой формы) в наиболее абстрактном и обобщенном виде может восприниматься как центральный прототипический случай – ядро категории цвета или формы. Однако языковая практика показывает, что носители исследуемых языков часто актуализируют не абстрактный цвет или форму, а их конкретные вариации, которые находят выражение в метафорах. Так, черный цвет глаз – это не просто абстрактный однородный признак, а сложная сеть связанных значений, в которой от ядра категории черного цвета отходят «лучи» (радиальные ответвления), конкретизирующие различные аспекты черноты. Русские метафоры *черные, как уголь, глаза* и *черные, как ежевика, глаза* характеризуют разные свойства: уголь может ассоциироваться с глубиной и густотой оттенка, с чем-то плотным и насыщенным, тогда как ежевика – с природной сочностью, мягкостью или даже вкусом, ароматом. Эти ассоциации создают субкатегории черного цвета, которые находятся в радиальной связи с центральным прототипом, выступающим наиболее абстрактным представлением о черном цвете. Аналогичное явление наблюдается при описании формы глаз. Взяв абстрактную прототипическую идею «круглости», носители языка могут уточнять ее, обращаясь к конкретным эталонам (*круглые, как пятаки, глаза*; *глаза круглые, как головки подсолнухов*). Каждый эталон позволяет взглянуть на эту категорию под новым углом зрения: пятаки могут подчеркивать блеск, четкий контур или правильную форму, а подсолнухи – большой размер, черный цвет. Подобная структура восходит к идее о радиальных категориях Дж. Лакоффа, согласно которой центральный случай порождает целый спектр вторичных, частных значений, мотивированных культурными, перцептивными и ассоциативными факторами [16].

Описанный выше подход показал, что метафорическая дескрипция глаз не только дополняет номинацию эмпирических признаков, но и оформляет их как сложноорганизованные концептуальные структуры. Эти структуры нестатичны. Они динамически развиваются и укрепляются в коллективном языковом опыте, поддерживаемом фольклором, литературой, массовой культурой. Как писал Дж. Р. Тейлор, центральный прототип и периферийные субкатегории связаны между собой цепочками мотиваций (метафорических, метонимических, культурных) [17, р. 45].

В ходе анализа полной классификации денотативных областей и подобластей имен существительных в издании «Русский семантический словарь»⁴ было выявлено, что при описании глаз человека в рамках выбранных корпусов текстов ни разу не встречаются денотативные области «Населенные места, обрабатываемые участки местности; дороги», «Организации. Учреждения. Предприятия. Партии. Общества. Армия», а также денотативные подобласти «Грибы», «Продукты выделки и обработки», «Топливо», «Печатные издания. Рукописи. Полиграфия» и т. д. Данная ситуация объясняется следующими причинами:

- логико-семантическим несоответствием. Такие денотативные области и подобласти по своей природе абстрактны или связаны с социальными конструктами, которые не имеют визуального воплощения. Например, организация или предприятие не обладает свойствами, которые можно было бы легко соотнести с эмпирическими признаками глаз, такими как цвет, характер поверхности, размер, форма и т. д. Отсутствие визуальной и сенсорной аналогии делает эти денотативные области непригодными для описания глаз человека;

- перцептивным несоответствием. Носители языка не могут выявить общие эмпирические признаки между глазами и принадлежащими к указанным выше денотативным областям и подобластям эталонами, несмотря на их конкретную, материальную природу;

- когнитивной выделенностью. Объекты материальной культуры чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Далеко не все из них используются в обиходе на ежедневной основе, их значительная часть знакома скорее специалистам в той или иной сфере, поэтому носители языка могут не обладать достаточными знаниями о них и их свойствах. В связи с этим некоторые подобласти, принадлежащие к денотативной области «Материальные продукты труда», не выступают источником эталонов в метафорическом описании глаз человека (например, подобласти «Отходы производственной обработки, выделки. Отбросы» и «Топливо»);

- культурной и эмоционально-эстетической значимостью. Ряд денотативных областей и подобластей не вызывают культурных и эмоциональных ассоциаций. Описание глаз через объекты инфраструктуры,

⁴Русский семантический словарь / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. 807 с. Т. 2. 762 с. Т. 3. 720 с.

социальные институты или некоторые абстрактные феномены не соответствует традиционным культурным представлениям о глазах как символе красоты и эмоциональной выразительности.

Несмотря на то что исследуемые языки характеризуются практически одинаковым набором денотативных областей, которые выступают в качестве источника эталонов сравнения в метафорическом описании глаз человека, корпусы дескрипций демонстрируют значительное разнообразие национально-специфических эталонов сравнения. В настоящем исследовании под национально-специфическим эталоном понимается культурно обусловленная образная модель, возникшая в рамках метафорического мышления конкретного языкового сообщества.

При метафорическом описании глаз носители русского языка активно обращаются к природным явлениям, характерным для территорий с умеренным климатом (чернозему, сопкам, снегу, болоту): *Григорий Моисеевич взгляда не прятал, и к глазам цвета качественного чернозема примешалась искорка лукавства* (НКРЯ (Сухов Е. Е. Делу конец – сроку начало. 2007)); *У Дегтярева голубой глаз цвета дальних сопкок* (НКРЯ (Фадеев А. А. Разлив. 1923)); – *Есть бессрочные секреты Родины, – буркнул чекист и вскинул, наконец, на профессора Левушкина-Александрова серые, как снег, глаза* (НКРЯ (Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // Октябрь. 2000–2002. № 5–6)). Также в корпусе встречаются примеры с упоминанием важных для русскоговорящих людей сельскохозяйственных культур (капусты, моркови, паслена, ржи): *Емельян Константинович успевал одеться к концу молитвы, выходил, щуря щелки капустных глаз...* (НКРЯ (Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 1. 1928–1940)); *...блудливо вещали ее затуманившиеся глаза цвета увядшей моркови* (НКРЯ (Левин Б. Иностранное тело. 1965–1994)). В русских дескрипциях присутствуют указания на значимые или типичные дикие культуры (полынь, белену, березу, василек, незабудку): *Когда я думал о Паруше, всегда представлял ее могучей телом, с уверенно поднятой большой головой, с полынными глазами, в которых таились умная усмешка и мудрая суровость* (НКРЯ (Гладков Ф. В. Повесть о детстве. 1948)); *На инвалида пусто смотрели глаза цвета белены* (НКРЯ (Шапко В. М. Синдром веселья Плуготаренко // Волга. 2016. № 9–10)).

Среди животных, которые выбираются в качестве эталонов в метафорических дескрипциях, встречаются виды, хорошо известные представителям русской лингвокультуры (кролик, бобр, песец, сорока, судак): *«Как раз к твоим большому песцовым глазам!» – прокричал из Оттавы до Калуги Антон Котельников* (НКРЯ (Шапко В. М. Кошка, пущенная через порог // Волга. 2013. № 7–8)); *А как вас зовут? – спросила Тамара, обливая его горячим взглядом быстрых сорочьих глаз* (НКРЯ (Устинова Т. В. Большое зло и мелкие пакости. 2003)); *Бесцветные, словно у замороженного судака, глаза моргали от света потолочного плафона, который я включил* (НКРЯ (Скворцов В. Н. Каникулы вне закона. 2001)).

При описании глаз через эталоны материальной культуры встречаются эталоны, обозначающие предметы русского быта (лукошко, пятак, пережатый йод): *Лишь служители недоуменно взирают на него круглыми, как пятаки, глазами* (НКРЯ (Самсонов С. А. Аномалия Камлаева. 2006–2007)); *Наталья близко видела все те же пронзающие глаза цвета пережатого йода* (НКРЯ (Шапко В. М. Синдром веселья Плуготаренко // Волга. 2016. № 9–10)). Кроме того, зафиксированы дескрипции, в которых присутствуют эталоны сравнения, отражающие гастрономические реалии русскоязычной культурной среды (водка, крепкий чай, щи, студень, соленый лещ, сушеная таранка): *Вот Яшка Падучий – нищий с белыми водочными глазами* (НКРЯ (Паустовский К. Г. Книга о жизни. Далекие годы. 1946)); *...все, что видели ее простонародные глаза цвета зеленых щей с томной капелькой желтого жира, она принимала с невозмутимостью зеркала...* (НКРЯ (Славникова О. А. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке // Октябрь. 2000–2001. № 6)); *Председатель Тоша выкатил глаза белые, как у сушеной таранки, и стал колотить по графину* (НКРЯ (Анчаров М. Л. Как птица Гаруда. 1989)).

В англоязычном корпусе примеров метафорических дескрипций обращает на себя внимание обилие описаний, которые основаны на сравнении с национально-специфическими эталонами, связанными с продуктами питания, блюдами и напитками (*single-malt scotch* ‘односолодовый скотч’, *ale* ‘эль’, *roasted squash* ‘запеченная тыква’, *whiskey* ‘виски’, *buttermilk* ‘пахта’, *mustard* ‘горчица’): *She had a narrow face angled with strong bones and deep, long eyes the color of single-malt scotch* ‘Она обладала узким лицом с выразительными скулами, глубокими длинными глазами цвета односолодового скотча’ (СОНА (Roberts N. Blue dahlia. 2005)); *June’s ale-colored eyes with their little speckles dwelt on him thoughtfully* ‘Глаза Джун цвета темного эля задумчиво задержались на нем’ (СОНА (Smith T. Did she fall? 1930)); *She looks at me. Her eyes are the color of roasted squash* ‘Она смотрит на меня. Ее глаза напоминают цвет запеченной тыквы’ (СОНА (Tschirgi K. Shepherd’s asylum. 2014)).

Носители английского языка часто обращаются к эталонам сравнения из сферы повседневного быта (*Crest gel toothpaste* ‘гелевая зубная паста «Крест»’, *jeans* ‘джинсы’, *blue workshirt* ‘синяя рабочая рубашка’, *pennies* ‘пенни’): *...his eyes as blue as Crest gel toothpaste* ‘...его глаза синие, словно зубная паста «Крест»’ (СОНА (USA Today. Young love. 2003)); *He smiled and she noticed his lovely blue eyes*

the color of faded jeans ‘Он улыбнулся, и она заметила его прекрасные голубые глаза цвета выцветших джинсов’ (COHA (Kobin J. Late dating. 2015)). Существенное место занимают сравнения с элементами американского спортивного (*basketball* ‘баскетбольный мяч’, *baseball* ‘бейсбольный мяч’) или денежного (*half dollars* ‘монеты в 50 центов’, *quarters* ‘четвертаки’) обихода, что говорит о культурной значимости таких реалий в английской лингвокультуре: *She crept closer, crouching low to the ground, her eyes as big as basketballs* ‘Она подкрадывалась все ближе, пригибаясь к земле, а глаза у нее были огромные, как баскетбольные мячи’ (COHA (Hoffman N. K. Vinegar and cinnamon. 2017)); *She was a tall, thin woman in her mid-forties with a long face that had eyes as big as half dollars* ‘Она была высокой, стройной женщиной лет сорока, с небольшим вытянутым лицом, на котором выделялись глаза, большие, как пятидесятицентовые монеты’ (COCA (Andrews V. C. All that Glitters. 1995)).

Эталонами сравнения из денотативной области «Животные» являются типичные для Британских островов или Северной Америки виды животных (*mink* ‘американская норка’, *polecat* ‘хорек’, *terrapin* ‘североамериканская пресноводная черепаха’): *Her eyes were the color of mink and her lips wet and open* ‘Ее глаза были цвета меха американской норки, а губы были влажными и приоткрытыми’ (COHA (Gray F. P. World without end. 1981)); *His reddish terrapin eyes are merry tonight, for something pleases him* ‘Его красноватые черепахины глаза сегодня веселы, поскольку что-то радует его’ (COHA (Green P. E. Blue thunder. 1928)). Встречаются упоминания и экзотических видов животных (*moray* ‘мурена’, *peacock* ‘павлин’, *parrot* ‘попугай’, *panther* ‘пантера’), что может свидетельствовать о широте этнокультурной картины мира и многовековых культурных контактах англоязычного народа: *...a face shell-white and eyes as green as a moray* ‘...лицо ее было белоснежным, словно скорлупа, а глаза зелеными, как мурена’ (COCA (de Jarnatt S. Her great blue. 2013)); *She had long pink-gold hair and eyes as blue as a peacock’s neck* ‘У нее были длинные волосы розово-золотистого оттенка и глаза синие, как шея павлина’ (COCA (O’Connor F. The life you save may be your own. 2001)).

Разнообразие эталонов, обозначающих ландшафт, также демонстрирует космополитизм английской лингвокультуры (*Hawaiian lagoon* ‘гавайская лагуна’, *Welsh tarn* ‘валлийское горное озеро’, *swamps of Maryland* ‘болота Мэриленда’, *the Caribbean* ‘Карибское море’): *No one in my family has thick straight brunette hair and eyes as blue as a Hawaiian lagoon* ‘Ни у кого в моей семье нет густых прямых каштановых волос и глаз синих, как гавайская лагуна’ (COCA (Patton L. Yankee doodle dixie. 2011)); *Behind the mask, her eyes shone like the blue of the Caribbean, and her lips looked full and kissable* ‘За маской ее глаза сияли, как карибская лазурь, а губы казались полными и приглашающими к поцелую’ (COHA (Andre B. Take me. 2005)).

В качестве эталонов сравнения в английских дескрипциях выступают уникальные или типичные для Великобритании или Северной Америки растения (*bluebonnet* ‘техасский синий люпин (разновидность василька)’, *huckleberry* ‘черника облиственная’, *shamrocks* ‘трилистник’, *sloe* ‘терновая ягода’, *filbert* ‘американский лесной орех’): *...at birth Mary Delland and Lydia Dale were almost identical in appearance, sharing their mother’s bluebonnet eyes and their father’s full lips and blond hair* ‘...при рождении Мэри Делланд и Лидия Дейл были почти неотличимы друг от друга: обе унаследовали васильковые глаза матери, а также полные губы и светлые волосы отца’ (COHA (Bostwick M. Between heaven and Texas. 2013)); *...he dropped on one knee very gracefully, and kissed first the gentleman’s hand, and then mine; and his little huckleberry eyes twinkled* ‘...он грациозно опустился на одно колено, сначала поцеловал руку джентльмена, затем мою, а его крошечные черничные глаза весело сверкнули’ (COHA (Fern F. Little ferns for Fanny’s little friends. 1853)); *Bridget had hair as bright as copper, eyes as green as shamrocks, and a voice as musical as a babbling brook in spring* ‘У Бриджит были волосы яркие, как медь, глаза зеленые, словно трилистник, а голос мелодичный, как журчащий весной ручей’ (COCA (Galloway N. T. The gift of blarney. 2000)).

В испанской лингвокультуре встречаются метафорические дескрипции с эталонами сравнения, обозначающими особенности латиноамериканского и средиземноморского сельского хозяйства (*aceituna* ‘оливка, маслина’, *frijolillos negros* ‘лимская фасоль’, *limonero* ‘лимонное дерево’): *...ojos de frijolillos negros, dientes de carne de coco con incrustaciones de esmeraldas* ‘...глаза цвета лимской фасоли и зубы из кокосовой мякоти, инкрустированные изумрудами’ (CdE (Asturias M. Maladrón: epopeya de los Andes Verdes. 1969)); *Su nariz cortante me apunta como una escopeta pero son sus ojos, del color de una hoja de limonero, los que me funden* ‘Ее острый нос нацелен на меня, словно дуло ружья, но именно ее глаза цвета листы лимонного дерева разят меня наповал’ (CORPES XXI (Moreno L. Por si se va la luz. 2013)). Кроме того, присутствуют отсылки к напиткам и продуктам питания, характерным для испанского и латиноамериканского пространства (*brandy Espléndido Garvey* ‘бренди «Эсплендидо Гарвей»’, *café batalla* ‘кофе «Баталья»’, *aguardiente* ‘агуардьенте (крепкий анисовый спиртной напиток)’): *...el pelo rubio, igual que la paja a comienzos del verano, y los ojos del color del brandy Espléndido Garvey* ‘Светлые волосы, словно солома в начале лета, а глаза цвета бренди «Эсплендидо Гарвей»’ (CORPES XXI (Vallvey Á.

Muerte entre poetas. 2008)); *Cosme era alto y con los ojos del color del aguardiente* ‘Косме был высоким, с глазами цвета крепкого анисового ликера’ (CNDHE (Elizondo Elizondo R. Setenta veces siete. 1987)).

Нередко испанские метафорические описания глаз базируются на их сравнении с эталоном, связанным с морем или побережьем (*Mediterráneo* ‘Средиземное море’, *mar Caribe* ‘Карибское море’, *mar de los cántabros* ‘Кантабрийское море (древнее название Бискайского залива)’), а также с тропическим или субтропическим ландшафтом (*selva* ‘сельва (тропический лес)’): *Algo no muy difícil para esta hermosa mujer de ojos color mediterráneo* ‘Ничто не слишком сложно для этой прекрасной женщины с глазами цвета Средиземного моря’ (CdE (Dacia Maraini, una militante activa contra la violencia de género. 2004)); *...tan solo se le escapó una lágrima desde sus ojos de color selva* ‘...из ее глаз цвета сельвы скользнула лишь одна слеза’ (CORPES XXI (Gonzalo G. La bruma verde. 2020)).

Следует отметить, что в испанском корпусе текстов присутствуют примеры описаний, в которых в качестве эталона востребованы виды животных, распространенные на территории испаноязычных регионов (*arañas capulinas* ‘паук капулина’, *cherne* ‘морской окунь, группер’, *mono* ‘обезьяна’): *La mujer se queda parada delante de él, tiene treinta años, nariz respingada y ojos negros como arañas capulinas* ‘Женщина замирает перед ним. Ей около тридцати, с чуть вздернутым носиком и глазами черными, как пауки капулины’ (CORPES XXI (Aridjis H. La zona del silencio. 2005)); *...dos obras del surrealista canario para quedar me, con los ojos abiertos como cherne, escaneando centímetro a centímetro los dos lienzos* ‘...две работы канарского сюрреалиста заставили меня замереть и, широко раскрыв глаза, словно группер, сканировать каждый сантиметр этих двух полотен’ (CdE (Domínguez Ó. Blog)).

По нашему мнению, важным итогом проведенного сопоставительного исследования выступает выявленная универсальность обращения к тем или иным эталонам при метафорическом описании глаз человека, которая обеспечивается общностью когнитивных механизмов, культурного и перцептивного опыта представителей различных лингвокультур. Вместе с тем каждое языковое сообщество при создании описаний часто опирается на свои традиции, образы, связанные с географическим положением, местной флорой и фауной, бытом, историей, гастрономией и фольклором. Иными словами, метафору можно рассматривать не только как один из важнейших механизмов мышления, но и как маркер культуры в языке. Таким образом, эталоны сравнения позволяют более детально описывать что-либо, а также фиксировать принадлежность человека к определенной культурной традиции.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Глаза выступают и объектом перцепции, и объектом культурного осмысления (через сопоставление с различными эталонами). Данный факт свидетельствует о том, что человеческое мышление не ограничивается буквальной передачей тех или иных признаков глаз, но активно выстраивает многомерные концептуальные структуры.

2. Вариативность частотности эмпирических признаков в метафорическом описании глаз человека является следствием комплексного взаимодействия физиологического, перцептивного и аффективно-соматического факторов. Цвет, как наиболее заметный и легко идентифицируемый признак, занимает центральное место среди других эмпирических признаков. Характер поверхности, размер, характер движения, форма и степень прозрачности часто ассоциируются с эмоциональным состоянием, состоянием здоровья или личностными характеристиками человека, что позволяет им выступать в качестве основания для сравнения при метафорическом описании глаз.

3. Во всех исследуемых языках доминируют природные эталоны с ярко выраженными и стабильными эмпирическими признаками, а также с богатыми культурными и эстетическими ассоциациями. В сравнении с ними материальные продукты труда менее востребованы в качестве эталонов при метафорическом описании глаз человека, поскольку их ассоциативный потенциал связан с их функцией. Абстрактные понятия встречаются еще реже, что отражает более сложный и интеллектуально затратный характер метафор с подобными эталонами.

4. Именно в радиальных отношениях между прототипическим признаком и его многочисленными вариациями ярко проявляется диалектика ядра и периферии в семантическом пространстве языка: центральное значение обрастает коннотациями и ассоциациями, порождая тем самым множество тесно связанных подзначений. Таким образом, метафоры служат средством дробления исходной категории на субкатегории, обеспечивая гибкость языка, необходимую для точного описания тех или иных элементов действительности.

5. При метафорическом описании глаз человека ряд денотативных областей («Населенные места, обрабатываемые участки местности; дороги», «Организации. Учреждения. Предприятия. Общества. Армия» и т. д.) и подобластей («Грибы», «Печатные издания. Рукописи. Полиграфия» и т. д.) отсутствуют

в качестве источника эталонов, что обусловлено логико-семантическим несоответствием (такие области и подобласти либо абстрактны, либо связаны с социальными конструктами, не имеющими прямого визуального воплощения), перцептивным несоответствием (невозможностью выявить общие эмпирические признаки между глазами человека и определенным феноменом), когнитивной выделенностью (недостаточной осведомленностью носителей языка о свойствах и признаках некоторых объектов материальной культуры), а также культурной и эмоционально-эстетической значимостью (некоторые денотативные области и подобласти в значительной степени лишены культурных и эмоциональных ассоциаций, что существенно снижает их потенциал при метафорическом описании глаз человека).

6. Национально-культурная специфика в метафорических дескрипциях глаз человека проявляется в эталонах, отражающих важные или широко распространенные в определенной лингвокультуре реалии, природные и антропогенные объекты и явления, устои, традиции, культурные ценности. Выбор эталонов сравнения не только выполняет функцию детализации зрительного образа, но и маркирует принадлежность к определенной культурной традиции.

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2025); **BNC** – British national corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 18.02.2025); **COHA** – Corpus of historical American English [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coha/> (date of access: 19.02.2025); **COCA** – Corpus of contemporary American English [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 18.02.2025); **CdE** – El corpus del español [Recurso electrónico]. URL: <https://www.corpusdelespanol.org/> (fecha de acceso: 17.02.2025); **CNDHE** – Corpus del diccionario histórico de la lengua española [Recurso electrónico]. URL: <https://apps.rae.es/CNDHE/view/inicioExterno.view> (fecha de acceso: 17.02.2025); **CORPES XXI** – Corpus del español del siglo XXI [Recurso electrónico]. URL: <https://www.rae.es/corpes/> (fecha de acceso: 17.02.2025).

Библиографические ссылки

1. Селиверстова ЕИ. Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2018;2:388–402. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-388-402.
2. Крейдлин ГЕ. *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение; 2002. 592 с.
3. Шрамм АН. *Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета; 1979. 134 с.
4. Лакофф Дж, Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. Баранов АН, редактор; Баранов АН, Морозова АВ, переводчики. Москва: УРСС; 2004. 256 с.
5. Sperber D, Wilson D. A deflationary account of metaphors. In: Gibbs RWJ, editor. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. p. 84–105. DOI: 10.1017/CBO9781139028370.007.
6. Halliday MAK. *An introduction to functional grammar*. London: Edward Arnold; 2004. 689 p.
7. Kövecses Z. Conceptual metaphor theory: some criticisms and alternative proposals. *Annual Review of Cognitive Linguistics*. 2008;1:168–184. DOI: 10.1075/arcl.6.08kov.
8. Kövecses Z. *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 314 p.
9. Pleyer M, Kuleshova S, Placiński M. Integrating approaches to the role of metaphor in the evolutionary dynamics of language. *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association*. 2024;1:145–176. DOI: 10.1515/gcla-2024-0007.
10. Jaynes J. *The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind*. Boston: Houghton Mifflin Company; 1976. 512 p.
11. Lakoff G, Johnson M. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. New York: Basic Books; 1999. 640 p.
12. Kövecses Z. *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2002. 285 p.
13. Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Кибрик АЕ, редактор и переводчик. Москва: Прогресс; 1993. 656 с. (Филология мира).
14. Ивашкевич ИН. О синкретизме перцептивных признаков в семантике английского имени существительного. В: Козлова ЛА, Широкова НП, Москалюк ЛИ, Кожанов ДА, Беляева СВ, редакторы. *Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Материалы II Международной научной конференции; 8–10 октября 2014 г.; Барнаул, Россия*. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия; 2014. с. 100–103.
15. Рахилина ЕВ. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва: Русские словари; 2000. 416 с.
16. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press; 1987. 614 p.
17. Taylor JR. *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press; 1995. 328 p.

Статья поступила в редколлегию 30.05.2025.
Received by editorial board 30.05.2025.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И БИЛИНГВИЗМ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ, ЯЗЫКОВОГО СДВИГА И РОЛИ МЕТАФОР В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. Н. АЛЬ-СААДИ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются аспекты теории языкового контакта и явления билингвизма. Обсуждается влияние лингвистической интерференции на билингвов и межкультурную коммуникацию. Исследуются закономерности переключения кодов, языкового сдвига и языковой конвергенции, а также изучаются психологические и социальные факторы двуязычного взаимодействия. Интерференция рассматривается на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях. Определяется роль метафор в межъязыковой коммуникации, в частности в политическом дискурсе. Результаты исследования могут способствовать осуществлению коммуникации в гетерогенных условиях.

Ключевые слова: языковая интерференция; билингвизм; теория языкового контакта; переключение кодов; языковой сдвиг; метафора; межъязыковая коммуникация.

ЛІНГВІСТЫЧНАЯ ІНТЭРФЕРЭНЦЫЯ І БІЛІНГВІЗМ: ДАСЛЕДАВАННЕ ПЕРАКЛЮЧЭННЯ КОДАЎ, МОЎНАГА ЗРУХУ І РОЛІ МЕТАФАР У МІЖМОЎНАЙ КАМУНІКАЦЫІ

С. Н. АЛЬ-СААДЗІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Аналізуюцца аспекты тэорыі моўнага кантакту і з'явы білінгвізму. Абмяркоўваецца ўплыў лінгвістычнай інтэрферэнцыі на білінгваў і міжкультурную камунікацыю. Даследуюцца заканамернасці пераключэння кодаў, моўнага зруху і моўнай канвергенцыі, а таксама вывучаюцца псіхалагічныя і сацыяльныя фактары двухмоўнага ўзаемадзеяння. Інтэрферэнцыя разглядаецца на фаналагічным, граматычным і лексічным узроўнях. Вызначаецца роля метафар у міжмоўнай камунікацыі, у прыватнасці ў палітычным дыскурсе. Вынікі даследавання могуць спрыяць ажыццяўленню камунікацыі ў гетэрагенных умовах.

Ключавыя словы: моўная інтэрферэнцыя; білінгвізм; тэорыя моўнага кантакту; пераключэнне кодаў; моўны зрух; метафара; міжмоўная камунікацыя.

Образец цитирования:

аль-Саади С.Н. Лингвистическая интерференция и билингвизм: исследование переключения кодов, языкового сдвига и роли метафор в межъязыковой коммуникации. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;2:66–75 (на англ.).
EDN: CMWFWO

For citation:

al-Saadi SN. Linguistic interference and bilingualism: exploring code-switching, language shift and the role of metaphors in cross-linguistic communication. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025;2:66–75.
EDN: CMWFWO

Автор:

Салим Нассер аль-Саади – аспирант кафедры германского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор М. С. Гутовская.

Author:

Salim Nasser al-Saadi, postgraduate student at the department of Germanic linguistics, faculty of philology.
alsadisalim82@gmail.com

LINGUISTIC INTERFERENCE AND BILINGUALISM: EXPLORING CODE-SWITCHING, LANGUAGE SHIFT AND THE ROLE OF METAPHORS IN CROSS-LINGUISTIC COMMUNICATION

S. N. AL-SAAD^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article analyses aspects of the language contact theory and the phenomenon of bilingualism. The influence of linguistic interference on bilinguals and cross-cultural communication is discussed. The patterns of code-switching, language shift and language convergence are studied, and psychological and social factors of bilingual interaction are examined. Interference is considered at the phonological, grammatical and lexical levels. The role of metaphors in cross-linguistic communication, in particular in political discourse, is determined. The results of the study can contribute to the implementation of communication in heterogeneous conditions.

Keywords: linguistic interference; bilingualism; language contact theory; code-switching; language shift; metaphor; cross-linguistic communication.

Introduction

Interference, generally described as instances, when certain aspects of first language (further – L1) are imported into second language (further – L2), is a significant branch of inquiry within the general frameworks of language contact theory and bilingualism. It can be phonological, lexical, grammatical or syntactical and mainly arises from the interaction between two or more languages in a person's mind. Interference is an interesting area of research because it describes how bilingual and multilingual people process language and communicate [1].

Language interference is mainly studied using language contact theory. This theory explains how languages affect one another when they intersect. The contact situations can happen in different social relations (in migration, colonisation, trade, globalisation, etc.), and the observed phenomena involve borrowing, code-switching, language convergence and language change. The theory presupposes that in bilingual contact the elements of the L2 are incorporated into the L1, or vice versa, giving an ensuing language change¹ [2]. The relations involved are not strictly changes in the language as a product but a dialogical process, by which new forms and structures may appear [3].

Bilingualism theory is concerned with an attempt to understand the phenomenon of two languages in a person or a society and can help to examine language interference from the cognitive and social points of view. According to B. Balabakgil and his colleagues, bilingualism is a much broader term that incorporates several possibilities that define the existence of two languages [4]. It consists of concurrent bilingualism, which indicates the stages (children use two languages at home) and successive bilingualism (it indicates the stages, in which the L2 is learned after the L1). The theory also distinguishes between the forms of bilingualism. They include coordinate bilingualism, where two language systems are distinct, separate systems, and compound bilingualism, where a bilingual individual has a single cognitive system for the two languages.

This paper attempts to consider the state of theoretical knowledge about language interference, determine its central concepts, and outline the stages of the evolution of theoretical concepts in this area. The analysis of historical and current works will show the development of the concept in this area and establish the continued significance of language interference in the investigation of bilingualism and language interaction.

Language contact theory

Language contact theory has come under debate due to the works of U. Weinreich and E. Haugen, which deals with the phenomena that occur, when two or more languages are in direct contact [5; 6]. This theoretical framework helps explain the dynamics between languages and the resultant effects of such relations. Some of the ideas in this theory revolve around language contact and transference, borrowing speech, language alternation and language fusion. Interference is one of the major causes. It is the process that happens without intention, where features of the L1 are included in the L2. This can be expressed in different linguistic areas (phonological, morphological, syntactical and semantic). Another closely related aspect is borrowing, where the lexicon items, phrases or perhaps grammatical features are taken from the L1 into the L2. This feature is standard in societies encompassing more than one language; in this case, the languages interrelate.

¹Muhvič-Dimanovski V. Languages in contact [Electronic resource] // Encyclopedia of life support systems. URL: <https://www.eolss.net/Sample-Chapters/C04/E6-20B-05-01.pdf> (date of access: 03.06.2025).

Code-switching, referring to the switching from one language or variety to another within a conversation, is an example in a multilingual world [7]. It represents strategies of code-switching or mixing into various forms and aspects that bilingual or multilingual speakers perform in the different linguistic contexts of society [5].

Convergence is a process, when the languages under the influence of different languages, in contact and interaction, start adopting each other's syntax and grammar structures. This has highlighted the dynamic nature of languages, where they undergo constant change, regarding the new factors introduced in the languages and the new environments, in which they are used [6].

The introduction of such processes shows that languages are integrated instead of autonomous systems since they are permanently in direct contact. Thus, the highly dynamic language contact processes result in the emergence of new forms and classifications of language, highlighting the variety and development of languages [6]. Languages change as they communicate and, as a result, begin to assimilate from each other and create new forms and phrases [8]. This process is continuous and aligns with the given aspect of languages and people in an ever-shifting world. Therefore, language contact theory gives a systematic account of the nature of contact and subsequent effects and resultant features that characterise languages.

Language shift is due to the change or the loss of the L1 as a medium of communication in a society by the L2. Many sociolinguistic factors responsible for language shift, including economic, social and political factors, are described in detail. The contribution of the L2 proves to be significant in language change since components in the L2 become a part of the L1 and gradually eliminate those of the L1. This infiltration can occur at various strata, depending on the stage of language, such as vocabulary, grammar and pronunciation, and thereby bring changes in the language usage and competency of the speakers. This will gradually lead to a decrease in the use of subordinate language to a point, where the entire population will only use the former as the mode of communication².

Code-switching is a process that involves switching from the L1 to the L2 in a given discourse³. It has become an area of interest for scholars, including J. J. Gumperz and Sh. Poplack, who offered initial knowledge of this kind of bilingualism's structural and sociolinguistic characteristics [9]. The purpose of code-switching, its different uses (social context, conversational approach and people's identity) will be discussed below. Thus, in code-switching, some constituents of one language are incorporated into the grammar of another language with the formation of interlingual constructs. These forms demonstrate that the process of interaction between the two languages is an active one and the bilingual person's ability to switch between two systems.

Language merging can be defined as the interaction between two or more linguistic systems, through which a fresh linguistic pool is established. This situation is not new since it happens, when there is a long and extensive usage of two or more languages and can lead to creolisation or pidginisation. The study by S. G. Thomason and T. Kaufman focused on incorporating the structural features of the two languages involve [10]. Creoles and pidgins generally evolve, when people speak different languages and, for reasons of trade, work or social contact, need a new kind of stable communication medium. Research on language contact offers important information about the dynamic of language change and the creative solutions that languages use to satisfy the functions their communities ask of them.

Bilingualism

Types of bilingualism. The term «individual bilingualism» can be explained as the ability of an individual to use two languages. This type of bilingualism deals with specific aspects of a person's cognition and language skills to handle and utilise different languages. Societal bilingualism is a type of bilingualism, in which a society or a certain community uses more than one language in everyday conversations. M. Mackey and W. E. Lambert were the first scholars to state the differences between these types of bilingualism and show how the interference occurs on individual and societal levels [11]. Interference in individual bilingualism is more referential and less systematic than descriptive bilingualism because the individual has specific experiences and usage in bilingualism. Considering the concepts of societal bilingualism, interference seems to be systemic and highly organised because everybody in the society incorporates some aspects of the two languages more systematically [12].

Coordinated bilingualism refers to using two languages for different purposes, when the two languages do not interfere with each other in the cognitive system. This makes it easier to avoid interferences; therefore, the languages are well-distinguished and most often used in different spheres. Compound, or complex, bilingualism happens, when two languages are used in the same context, which makes the two languages interact more.

²Language vitality and endangerment: document adopted by the International expert meeting on UNESCO programme safeguarding of endangered languages (Paris, 10–12 March 2003) // UNESDOC digital library. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183699> (date of access: 05.06.2025).

³Diaz L. Determining language dominance: why it's important & how to measure it // Bilingual speechie : website. URL: <https://bilingualspeechie.com/blogs/for-slps/determining-language-dominance> (date of access: 29.05.2025).

Thus, the level of mutual interference is lower in coordinated bilinguals who differentiate between the languages used. In compound bilinguals, languages are more intertwined. Therefore, if provoked, their translation will be prone to interference due to integrating linguistic features from both languages.

Language dominance in bilingual people. Speaking and writing dominance can be explained as the ability of an individual or group to speak or write a specific language compared to another. This dominance can considerably affect the degree and type of interference with language⁴. Building on M. Martin-Jones's framework, S. Dornic demonstrated that language dominance significantly influences bilinguals' phonology, lexicon and grammar. His analysis shows that when a dominant language is overused, it often inhibits the non-dominant language, particularly in syntactic fluency. Scientist described how the interferences occur concerning a dominant and non-dominant language [13]. His research concluded that language dominance influences the area of phonology, lexicon and grammar in the non-dominant language. Phonological rules of the L1 may affect phonology in the L2; the syntactic structures of the L1 may also cause changes in the syntactic structures of the L2. Such cross-linguistic transfer confirms that bilingual cognitive processes are not static [14]. When a person learns a L2, which is considered non-dominant, it will be affected by the L1, which is identified as the dominant language. The level of language dominance greatly influences how and how bilingual persons incorporate a L2⁵. Thus, though a grammatical development in the L1 aids the learning of the L2, it may cause negative transfer, which hinders the learning process by employing outdated structures [15].

These effects are further reasons why both the advantages and difficulties related to bilingualism must be highlighted. In the use of two languages and language policy measures, an important area of concern is balance, where those approaches that allow for measurement of dominance help avoid interferences, as well as the application of balanced bilingualism, especially in immersions.

Linguistic interference

Conceptual definition and causes of linguistic interference. Linguistic interference occurs in three main ways (phonological, grammatical and lexical) [16]. They involve adopting certain features from the L1 into the L2 without consciously considering the process. The interference may occur at various points during the language-using process, leaving short-term or long-term effects on linguistic expression. According to M. Ramírez, this phenomenon occurs unconsciously due to the unintentional transfer of elements from the speaker's primary tongue into the L2 [17]. Many people who speak multiple languages are highly prone to this influence. U. Weinreich points out that this mixing of languages during concurrent use may lead to a range of divergences, such as faulty grammar, problems with fluency, and, in certain circumstances, the emergence of a fusion language incorporating aspects from both languages [5].

Transferred directly to an individual's cognitive system, the two languages that dominate and are familiar to the learner interact and cause interlingual interference. Scholars like have described this phenomenon and based their thesis on the norm that the primary language tends to apply its structural and other forms to the minor language. It may take place on the phonetic level, which refers to the sound from the dominant language; morphological level, which influences word formation; syntactic level, which emphasises sentence formation; and semantic level, referring to the meaning of words and word combinations. This superposition causes a shift in some of the linguistic features from the dominant language, thereby departing from the norms of the non-dominant language [17].

The extent and the kind of interference thus remain a function of language dominance among bilingual people. L. Laforge found that greater utilisation and better organisation of the L1 can adversely affect the L2 [18]. His research proves that while using both languages for production and comprehension, the L1 inhibits the L2. This dominance effect is especially clearly expressed in bilinguals, when one of the languages can affect the speed of the other. The mental processes of managing a L2 include relative automatization and ease of production shift, which can lead to switching back to the L1. This interference is often observed in the situations, where both languages are used: this leads to the borrowing of the features and the formation of the bilingual mixed language.

Manifestations of linguistic interference. Code-switching occurs, when people switch between two or more languages while communicating. Scholars have considered both structural and pragmatic aspects of code-switching to understand why speakers switch between languages in their interactions. There are two generally observed ways, in which code-switching is manifested. Switching is considered intrasentential, when speakers change languages mid-sentence, and intersentential, when they move from one language to another

⁴Diaz L. Determining language dominance: why it's important & how to measure it // Bilingual speechie : website. URL: <https://bilingualspeechie.com/blogs/for-spls/determining-language-dominance> (date of access: 02.06.2025).

⁵Galvao G. C. T. Linguistic interference in translated academic texts: a case study of Portuguese interference in abstracts translated into English // Digitala vetenskapliga arkivet : website. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:221865/FULLTEXT01.pdf> (date of access: 06.06.2025).

from one sentence to the next. Furthermore, people choose to code-switch for various reasons, such as presenting themselves, managing interpersonal interactions and highlighting important information in their speech. M. Martin-Jones stated that identifying the differences between the two patterns is important [19]. Intrasentential switching is often more evident than intersentential switching, as the latter sometimes blends seamlessly into the discourse. These differences can help scholars determine the forms and levels of language mixing in a bilingual dialogue.

Interference in bilinguals is not localised to one or more aspects of language but is spread across, proving one language's constant interaction and impact on the other. This point can be exemplified in many ways, thus making the phenomenon of bilingual speech dynamic.

One of the strategies could be phonological interference, which implies changes in, for instance, accent or tone caused by phonetic models of the other language. Such changes can result in specific shifts in the dynamics of the phoneme system's phonetics and supra-phone features, illustrating the interaction of the two linguistic systems.

Another problem that bilinguals face is morphological interference. This can lead to wrong verb conjugations or wrong noun-adjective desinences since these systems are conditioned upon the other language's grammar. Interference of this nature occurs when someone transferring specific grammatical rules of the L1 to the L2 makes mistakes considered unnatural or wrong by fluent speakers of the L2. D. Sankoff and Sh. Poplack described these interferences and depicted how these can hinder the grammatical structure of the target language [20].

Syntactic interference means some distortion of sentences' structure or order of the words used. Interferences of this type may result in constructions that look syntactically appropriate to the L1, when, in fact, they are being made in the L2. Such shifts cause the augmentation of the differences between meanings, making information exchange less clear [20].

Lexical interference is characterised by developing a mixed lexicon, where elements of one language are transferred and used in another. This can throw added varieties into the language but can also be confusing or misleading if the thus borrowed terms are still not greatly accepted.

Language mixing. The current somatic of sociolinguistic interference leads to what is known as language mixing, which is a process where an individual combines features of two or more languages in a given turn or conversation. Interference thus becomes part of the sociolinguistic norm of a community speech. Interlanguage can turn into the production of new mixed forms of interaction, where the specific characteristics of one or another language are distinguished and settled [21]. Thus, such mixed forms can be incorporated into a society and used in the community in question; that is why they can represent the mainstream pattern of language use. Code-switching is a clear demonstration of how human society can find and create ways, in which they can meaningfully interact even in the presence of language barriers, and this can also be used to explain the various ways, in which language changes through interaction and influence [22]. Such phenomena as code-switching and code-mixing are essential sources of information about the possibility of the interaction of two different linguistic systems and the processes occurring in the languages under the influence of external factors and contacts.

Linguistic interference and language learning

Contrastive rhetoric originated from R. B. Kaplan's work in 1966. It focuses on how native language (L1) discursive patterns and the values that individuals from a given culture acquire produce an impact on another language (L2) composition [23]. R. B. Kaplan's rule-making work in this field recognised that writing is not uniform but is influenced by the cultural and linguistic background of the writer. In his research, particularly in the «doodles», he revealed that the societies entailing different cultures are symbolic of varied rhetorical operations. For example, writing in English is linear; there is a progression of the writer's ideas from the introduction to the conclusion, but writing in some cultures, as is the case with some Asian cultures, will be circular or spiral, indicating a different approach to the writer's arguments and the narration. R. B. Kaplan's observations help to shed light on an exceedingly important concept, where cultural practices influence the manner of writing primarily in the academic context [23]. It can be highlighted that students enter a classroom with a «genetic programme», containing the cultural knowledge, which affects the discourse structuring and writing, when acquiring a new language and learning to write⁶.

This perspective questioned the customary approaches to L2 writing, where the focal point was mainly on the formal instructions for writing without taking into consideration the cultures and other languages spoken by the students. However, theory, developed by R. B. Kaplan, was far more elaborate, involving the recognition of the student's culture and language in the teaching process. Extensive research has been conducted in contrastive rhetoric based on this framework, which has focused on rhetorical features of different languages and cultures.

⁶Nordquist R. What Is Contrastive Rhetoric? Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms // ThoughtCo. : website. URL: <https://www.thoughtco.com/what-is-contrastive-rhetoric-1689800> (date of access: 03.05.2025).

For example, Arabic writing includes long and diverse introductions and the utilisation of repetition; this stems from the Arabic culture and religious traditions of speaking and the appreciation of narratives [23]. Scandinavian writing does not use as many connectives as might be expected; on the whole, the writing is more factual and less flowery, and this is because the culture attaches value and importance to simple, straightforward language [24]. These cultural differences imply that teachers should consider cultural rhetorical practices, when imparting L2.

The approach underlines the importance of culturally sensitive and suitable teaching practices aimed at the traditional approaches, which can be seen in the students. Thus, applying these ideas, L2 writers tend to be fostered adequately as the educators work towards altering the approach to that which is sensitive to the subjects' cultural background and, at the same time, assist the learners in their mastery of the rhetorical expectations of the target language.

The nature of L1 impact on L2 academic writing. The impact of L1 on L2, specifically on academic writing, constitutes a central research area that goes hand in hand with the contrastive rhetoric principles. In this line of research, the interest is turned toward investigating how patterns, conventions and structures of L1 affect the processes and products of L2. In the extensive trove of academic literature, several scholars have contributed significantly in pointing to the many-fold impact of L1 in developing L2 writing skills among learners, some of the key theorists being said by J. M. Ulijn and J. B. Strother [25].

It is also stated that L1 rhetorical patterns can predispose L2 writers concerning argumentation, text layout and interaction with a reader. For example, Japanese writers whose L1 is not synchronic with English and underlines indirectness and ambiguity of meaning would surely have problems with the straightforward and unambiguous argumentation format typical for academic English writing. This can result in significant issues of coherence and argumentation in their L2 writing as they apply practices accepted in the L1 that are not favourable for English academic writing [26].

A. García-Berrio and T. Albaladejo Mayordomo research has also extended the evidence of L1 effects in distinct genres, including macro-structural features and micro-lexical options [27]. For instance, Spanish writers might move syntax identified with Spanish formal written work into their piece in English; evidently, the writing may appear verbose or winding to anglophone perusers. Likewise, certain specifications of cohesive devices or transitional phrases chosen when writing in a second language can be L1 influenced, holding implications for the cohesiveness and fluency of the produced text⁷.

This interconnectivity of L1 with L2 writing is not restricted to the structural features only but includes the cognitive and affective domains. Writers on the L2 rely on the learned L1 writing experiences and techniques that help and, simultaneously, hold back their L2 writing progress.

On the one hand, if a learner already knows a number of strategies for representing text in L1, he or she will have a structure on which to base the process when working with L2. On the other hand, when the L1 conventions are strictly followed, the negative transfer may occur, therefore borrowing features that are not appropriate for the L2 writing system.

Thus, linguistic interference processes, which affect academic writing in any case, are especially marked, when L2 writers need to adhere to the rhetorical patterns of the target language community. As shown, this expectation can pose a significant challenge to L2 writers because of the interaction between L1 rhetorical patterns and L2 academic writing conventions.

One of the promising strategies is thus using contrastive rhetoric as a subject for consideration in the L2 writing instruction, which can entail the writer's reflection on the differences between the L1 and L2 rhetoric. This comparison may bring their attention to possible interference zones and will help them improve other suitable writing techniques in L2. Besides, in addition to assessment, prior presentation of the bare norms of expected rhetoric of the L2 academic writing can be helpful in the L2 writers in the socialisation of these standards and their application willingly and often in their writing.

In addition, as per the research by Ch. Hall, feedback and revision processes should consist of practices that target global levels and local levels of composing written texts by centering on the overall discourse organisation and argumentation and the specific requirements of linguistic form [28]. Similarly, exposing L2 writers to peer review and collaborative writing activities will also encourage an effective understanding of the target language's rhetorical patterns and help them write better texts [29]. Thus, the role of L1 in L2 academic writing cannot be overemphasised. It can be concluded that a contrastive rhetoric approach may enhance educators' and researchers' understanding of issues related to L2 writing. In this way, by learning these influences through instructional strategies and affective feedback, the L2 writers may be better equipped to handle the impact of cultural differences in academic writing.

⁷Linn M. D., Zuber M. H. The sound of English: a bibliography of language recordings. Urbana : Natl. Counc. of Teach. of Engl., 1984. 84 p.

The role of interference and metaphors in language contact and bilingualism

Borrowing as a case of interference means that certain features of one language are used in another. This often occurs in bilingualism and language contacts, where people or communities switch between the two languages more often borrowing can occur in almost all areas. It is a well-defined subject area of language contact theory and bilingualism that provides details on how and to what extent languages affect one another and how languages change [30]. At the phonological level, it is also possible to borrow the phonetic means of one language and apply it to another and achieve accents or phones. Syntactically, interferences may result in non-English syntactic patterns that are borrowed from the L1 of a speaker. Also interference might be either literal when the elements are mechanically transferred from L1 to L2 and are not semantically equivalent or when the transferred meanings are incompatible semantic meanings from the two languages. From a pragmatic perspective, norms from the L1 and culture can impact the L2 and culture's communication regarding manners, directness and other components⁸.

D. Andriessen underscored the centrality of metaphors in knowledge management, arguing that they act as cognitive tools that facilitate the transfer of complex concepts across linguistic and cultural boundaries [31]. His analysis illustrated how metaphors help individuals articulate abstract ideas in the L2, making them essential for effective cross-cultural communication. Within the framework of cognitive linguistics, E. Camp expands on this by asserting that metaphors do not merely function at the linguistic level but originate in thought itself. They shape cognition by mapping abstract concepts onto concrete, physical experiences, making unfamiliar ideas more accessible. This mechanism becomes particularly relevant in translation contexts, where metaphors serve as interpretive bridges between source and target languages, especially when lacking direct equivalents [32]. G. Fauconnier and M. Turner further developed this perspective through their conceptual integration theory, which describes how elements from disparate cognitive domains blend to form new, meaningful constructs. Such blending is often intensified in bilingual and multilingual contexts, as speakers draw simultaneously on multiple linguistic systems [33]. The result is the generation of novel metaphors deeply rooted in the unique socio-cultural and cognitive experiences of bilingual individuals, thus contributing to the dynamic evolution of metaphorical language in intercultural communication [34].

Cultural aspects, as far as different metaphors are concerned, differ drastically or are relatively similar depending on the linguistic community under analysis. Concisely, Z. Kövecses dealt with universals and specifics, revealing that although certain metaphors are recognisable by people of all cultures, some are unique to cultures of a particular area [35]. It is also possible to identify cultural characteristics that may cause difficulties translating and conveying metaphorical expressions from the L1 into to the L2. Such expressions originating from a foreign language may hardly be understood or unsuitable for use in the target culture. As in bilingual or multilingual contexts, people cope with such cultural boundaries, which can be achieved by altering even metaphors according to the target culture. However, adapting such a type of metaphor is not that easy, and it leads to an interference that is characterised by a shift in the intended metaphorical meaning of an expression. For instance, a proverb that is well understood in English will not be so when translated into a language whose culture is entirely different. Interference of the metaphoric dimension might affect knowledge sharing in multilingual organisations. L. Greve observed that the metaphors applied to knowledge influence how knowledge is defined and distributed in organisations. The overall amount and style of the metaphors may differ due to the cultural context, origin and dominance of the language, and this may lead to differences in the perceived meaning of the concepts used in the multilingual environment, which may influence communication and cooperation patterns [36].

A given metaphor used to explain a given process or concept that is natural in the L1 may not be easily translatable, confusing L2. Hence, it becomes the focus to understand the presence of metaphorical interference in such a multilingual setting and its consequences that may occur in professional or organisational-related fields where the literal meaning is vital. Metaphorical interference also comes into heat when political communication is under consideration. A. Musolff observed the application of metaphors in political discourses and how they may influence policy and public expectations [37]. When there is more than one language used in society or global politics, the shifting of metaphors from the L1 to the L2 does affect how people in politics relay their message and how those messages are received. For instance, some expressions, such as those used figuratively, may have a certain sense in a language used in a specific context, such as a political speech, and may not have the same meaning, when translated into another language. This transformation may impact the effectiveness of rhetoric and how the audience receives the message. It can be concluded that it is important to comprehend the effects of metaphorical interferences within politics as this helps equip people with the skills and proper

⁸Galvao G. C. T. Linguistic interference in translated academic texts: a case study of Portuguese interference in abstracts translated into English // Digitala vetenskapliga arkivet : website. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:221865/FULLTEXT01.pdf> (date of access: 09.06.2025).

ways of presenting their views and values in a different language and culture. Interference of this nature is quite influential regarding issues, involving acquiring and teaching languages. G. Lakoff and M. Johnson claimed that metaphors are our mental constructs that classify our experiences, and, therefore, they seem to be inherent in language learning. It is about metaphorical interference, and educators and learners must get familiar with this phenomenon and find ways to avoid it [38].

D. Andriessen and C. Bratianu made the case that metaphors are vital in knowledge management by bridging the gap between abstract ideas and practical expression in professional contexts [39; 40]. Metaphors aid individuals within an organisation reach a common interpretation and derive meaning from information. An important oversight in many studies is the premise that metaphors communicate similar meanings among people from different cultures. This view may lead us to underestimate the significance of factors specific to various cultural and linguistic groups in influencing how metaphors are understood within these settings.

E. Camp, G. Fauconnier and M. Turner demonstrated that the cognitive processes involved in metaphor enable its usage [32; 34]. They claim that metaphors are entrenched in cognitive activities and enable meanings to be created by melding diverse mental concepts. Applying these insights to understanding how these processes may evolve differently for people with diverse linguistic backgrounds or those using multiple languages regularly would be beneficial. Z. Kövecses, G. Lakoff and M. Johnson illustrated how metaphor functions and involves processes within specific cultural settings [35; 38]. Z. Kövecses considered the influences of both universality and cultural particularities on how metaphors form meanings [35].

A. Musolff focused on metaphor in political discussions, showing how language and rhetoric shape how people view particular issues and political decisions [37]. However, there is still a lack of empirical work, measuring how different types of metaphors influence various political settings. Little is known about how political metaphors are interpreted and altered in cultures, where different languages are used. According to G. Lakoff and M. Johnson, everyday language is rich with metaphors directly derived from people's everyday lives [38]. Since most research in this area has focused on Western societies, it does not fully elucidate the metaphoric diversity found in cultures outside of the West.

L. Greve and J. H. Ruiz had shown how metaphors are essential to communication [36; 41]. L. Greve investigates ways metaphors shape knowledge transfer within organisations. J. H. Ruiz, explored how symbols carried by cultural metaphors convey norms, values and societal concerns. These studies emphasised the importance of metaphors in every area of life and suggest the urgency of studying how metaphorical meaning is constructed amidst the diversity of languages spoken worldwide. Future research should focus on analysing how metaphors are understood, challenged, or modified by individuals from diverse linguistic and cultural backgrounds. These studies confirmed the importance of metaphors as cognitive and communicative tools yet highlight the necessity for continued research in this field. We should examine how people from different cultures employ and interpret metaphors while considering how such multilingual and multicultural settings can influence the relationship between language, culture and cognition.

Conclusions

Interference is an important topic within language contact theory and bilingualism since it is the process, by which some features of one language are taken into another. This interference could be phonological, lexical, grammatical or syntactical and happens due to the mutual interaction of two or more languages in a person's mind. Knowledge of the language interfaces is crucial as it shows how the people who use more than one language work and interact. Language contact theory aims to describe how, in one way, two or more languages interfere with one another when they are in contact. Some of the features identified in this circumstance are code-switching and language transfer, convergence, shift and acquisition. Specifically, for the given theory, it is presupposed that when different languages come into contact, features of one language are inserted into another, thus affecting the forms and structures of languages. This process is rarely static and monologic, permanently spiriting the change and evolution of languages.

Bilingualism theory tries to explain the use of two languages at one given period in an individual's life or a particular group of people. This theory can be used to examine language interference from the cognitive and the social-environmental angles. Bilingualism can be simultaneous (both languages are learned from childhood) or sequential (the L2 is learned after the L1). Some general examples of linguistic interference include code-switching, arousing language deviations and utterances, language mixing. Switching involves the constant shift from the L1 to the L2 within a given conversation, which portrays the flexibility of the two languages. Several studies analysed code-switching's structural and pragmatic features and its role in communication and discussed linguistic interference as going against language standards. Such deviations can cause phonological, morphological, syntactic and lexical variation; the interrelation of one language with another is evident in the process. Bilingualism, define as speaking or writing in more than one language, ensures that the features

of those languages are incorporated into a language and new features are formed, which are hybrid and acceptable within a speech community. Bilingualism theory is a complement and investigates the interaction of two languages in the same person or group, affecting the social as well as the cognitive aspects of the use of language. The study of bilingualism distinguishes between simultaneous and sequential acquisition patterns; distinctions are made between compound and coordinate bilingualism patterns within each.

Linguistic interference remains a significant determinant of the difficulties faced by L2 writers, where educators and writing instructors are always considered indispensable. Introducing contrastive rhetoric in writing instructions can contribute to L2 writers' self-identification of similarities and differences between applicable writing techniques of their L1 and L2, thus leading to the consideration of interferences. Instructing L2 writers on L2 specific rhetorical patterns may also significantly prepare L2 writers to write coherently and persuasively. The feedback and revision processes should incorporate both the global and the local sections of the writing, the global being the overall structure and the local being the language used. Peer review and collaborative writing activities can also increase L2 writers' awareness of the L2's patterns of rhetoric and thus improve their written communication.

Metaphors have significantly impacted communication among bilingual and multilingual individuals. They shape effective knowledge sharing and management, political discourse and organisational communication. However, given the cultural variability of metaphors, the problem is that adaptation can cause a drift in meaning, which can negatively impact clarity and collaboration. More empirical and cross-cultural research is needed to fill gaps in understanding metaphorical interference and its implications in multilingual environments. Metaphors near simultaneous jobs of enabling and impeding, fashioning our thought, communication, and collaborative knowledge sharing on different language and cultural grounds.

References

1. Chatterjee T. *Bilingualism, language contact and change: the case of Bengali and English in India* [dissertation]. Ann Arbor: University of Michigan; 2015. 225 p.
2. Salama ISAMA. *Language interference on English: a case study of a Turkish EFL learner* [dissertation]. Jakarta: Syarif Hidayatullah State Islamic University; 2023. 85 p.
3. Thomason SG. *Language contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2001. 310 p.
4. Balabakgil B, Ökçü D, Türk M, Mede E. L1 related-issues of Turkish speaking learners of English in use of possessives. *International Journal of Arts & Sciences*. 2015;8:45–68.
5. Weinreich U. On the description of phonic interference. *Word*. 1957;1:1–11.
6. Haugen E. The analysis of linguistic borrowing. *Language*. 1950;2:210–231. DOI: 10.2307/410058.
7. Bullock BE, Toribio AJ, editors. *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 422 p.
8. Ornstein J. Soviet language policy: theory and practice. *Slavic and East European Journal*. 1959;1:1–24. DOI: 10.2307/305536.
9. Mueller HJ, editor. *Report of the Fifth annual round table meeting on linguistics and language teaching*. Washington: Georgetown University Press; 1954. 167 p.
10. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press; 1988. 428 p.
11. Fishman JA. Language maintenance and language shift: the American immigrant case within a general theoretical perspective. *Sociologist*. 1966;16:19–39.
12. Fishman JA. Varieties of ethnicity and varieties of language consciousness. In: Kreidler ChW. *Report of the Sixteenth annual round table meeting on linguistics and language studies*. Washington: Georgetown University Press; 1965. p. 69–79.
13. Dornic S. Language dominance, spare capacity and perceived effort in bilinguals. *Ergonomics*. 1980;4:369–377.
14. Poplack Sh. Contrasting patterns of code-switching in two communities. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. New York: De Gruyter Mouton; 1988. p. 215–244. DOI: 10.1515/9783110849615.215.
15. Heller M. Strategic ambiguity: code-switching in the management of conflict. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. New York: De Gruyter Mouton; 1988. p. 77–96.
16. Meriö K. The psycholinguistic analysis and measurement of interference errors. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1978;1(part 4):27–44. DOI: 10.1515/iral.1978.16.1-4.27.
17. Ramirez M. *Spanish-English bilingual education in the US: current issues, resources, and research priorities*. Arlington: Center for Applied Linguistics; 1977. 85 p.
18. Laforge L. *Bulletin bibliographique sur la didactique des langues*. Washington: ERIC Clearinghouse; 1987. 168 p.
19. Martin-Jones M. Language, power and linguistic minorities: the need for an alternative approach to bilingualism, language maintenance and shift. *Sociological Review*. 1988;36:106–125. DOI: 10.1111/j.1467-954x.1988.tb03328.x.
20. Sankoff D, Poplack Sh. A formal grammar for code-switching. *Paper in Linguistics*. 1981;1:3–45. DOI: 10.1080/08351818109370523.
21. Burt M, Dulay H. Some guidelines for the assessment of oral language proficiency and dominance. *TESOL Quarterly*. 1978;2:177–192. DOI: 10.2307/3585608.
22. Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person. *Brain and Language*. 1989;1:3–15. DOI: 10.1016/0093-934x(89)90048-5.
23. Kaplan RB. Cultural thought patterns in intercultural education. *Language Learning*. 1966;1–2:1–20. DOI: 10.1111/j.1467-1770.1966.tb00804.x.

24. Atoye RO. *Sociolinguistics of phonological interference in Yoruba-English* [dissertation]. Sheffield: University of Sheffield; 1980. 121 p.
25. Ulijn JM, Strother JB. The effect of syntactic simplification on reading EST texts as L1 and L2. *Journal of Research in Reading*. 1990;1:38–54.
26. Kinzel PF. *Lexical and grammatical interference in the speech of a bilingual child*. Washington: University of Washington; 1964. 116 p.
27. García-Berrio A, Albaladejo Mayordomo T. Compositional structure: macrostructures. In: Petöfi JS, editor. *Text and discourse constitution: empirical aspects, theoretical approaches*. New York: De Gruyter; 1988. p. 170–211.
28. Hall Ch. Managing the complexity of revising across languages. *TESOL Quarterly*. 1990;1:43–60. DOI: 10.2307/3586851.
29. Clyne M. Constraints on code-switching: how universal are they? *Linguistics*. 1987;4:739–764. DOI: 10.1515/ling.1987.25.4.739.
30. Redlinger WE, Park TZ. Language mixing in young bilinguals. *Journal of Child Language*. 1980;2:337–352. DOI: 10.1017/s030500090000266x.
31. Andriessen D. Metaphors in knowledge management. *Systems Research and Behavioral Science*. 2011;2:133–137. DOI: 10.1002/sres.1077.
32. Camp E. Metaphor in the mind: the cognition of metaphor. *Philosophy Compass*. 2006;2:154–170. DOI: 10.1111/J.1747-9991.2006.00013.X.
33. Greve L. *Metaphors for knowledge in knowledge-intensive groups: an inductive investigation of how and which metaphors emerge in conversations* [dissertation]. Aarhus: Aarhus University; 2016. 220 p.
34. Fauconnier G, Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books; 2008. 488 p.
35. Kövecses Z. *Metaphor in culture: universality and variation*. New York: Cambridge University Press; 2005. 314 p.
36. Greve L. Knowledge sharing is knowledge creation: an intervention study of metaphors for knowledge. *Journal of Organizational Knowledge Communication*. 2015;1:66–80.
37. Musolff A. *Metaphor and political discourse: analogical reasoning in debates about Europe*. London: Palgrave Macmillan London; 2004. VIII, 211 p.
38. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press; 2003. 243 p.
39. Bratianu C. *Organizational knowledge dynamics: managing knowledge creation, acquisition, sharing, and transformation*. Hershey: IGI Global; 2015. Knowledge metaphors; p. 1–26.
40. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. In: Ortony A, editor. *Metaphor and thought*. New York: Cambridge University Press; 1993. p. 202–251.
41. Ruiz JH. The authority is vision and the knowledge is a bounded region metaphors in fairy tales. *Interlingüística*. 2005;1:569–578.

Received by editorial board 10.06.2025.

Фольклористика

Фалькларыстыка

FOLKLORE STUDIES

УДК 398.2(=161.3) + 398.2(=581)

ЛЕГЕНДА В БЕЛОРУССКОМ И КИТАЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЖАНРА

ЧЖАН СЮНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. С точки зрения белорусской и китайской эстетических парадигм рассматриваются специфика жанра легенды, его историческая поэтика, динамика изменения, соотношение с мифом, классификация. Делается вывод о существовании разных стратегий интеграции и взаимодействия фольклорных жанров в рамках данных культурно-исторических условий. Для белорусской традиции характерна последовательная смена нарративов (модель миф – легенда – сказка) в направлении снижения сакральности и нарастания фикциональности повествования. В китайской культуре мифологический и легендарный нарративы сосуществуют и имеют равный аксиологический и концептуально-дискурсивный статус. Высказывается предположение о последовательном возникновении жанровых видов легенды (от мифологической к исторической и социально-утопической). Мифологическая легенда актуализирует сюжетную, персонажную и образную структуру мифа в новых условиях.

Ключевые слова: легенда; миф; жанр; жанровые виды; легенда в белорусском фольклоре; китайская легенда.

Образец цитирования:

Чжан Сюнь. Легенда в белорусском и китайском фольклоре: теоретико-методологические аспекты идентификации и классификации жанра. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;2:76–83.
EDN: BSDEAI

For citation:

Zhang Xun. Legend in Belarusian and Chinese folklore: theoretical and methodological aspects of genre identification and classification. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:76–83. Russian.
EDN: BSDEAI

Автор:

Чжан Сюнь – аспирант кафедры теоретического и белорусского литературоведения филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. А. Морозова.

Author:

Zhang Xun, postgraduate student at the department of theoretical and Belarusian literary criticism, faculty of philology.
503216044@qq.com

ЛЕГЕНДА Ў БЕЛАРУСКІМ І КІТАЙСКІМ ФАЛЬКЛОРА: ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ІДЭНТЫФІКАЦЫІ І КЛАСІФІКАЦЫІ ЖАНРУ

ЧЖАН СЮНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. З пункту гледжання беларускай і кітайскай эстэтычных парадыгм разглядаюцца спецыфіка жанру легенды, яго гістарычная паэтыка, дынаміка змены, суадносіны з міфам, класіфікацыя. Робіцца вывад аб існаванні розных стратэгий інтэграцыі і ўзаемадзеяння фальклорных жанраў у рамках гэтых культурна-гістарычных умоў. Для беларускай традыцыі характэрна паслядоўная змена наратываў (мадэль *міф – легенда – казка*) у напрамку зніжэння сакральнасці і нарастання фікцыянальнасці апавядання. У кітайскай культуры міфалагічны і легендарны наратывы суіснуюць і маюць роўны аксіялагічны і канцэптуальна-дыскурсіўны статус. Выказваецца меркаванне аб паслядоўным узнікненні жанравых відаў легенды (ад міфалагічнай да гістарычнай і сацыяльна-утопічнай). Міфалагічная легенда актуалізуе сюжэтную, персанажную і вобразную структуру міфа ў новых умовах.

Ключавыя словы: легенда; міф; жанр; жанравыя віды; легенда ў беларускім фальклоры; кітайская легенда.

LEGEND IN BELARUSIAN AND CHINESE FOLKLORE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF GENRE IDENTIFICATION AND CLASSIFICATION

ZHANG XUN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. From the perspective of Belarusian and Chinese aesthetic paradigms, the article examines the specifics of the legend genre, its historical poetics and dynamics of change, relationship with myth, classification. A conclusion is made about different strategies of integration and interaction of folklore genres within the framework of these cultural and historical conditions. The Belarusian tradition is characterised by a sequential change of narratives (the model *myth – legend – fairy tale*) towards a decrease in sacredness and an increase in the fictional nature of the narrative. In Chinese culture, mythological and legendary narratives coexist and have equal axiological and conceptual-discursive status. It is suggested that the genres of legend emerge sequentially (from mythological to historical and socio-utopian). The mythological legend actualises the plot, character and figurative structure of the myth in new conditions.

Keywords: legend; myth; genre; genre types; legend in Belarusian folklore; Chinese legend.

Введение

Жанровая идентификация легенды как особого стилистически упорядоченного нарратива является проблематичным вопросом в современной фольклористике, на который нет однозначного ответа. Авторитетный белорусский историк, этнограф, фольклорист М. Я. Гринблат в предисловии к академическому изданию белорусских легенд и преданий 1983 г. отметил: «Між тым да гэтага часу беларускія легенды і паданні не зрабіліся прадметам спецыяльнага і сістэматычнага збірання і таму амаль зусім не даследаваны» [1, с. 5]. На неразработанность теории жанров сказочной прозы, отсутствие упорядоченной жанрово-видовой классификации и четкого терминологического аппарата указывают как белорусские, так и китайские современные фольклористы.

В белорусской фольклористике жанр легенды рассматривался в контексте сказочной прозы в хрестоматии «Беларускі фальклор»¹, статье А. В. Титовца из книги «Народная проза» [2], вступительной статье М. Я. Гринבלата к изданию «Легенды і паданні» [1 с. 5–30], разделе учебного пособия И. В. Казаковой². Жанрово-видовую классификацию сказочной прозы в целом и легендарной прозы

¹Беларускі фальклор : хрэстаматыя / склад.: К. П. Кабашнікаў [і інш.]. Мінск : Выш. шк., 1996. С. 20.

²Казакова І. В. Беларускі фальклор : вучэб. дапам. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2007. С. 125–129.

в частности предложили фольклористы из Белорусского государственного университета (Р. М. Ковалева, Т. В. Лукьянова, О. В. Приемко)³.

Т. В. Лукьянова описала жанр легенды наряду с жанрами былички, сказа, небылицы, анекдота и разработала феноменологическую типологию жанров несказочной прозы⁴. Применение феноменологического подхода позволило рассмотреть категорию жанра как системы ментального и эстетического порядка. С помощью феноменологического критерия, выступившего в качестве дифференциального признака жанров несказочной прозы, была уточнена и специфика жанровой модели художественного мира легенды: «Мастацкі свет легенд выбудоўваецца вакол падзеі. Гэта абумоўлівае адмысловыя адносіны да дзеяння легенд і іх герояў. Падзея заўсёды вызначаецца важнасцю ў большай ці меншай меры, а важнасць лепш бачыцца на адлегласці. Гэта тлумачыць тое, што большасць падзей у легендах адбываецца ў даволі далёкім мінулым і персанажы, што трапілі ў поле іх здзяйснення, у значнай ступені міфалагізаваныя»⁵. В качестве жанрообразующих признаков легенды Т. В. Лукьянова отметила историко-мифологическую событийность, линейное время (от первотворения до эсхатологического конца), а также бинарность хронотопа, разделенного на «земной» и «божественный».

В современной китайской фольклористике исследование народного эпоса представляет собой важное направление, которое охватывает широкий спектр вопросов, связанных с культурными, историческими и социальными аспектами мифологии и фольклора. Как правило, специалисты изучают легенды в сопряжении с мифологией, философией и идеологией.

В работе [3] Лю Юцин раскрыл специфику мифологии и фольклора Китая в аспекте культурной диахронии. Он отметил, что китайская мифология, в отличие от европейской, не является отдельным культурным феноменом, а, скорее, включает в себя идеологические и социально-этические формы, актуальные на разных этапах историко-культурного развития. Так, в период правления трех государей и пяти императоров мифы рассматривались как способ изложения истории, в эпоху царствования династий от династии Цинь до династии Цзинь мифология в основном отражала философию и теорию, в период правления династий Юань и Мин содержание мифологии было обращено к религиозному опыту.

Сяо Ю рассмотрел китайские мифы, легенды и сказки с точки зрения аналитической психологии [4]. Он сосредоточился на анализе важных восточных символов «лун» (дракон) и «цилин» (единорог) и их аналогов в западной культуре, исследовав их на архетипическом и культурном уровнях. Также автор обозначил возможную терапевтическую ценность китайских мифов для человеческой психики.

Раскрытию культурной значимости и функций китайских легенд посвящена диссертация Тун Даньдана [5]. Он исследовал историю изучения народных эпических жанров в китайской фольклористике XX–XXI вв., указал на отсутствие общепринятой классификации разных фольклорных жанров и отметил, что не существует их однозначных трактовок. Кроме того, ученый выявил и интерпретировал культурные смыслы и функции народных легенд, а также определил их роль в современной культурной жизни Китая.

Белорусские и китайские легенды не становились предметом сравнительно-сопоставительных исследований с позиции этнопоэтики. Тем не менее ученые из Беларуси и Китая сходятся во мнении о том, что в силу историко-мифологической доминанты легендарной модели мира и значимости повествования для поддержания национальной идентичности изучение легенд является важным как для современной науки, так и для культурных и социальных контактов народа. Именно исследование легендарной прозы позволяет проанализировать проблемы эстетической интерпретации истории, характерологии и национальной картины мира в ее диахроническом и синхроническом аспектах. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в рассмотрении вопросов специфики жанра легенды (исторической поэтики и динамики, соотношения и взаимодействия с мифом, жанрово-видовой классификации, характера бытования) в рамках национальных – белорусской и китайской – эстетических парадигм.

Результаты и их обсуждение

В XIX – начале XX в. выделение легенд в качестве особого жанра не имело убедительных оснований. В сборниках фольклора мифы и легенды размещались в одном разделе со сказками и другими жанрами народного эпоса. Европейский фольклорист-синолог XIX в. Э. Вернер попытался обосновать различие данных жанров: «Если мифы посвящены вопросам происхождения мира и существующего порядка вещей, то легенды связаны с местными событиями, они носят более локальный и земной характер. <...>

³Ковалева Р. М., Лукьянова Т. В., Приемко О. В. Фольклористика : учеб.-метод. пособие : в 3 ч. Ч. 1. Основы теории фольклора / под ред. Р. М. Ковалевой. Минск : БГУ, 2021. 203 с.

⁴Лук'янова Т. В. Нязкавыя жанры беларускай фальклорнай прозы: феноменалагічны аналіз : дапам. для студэнтаў філал. фак., якія навучаюцца па спец.: 1-21 05 01 «Беларуская філалогія», 1-21 05 02 «Руская філалогія», 1-21 05 04 «Славянская філалогія». Мінск : БДУ, 2010. 102 с.

⁵Там жа. С. 70.

<...> В отличие от мифов бытование легенд оказалось более длительным» [6, с. 64]. Вместе с тем в разделе легенд своего труда «Мифы и легенды Китая» исследователь разместил рассказы из аутентичного сборника китайских мифов VIII–III вв. до н. э. «Книга гор и морей». Таким образом, указанные Э. Вернером характеристики не могут быть признаны основанием для определения жанров мифа и легенды.

Четкого разграничения мифов, преданий и легенд нет и в издании Чжан Тунъяна, Ху Фанфана и Янь Синье [7]. В частности, об этом свидетельствует текст аннотации: «...[в книгу] вошли самые интересные китайские легенды и предания. Многие из них, например легенда о всемирном потопе, схожи с европейскими, многие отличаются от них, но все они открывают увлекательный и интересный мир китайской мифологии» [7, с. 2].

Трудности в дифференциации рассматриваемых жанров неслучайны. Их возникновение объясняется постоянным расширением границ мифов в процессе их развития, а также присоединением к ним близких по жанру форм: «Первой такой формой стали легенды. В народе легенды часто называют мифами, и сейчас их очень трудно отделить друг от друга. В качестве примера можно привести текст “Хоу И стреляет в солнце”, в котором главными действующими лицами являются и человек, и божество...» (перевод наш. – Ч. С.) [8, с. 67]. Так, ряд европейских авторов (Б. Малиновский, Э. Тайлор, К. Леви-Стросс, Р. Лаури) рассматривали легенду и миф как взаимопроникающие формы повествования, имеющие сходные функции (объяснение главных вопросов бытия, природы, космогонии, теогонии и антропогонии) и основанные на едином корпусе концептов и символов.

Следует отметить, что В. Е. Гусев в соответствии со сходным эстетическим отношением эпоса к действительности причислил мифы, легенды, сказки-былички, мифические песни и духовные стихи к единому типу эпоса – религиозно-мифологическому [9, с. 103]. В собрание белорусских легенд и преданий «Легенды і паданні» [1] включены мифологические рассказы «Адкуль свет пайшоў», «Як узніклі балоты», «Сатварэнне чалавека» и т. д.

Жанровая идентификация легенды усложняется отсутствием логически выстроенной теории жанра в фольклористике. Исследователь В. П. Аникин отметил: «...мы не решимся утверждать, что проблема жанра разъяснена. Остается еще достаточно много вопросов, на которые нет ответа» [10, с. 102]. Проблему релевантности выделения того или иного жанра в фольклоре обозначил В. Я. Пропп в статье «Принципы классификации фольклорных жанров». Ученый полагал, что понятие «жанр» имеет условный характер, особенно по отношению к фольклорным жанрам. Сложность состоит в определении жанрообразующих признаков, при этом ни один критерий в отдельности, как правило, еще не характеризует жанр [11]. Поскольку фокус интересов В. Я. Проппа был направлен на сказку, все остальные жанры фольклора исследователь квалифицировал как досказочные и послесказочные: «...обряды, мифы, формы первобытного мышления и некоторые социальные институты я считаю досказочными образованиями, [с]читаю возможным объяснить сказку через них.

Но сказкой не исчерпывается фольклор. Есть еще родственный ей по сюжетам и мотивам героический эпос, есть широкая область всякого рода сказаний, легенд и т. д.» [12, с. 251].

Согласно В. Я. Проппу жанры возникали в такой последовательности: миф – сказка – легенда. Некоторые ученые, например А. М. Жердева, располагают сказку и миф после легенды, рассматривая ее как более древний жанр: «Легенда – это просто одна из наиболее наивных и ранних форм мифотворчества, которая вновь и вновь возникает во все эпохи и взаимодействует с уже сложившимися мифическими представлениями более поздних культур»⁶.

По мнению автора настоящей статьи, для белорусской фольклорной традиции релевантна модель *миф – легенда – сказка*, компоненты которой выстроены в направлении снижения сакральности и нарастания фикциональности повествования. Вместе с тем в белорусской фольклористике на разных этапах культурного развития прослеживается тенденция к взаимодействию жанров. К формам такого взаимодействия Н. И. Кравцов отнес взаимовлияние, взаимообогащение, соединение, слияние или, точнее, переход одного жанра в другой [13]. Их возникновение обусловлено разными причинами. С одной стороны, фольклор существует как полиэлементная система, синтезирующая различные жанры и их виды. С другой стороны, фольклор (в диахронической перспективе) взаимодействует как с мифологией, так и с литературой. Белорусские ученые называют взаимоналожение жанров в переходную эпоху мифоисторической интеграцией⁷. В качестве примера результата подобного процесса выступают древнейшие

⁶Жердева А. М. Проблема рассмотрения легенды как промежуточного жанра // Academia : сайт. URL: https://www.academia.edu/3385165/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D1%8B_%D0%BA%D0%B0%D0%BA_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D1%83%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D1%80%D0%B0 (дата обращения: 25.07.2024).

⁷Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2017. С. 32.

легенды: «Историческая тема заселения территории Беларуси славянскими племенами неизбежно воплощалась в легендарной форме с использованием мифологических мотивов (“Адкуль пайшлі беларусы”, “Палешукі і палевікі”, “Векавечная мяжа” и т. п.)»⁸.

Основанием для жанровой интеграции мифа и легенды является общая мифосфера (термин Р. М. Ковалевой). Следует отметить, что «в ней выделяются концепированные сферы – части мифосферы, где базовая идея – мифологическая или мифоритуальная, интегрируясь с фольклором, получает жанрово-видовое оформление (заметим при этом, что они существуют не изолированно одна от другой, а в сложном взаимодействии)»⁹.

Жанрово-видовая классификация фольклора, в силу специфики данного вида творчества, также вызывает много дискуссий. Как отметили авторы пособия «Интегративная фольклористика», существует путаница в определении терминов «легенда», «предание», «сказка», «легендарная сказка», «историческая сказка», «сказание», «быличка» и т. д.¹⁰ В первом в славянской науке систематизированном своде фольклористических терминов и понятий «Восточнославянский фольклор» указано, что слово «легенда» – «...термин, заимствованный из литературоведения; первоначально – житие святого, написанное для чтения в день его памяти. В фольклористике обозначал устные произведения, связанные с христианской письменностью. Позднее приобрел расширенное значение, относится к прозаическим произведениям, фантастически осмысляющим (на основе распространенных в народной среде религиозных, исторических, социально-утопических, этических воззрений) события, относящиеся к явлениям неживой природы или к миру растений, животных, людей (племен, народов и отдельных личностей), сверхъестественных существ (Бог, святые, ангелы, нечистые духи). Л. (легенда. – Ч. С.) воспринимается рассказчиком и слушателями как достоверное повествование. Объяснительная и нравоучительная функции являются в Л. основными»¹¹. Автор статьи о легенде попытался отграничить легенду от мифа: «В отличие от мифа, подчиненного ритуалу и обращенного к доисторическому мифологическому времени, Л. независима от ритуала, обращена преимущественно к историческому прошлому (изредка к предысторическому, напр., библейскому времени)»¹². Вместе с тем составитель статьи об этиологическом мифе указал на связь мифа и легенды: «Восточнославянские М. э. (мифы этиологические. – Ч. С.) связаны с апокрифами и легендами космогонического содержания, где Бог и Сатана выступают как пара демиургов и трикстеров, из которых один все делает “нормально”, а другой портит содеянное»¹³.

Классификация видов легенды может варьироваться в зависимости от культурных контекстов, целей исследования и подходов различных ученых. Однако основные категории классификации часто являются схожими. Так, выделяют космогонические, топонимические, этиологические, этногонические, зоогонические, религиозные (апокрифические), исторические, социально-утопические и эсхатологические легенды¹⁴. Следует заметить, что приведенная в словаре классификация легенд схожа с классификацией мифов, к которым относят космогонические, эсхатологические и этиологические мифы¹⁵.

Несмотря на слияние китайских мифо-фольклорных жанров, некоторые исследователи попытались выявить различия мифа и легенды. Например, Тун Даньдань на основе анализа работ китайских фольклористов XX–XXI вв. выделил такие критерии для дифференциации, как время появления (легенды возникли позже мифов и стали результатом их эволюции), содержание (содержание легенд более близко к реальности, чем содержание мифов) и специфика персонажей (как правило, главными героями легенд являются люди, а мифов – боги). Тем не менее автор отметил, что при работе с конкретными материалами четко разграничить миф и легенду оказалось трудно [5].

Европейские ученые отличают миф от легенды по генетическому, структурно-семантическому и рецептивно-функциональному аспектам. С точки зрения генетического аспекта можно отметить, что мифы обычно возникают в древних культурах и служат для объяснения основных вопросов бытия, природы, космогонии, теогонии и антропогонии. Они отражают коллективные верования и мировоззрение, передают представления о сотворении мира, богах, героях и первопредках. Мифы имеют сакральный характер, они связаны с ритуальными практиками. Легенды, как правило, возникают позже. Их содержание может

⁸Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика. С. 32.

⁹Ковалева Р. М., Лукьянова Т. В., Приемко О. В. Фольклористика. С. 135.

¹⁰Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика. С. 13–14.

¹¹Бараг Л. Г. Легенда // Восточнославянский фольклор : слов. науч. и нар. терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) [и др.]. Минск : Навука і тэхніка, 1993. С. 129.

¹²Там же.

¹³Костюхин Е. А. Миф этиологический // Там же. С. 154.

¹⁴Бараг Л. Г. Легенда. С. 128–129.

¹⁵Костюхин Е. А. Миф космогонический // Восточнославянский фольклор : слов. науч. и нар. терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) [и др.]. Минск : Навука і тэхніка, 1993. С. 152–153 ; Он же. Миф эсхатологический // Там же. С. 153 ; Он же. Миф этиологический. С. 154.

быть связано с конкретными историческими или географическими реалиями, хотя могут присутствовать и элементы фантастики, сверхъестественного. Легенды не обязательно носят сакральный характер. Что касается структурно-семантического аспекта, то мифы часто имеют сложную символическую структуру и включают в себя множество образов, метафор и архетипов. Легенды, как правило, имеют более простую и линейную структуру. Их содержание выстраивается вокруг конкретных событий или персонажей, часто включает в себе моральный или этический урок. Легенды более вариативны, так как они могут изменяться в зависимости от контекста и рассказчика. В отношении рецептивно-функционального аспекта следует обозначить, что мифы воспринимаются как священные и истинные в рамках культурной традиции, из которой они происходят. Они не подлежат эмпирической проверке и рассматриваются как часть религиозного или духовного наследия. Легенды включают значительную долю вымысла, однако они могут содержать элементы правды или базироваться на реальных исторических событиях. Таким образом, различить миф и легенду можно на основании следующих признаков:

- характера связи между дискурсом и ритуалом (их взаимообусловленность в мифе, дискурсивная автономность в легенде);
- временной отнесенности событийного материала (к доисторической архаике в случае мифо-ритуального комплекса, к историческому прошлому, настоящему или будущему в легенде);
- наличия сакрального элемента (сакральный характер повествования (и ритуального действия) и его рецепции избранными участниками в мифе, сугубо эстетическая, профанная природа легендарной истории).

Следует учитывать, что границы жанров размываются ввиду динамичности изменения жанровых признаков. Так, фабула легенды, по определению, отнесена к историческому прошлому, но этим прошлым могут быть и предисторическое время, и библейское время (космогонические, этиологические, этногонические легенды слабо отличаются от мифов). Жанровое содержание легенды («события, относящиеся к явлениям неживой природы или к миру растений, животных, людей... сверхъестественных существ»¹⁶) может быть характерно и для мифа. Генетическую и содержательную связь между данными жанрами подчеркнул и Е. А. Костюхин: «Христианские М. к. (мифы космогонические. – Ч. С.) отразились в апокрифах, народных легендах и духовных стихах, комментирующих шесть дней творения»¹⁷.

По мнению некоторых исследователей, кардинальный уход от священной истории в сторону бытовой и житейской событийности определяет границу между жанрами легенды и предания: «По сравнению с преданием, повествующим лишь о памятном народу прошлом и относительно широко охватывающим историческую и бытовую проблематику, Л. (легенда. – Ч. С.) менее полно воссоздает историческую и бытовую обстановку действия»¹⁸. Однако приведенное обоснование не имеет четких указаний на разницу жанров: признаки «бытовая проблематика» и «бытовая обстановка», «относительно широко» и «менее полно» сложно дифференцировать при анализе конкретных текстов. Учет рецептивно-функционального аспекта также не позволяет однозначно провести границу между жанрами. Ситуация, когда рассказанная история воспринимается и рассказчиком, и слушателем как абсолютно достоверная и священная, может быть связана с контекстом бытования легенды, и наоборот: этиологические мифы – «заключительная страница истории первобытной мифологии, когда мифологические рассказы теряют сакральное содержание и переходят в разряд рассказов с нестрогой достоверностью»¹⁹. Осознание установки на вымысел и признание его художественной легитимности приближают легенду к другому полюсу – сказке, на что указал Л. Г. Бараг: «В случаях, когда в Л. (легенде. – Ч. С.) получает свободное развитие художественный вымысел, она сближается в жанровом отношении со сказкой»²⁰. Объяснительная и нравоучительная функции, считающиеся основными для легенды, свойственны и мифологическим рассказам, особенно как приобретенные в процессе исторической динамики.

Как было отмечено выше, в разных культурных традициях основания для размежевания мифо-фольклорных видов нарративов и, соответственно, для их характеристики сильно отличаются. Так, у индейцев острова Ванкувер, по наблюдениям американского антрополога и лингвиста XIX в. Э. Сепира, легенды обладают большей сакральностью и ограничениями на рассказывание, чем мифы: бытование первых возможно исключительно внутри членов рода, а вторые доступны для передачи всем членам племени. Содержание легенд связано со временем начала рода [14].

При обращении к материалу древнекитайских нарративов задача разграничения жанров мифа и легенды приобретает еще большую дискуссионность. Г. А. Левинтон отметил: «...различение Л. (легенды. – Ч. С.)

¹⁶Бараг Л. Г. Легенда. С. 129.

¹⁷Костюхин Е. А. Миф космогонический. С. 153.

¹⁸Бараг Л. Г. Легенда. С. 129.

¹⁹Костюхин Е. А. Миф этиологический. С. 154.

²⁰Бараг Л. Г. Легенда. С. 128.

и предания действительно для традиций, в которых господствующая религия сменила более ранние мифологические системы (практически это произошло только в культурах христианства и ислама), и затруднительно для тех традиций, где мировая религия (напр., буддизм в Индии) не отменила более ранние мифологические системы, а также для политеистических мифологий, не переживавших кардинальных изменений»²¹. Для древней китайской культуры характерна тенденция к синкретизму различных мифов. В Китае такие социально-этические учения, как конфуцианство, даосизм и буддизм, интегрировались с древними верованиями, изменили их и трансформировались сами. Так, в буддийской иконографии часто встречаются взятые из китайской мифологии образы (мифические звери или фигуры, связанные с даосизмом).

В китайской традиции священная история не противопоставляется мирской, мифология вплетена в морально-этические учения, что делает термин «легенда» всеобъемлющим и широко применимым. Например, легенда о Паньгу, который разделил небо и землю, имеет космогонический характер, но не противопоставляется мирским историям. В легенде о Нюйве, создавшей людей и починившей небо, выделяются элементы священной и мирской историй. Мифы о Юе Великом, который контролировал потоки и основал династию Ся, представляют собой сочетание космологических и моральных учений, поэтому они могут быть квалифицированы и как мифы, и как легенды.

Таким образом, при изучении определенного жанра возникает проблема его отграничения от других жанров и нарративов. Фольклористы из БГУ предложили следующую классификационную парадигму для дифференциации легенды как жанра сказочной прозы: «...*род* – эпический → *класс* – сказочная проза → *жанр* – легенда → *жанровые виды* – мифологическая, историческая, топонимическая, морально-этическая → *жанровые разновидности*, например, мифологической легенды – космогоническая, зоогоническая, антропогоническая, эсхатологическая»²². Развивая теоретико-методологические концепции упомянутых ученых, автор данной статьи выдвигает гипотезу о последовательности возникновения жанровых видов легенды (от мифологической к исторической и социально-утопической). Мифологическая легенда (прежде всего космогоническая и антропогоническая) относится к жанровому виду переходного характера, возникшему на стыке мифологической и фольклорной эпох, когда «...интеграция мифа в фольклор сопровождалась сохранением тождественности формы и содержания. Фольклорный образ являлся не условным репрезентантом мифологического, а своего рода его содержанием»²³. Мифологическая легенда – это деритуализированный и отчасти десакрализованный мифологический нарратив, сохранивший мифологический сюжет, персонажей, мотивно-образную систему, но бытующий в других условиях, имеющий иную функцию и несущий изменившееся отношение к повествуемой истории.

Заключение

Для белорусской фольклорной традиции релевантна модель смены жанров *миф – легенда – сказка*. Ее компоненты выстроены в направлении снижения сакральности и нарастания фикциональности повествования. Можно констатировать, что с диахронической точки зрения наблюдалось взаимодействие легенды с мифологическими рассказами (на этапе перехода от мифа к фольклору), а также со сказкой и историческими нарративами (в конце фольклорной эпохи). В настоящее время отмечается контаминация жанров в полидискурсивной сфере фольклорного творчества.

В белорусской и китайской культурных традициях идентификация легенды обусловлена различными культурно-историческими условиями. В белорусской культуре легенда принадлежит к динамической традиции, которая характеризуется сменой мифологической системы на религиозную. В этом контексте легенда связана с мифом диахронически, она отражает переход от мифического дискурса к историческому. Легенда отличается от мифа степенью сакральности, отсутствием связи с актуальным культом, профанностью хронотопа и персонажей. Кроме того, легенда, как неканонический и профанный жанр, находится в оппозиции к евангельскому канону и апокрифам. Специфика бытования легенды в китайской культуре обусловлена непрерывностью традиции, в которой миф и легенда сосуществуют, взаимодействуя и взаимообогащаясь. Соответственно, мифологический и легендарный нарративы имеют равный аксиологический и концептуально-дискурсивный статус.

Таким образом, легенда, в силу интегративного, переходного и маргинального характера, является продуктивным жанром, открывающим обширные перспективы для компаративных исследований этнических оснований картины мира и паттернов национального характера.

²¹Левинтон Г. А. Легенды и мифы // Ruthenia : сайт. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/levinton3.htm> (дата обращения: 25.07.2024).

²²Ковалева Р. М., Лукьянова Т. В., Приемко О. В. Фольклористика. С. 152.

²³Ковалева Р. М., Приемко О. В. Интегративная фольклористика. С. 22.

Библиографические ссылки

1. Грынблат МЯ, Гурскі АІ, складальнікі. *Легенды і паданні*. Фядосік АС, рэдактар. 2-е выданне. Мінск: Беларуская навука; 2005. 552 с.
2. Цітавец АВ. Легенда ў сістэме пражытных жанраў беларускага фальклору. У: Кабашнікаў КП, Фядосік АС, Цітавец АВ. *Народная проза*. Мінск: Беларуская навука; 2002. с. 430–437 (Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка; кн. 4).
3. Liu Yuqing. A new model in the study of Chinese mythology. *Journal of Chinese Humanities*. 2017;3:1–22. DOI: 10.1163/23521341-12340040.
4. Xiao You. *Archetype and archetypal image in Chinese myths, legends and tales* [dissertation]. Essex: University of Essex; 2018. 333 p.
5. Тун Даньдань. *Народные легенды как феномен традиционной культуры Китая* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2022. 150 с.
6. Вернер Э. *Мифы и легенды Китая*. Федоров С, переводчик. Москва: Центрполиграф; 2005. 365 с.
7. Чжан Тунъян, Ху Фанфан, Янь Синъе. *Мифы и легенды Китая*. Жмак АС, переводчик. 5-е издание. Москва: Шанс; 2023. 271 с.
8. 吴荣章著. 民间文学理论基础. 成都: 四川大学出版社; 1988. 340 页 = У Жунчжэн. *Базовая теория народной литературы*. Чэнду: Издательство Сычуаньского университета; 1988. 340 с.
9. Гусев ВЕ. *Эстетика фольклора*. Ленинград: Наука; 1967. 319 с.
10. Аникин ВП. *Теория фольклора: курс лекций*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1996. 408 с.
11. Пропп ВЯ. *Фольклор и действительность: избранные статьи*. Москва: Наука; 1976. 330 с.
12. Пропп ВЯ. *Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки*. Москва: Лабиринт; 1998. 512 с.
13. Кравцов НИ. *Славянский фольклор*. Москва: Издательство Московского университета; 1976. 264 с.
14. Sapir E. Indian legends from Vancouver Island. *Journal of American Folklore*. 1959;72:284.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2025.
Received by editorial board 29.01.2025.

ДИСКУССИИ

ДЫСКУСИИ

DISCUSSIONS

УДК 81'33

СЕМИОТИКА КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТ ТЕКСТА К ОБРАЗУ

А. А. БАРКОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. С лингвистической точки зрения интерпретированы функциональность и динамика развития современной коммуникации. Выявлены семиотические особенности компьютерно-опосредованной речевой практики, роль искусственных языков в коммуникации и перспективы их совершенствования. Идентифицирован и описан тренд развития компьютерно-опосредованной коммуникации – дополнение текста образными средствами. В лингвистическом контексте данный тренд подтверждает эффективность и перспективность моделирования коммуникации. Указано, что популярность изображений и креолизованных форм текста свидетельствует об определенном исчерпании потенциала искусственно-языкового инструментария в существующем виде, а также о поиске новых ресурсов.

Ключевые слова: семиотика; компьютерно-опосредованная коммуникация; естественный язык; искусственный язык; лингвистическая интерпретация; модель; текст; образ.

Образец цитирования:

Баркович АА. Семиотика компьютерно-опосредованной коммуникации: от текста к образу. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2025;2:84–89. EDN: XYMVXR

For citation:

Barkovich AA. Semiotics of computer-mediated communication: from text to image. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2025;2:84–89. Russian. EDN: XYMVXR

Автор:

Александр Аркадьевич Баркович – доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Alexander A. Barkovich, doctor of science (philology), docent; head of the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
barkovichaa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8469-8431>

СЕМІЁТЫКА КАМП'ЮТАРНА-АПАСРОДКАВАНАЙ КАМУНІКАЦЫІ: АД ТЭКСТУ ДА ВОБРАЗА

А. А. БАРКОВІЧ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. З лінгвістычнага пункту гледжання інтэрпрэтаваны функцыянальнасць і дынаміка развіцця сучаснай камунікацыі. Выяўлены семіацкія асаблівасці камп'ютарна-апасродкаванай маўленчай практыкі, роля штучных моў у камунікацыі і перспектывы іх удасканалення. Ідэнтыфікаваны і апісаны трэнд камп'ютарна-апасродкаванай камунікацыі – дапаўненне тэксту вобразнымі сродкамі. У лінгвістычным кантэксце гэты трэнд пацвярджае эфектыўнасць і перспектывы мадэлявання камунікацыі. Указана, што папулярнасць вобразаў і крэалізаваных форм тэксту сведчыць аб пэўным вычарпанні патэнцыялу штучна-моўнага інструментарыя ў існуючым выглядзе, а таксама аб пошуку новых рэсурсаў.

Ключавыя словы: семіётыка; камп'ютарна-апасродкаваная камунікацыя; натуральная мова; штучная мова; лінгвістычная інтэрпрэтацыя; мадэль; тэкст; вобраз.

SEMIOTICS OF COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION: FROM TEXT TO IMAGE

A. A. BARKOVICH^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article is devoted to the linguistic interpretation of the functionality and dynamics of modern communication. Semiotic features of computer-mediated speech practice, the role of artificial languages in communication and prospects for their improvement are considered. The trend of computer-mediated communication (supplementing the text with figurative means) is identified and described. In the linguistic context, this trend confirms the effectiveness and perspectives of modelling communication. It is pointed out that the popularity of images and creolised forms of text indicates both a certain degree of exhaustion of the potential of artificial language tools in their current form, as well as the search for new resources.

Keywords: semiotics; computer-mediated communication; natural language; artificial language; linguistic interpretation; model; text; image.

Введение

Сегодня адресантом и адресатом в коммуникации по-прежнему являются люди. Компьютерные системы, несмотря на мифологизацию искусственного интеллекта и гиперболизацию его возможностей, выступают лишь помощниками человека. Современные средства коммуникации ориентированы на естественно-языковую семиотику [1, р. 8]. Однако компьютерное опосредование внесло существенные коррективы в речевую практику: в настоящее время использование возможностей естественных языков дополнилось активным применением искусственных языков [2]. Искусственные кодовые системы, количество которых уже сравнимо с разнообразием кодовых систем естественного происхождения, создавались, создаются и, по-видимому, еще долго будут создаваться по моделям, выкристаллизовавшимся в процессе эволюции человека. По прошествии нескольких десятилетий, в ходе которых существенно изменилась речевая практика, можно констатировать, что современные средства коммуникации не упростили трансляцию содержания, а многократно усложнили ее. Соответственно, новым объектом исследования стала компьютерно-опосредованная коммуникация [3]. В данной связи важным для изучения является семиотический аспект.

Функциональность и динамика развития компьютерно-опосредованной коммуникации в семиотическом аспекте

Несмотря на то что сегодня доступны огромные объемы данных, мощные вычислительные системы и сложные алгоритмы, коэффициент полезного действия использующих их в коммуникации программ

искусственного интеллекта остается невысоким. Данный факт объясняется тем, что применяемые в программировании коды бедны лексически и синтаксически, лишены семиотической надстройки в виде мимики и жестов, а также они весьма поверхностно учитывают контекст. Все это лингвистически прозрачно: «Как бы там ни было, вряд ли можно сомневаться в том, что полная грамматика должна содержать весьма сложные правила семантической интерпретации, обусловленные, по крайней мере отчасти, весьма специфическими свойствами лексических единиц и формальных структур рассматриваемого языка» [4, с. 72]. Если правила упрощены, а единиц мало, то и эффект интерпретации ограничен.

Сфера использования искусственных языков неуклонно расширяется. Они применяются для решения задач машинного обучения, анализа мультимедийной информации, компьютерной лингвистики, геоинформационных сервисов, а также для совершенствования интерфейсов и т. д. [5]. Факт того, что вопросы поверхностной формализации коммуникации не могут быть решены без полномасштабного дублирования семиотических ресурсов естественно-языкового характера, известен давно: существуют аргументы в пользу того, что лингвистическая интерпретация необходима для всех аспектов речевой практики [4, с. 72]. Вместе с тем сложность копирования так называемых универсальных терминологем и категорий для описания компьютерно-опосредованной коммуникации была очевидной уже в 1960-х гг. [4, с. 73]. Тогда же представлялось неизбежным внедрение универсальной семантики на базе универсальной семиотики, хотя на начальном этапе компьютерной революции мало кто мог предположить, что вопросы корректного лингвистического отображения речи не будут решены в обозримом «компьютерном» будущем. Тем не менее «компьютерное» будущее уже наступило, а полноценная замена лингвистике, ориентированной на метаописание естественно-языковой коммуникации, не появилась [6–8].

Примечательно, что в настоящее время нет примеров успешного перевода какого-либо естественного языка в цифровой формат. На первый взгляд, классической иллюстрацией в данном контексте могла бы являться латынь. Все известные тексты на этом языке переведены в цифровой формат и доступны в лингвистическом корпусе *Perseus*¹. Теоретически латынь можно изучить и использовать не хуже древних римлян, ведь, как отмечал Ф. де Соссюр, «мы не говорим на мертвых языках, но мы отлично можем овладеть их механизмом» [9, с. 53]. Действительно, алгоритмизация и программирование семиотического механизма языка возможны, но лишь в отношении закрытого и ограниченного набора языковых данных. Полностью формализованным может быть только мертвый язык, застывший в неизменном виде много веков назад. Системы живых естественных языков, которые являются индивидуальными для каждого носителя и изменяются в процессе их использования, невозможно формализовать. Известных текстов на латыни недостаточно для интерпретации некогда существовавшей или гипотетически возможной коммуникации на данном языке, ведь они лишь верхушка айсберга речевой практики.

Достижения, связанные с использованием искусственных языков, не должны вызывать удивления, равно как и обнадеживать: искусственные языки – пока лишь посредники в устоявшейся естественно-языковой коммуникации людей. Однако написать эффективную программу можно даже не владея искусственным языком с детства. Кроме того, можно рассчитывать на успешное выполнение какой-либо лингвистической задачи, поскольку все известные варианты решения уже просчитаны программным обеспечением. Тем не менее в настоящее время замена человеческого менталитета компьютерными технологиями, т. е. создание полноценного искусственного интеллекта, не представляется возможной.

По мере усложнения информационно-коммуникационных задач в геометрической прогрессии нарастают проблемы их верифицированного и научно понятного решения. Сегодня мейнстримом совершенствования компьютерно-опосредованной коммуникации является ее количественное обеспечение контекстом. Именно с этим аспектом связаны достижения в применении инструментария *GPT*. Компьютерные технологии имеют невообразимые для среднестатистического человека возможности сбора и обработки количественных данных. Однако технических способностей недостаточно для описания динамики даже семиотически простых баз данных. Так, до сих пор не зафиксированы все возможные алгоритмы игры в шахматы. К шахматам с большим пиететом и вниманием относились многие известные лингвисты, в том числе Ф. де Соссюр, неоднократно выстраивавший соответствующие аналогии [9]. На первый взгляд, в этой игре нет ничего слишком сложного: задействованы всего 32 фигуры, существуют лишь 64 варианта их локации на доске. На сложность описания игры было указано во времена Ф. де Соссюра. Несмотря на впечатляющие достижения компьютеризации, эта проблема является серьезной и сейчас. При всей кажущейся семиотической ограниченности данной игры даже простой перебор возможных вариантов ходов среднестатистической шахматной партии превращается в сложную задачу для компьютера, хотя он и способен победить 99 % шахматистов из-за обычных человеческих ошибок.

¹Perseus digital library [Electronic resource]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/search> (date of access: 19.01.2025).

Для большинства искусственных языков объем исходного семиотического набора сопоставим с шахматным, поскольку он составляет несколько десятков англоязычных по происхождению лексем. На семиотическом уровне их функциональная предсказуемость и дискретность оказываются недостижимыми. В данном случае своеобразной страховкой от возможных ошибок является первичный для компьютерных технологий бинарный код, состоящий из семиотических компонентов «0» и «1». При этом человек может не менее компетентно, чем компьютерная программа, проанализировать интуитивно (эвристически) сложные комбинации языковых единиц и их динамику. Впечатляет факт того, что компьютер может создавать рифмующиеся тексты необходимого размера, однако полученный результат не будет являться поэзией.

Фактором, определяющим коммуникационную конкурентоспособность и производительность человека, выступает моделирование. Оно позволяет человеку интерпретировать эксплицитный и имплицитный потенциал языка в процессе коммуникации [10]. Следует отметить, что если бы устранение подобных проблем в среде компьютерно-опосредованной коммуникации было очевидным, то инженеры решили бы их уже давно. Однако пока в сфере информационных технологий найдены лишь суррогатные замены для моделирования языковой компетенции человека. В частности, ключевое естественно-языковое измерение «семантика» с точки зрения компьютерного моделирования является категорией, которая регулирует соответствие строк программ уже существующим шаблонам. Если в семиотической системе координат коммуникации, ориентированной на использование естественного языка, семантика играет ключевую роль, то научную и практическую ценность квазисемантики для моделирования искусственного языка даже сложно представить. Эту область компьютерного эрзац-моделирования лингвисты называли бы форматированием стандартных фрагментов программных текстов [11, с. 249].

Моделирование многоуровневой семантической структуры естественного языка представляет собой задачу высокой степени сложности: «Для того чтобы человек мог понять хотя бы единственное слово не просто как душевное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих связях уже должен быть заложен в нем» [12, с. 313]. Ставить такую задачу перед компьютером рано. С одной стороны, компьютерные программы работают с высокой степенью надежности. С другой стороны, проведение аналогий между естественными и искусственными языками пока не приносит результатов. Сегментация высказывания на дискретные элементы (распространенная практика квазилингвистической обработки текста компьютерными системами) «...ведет к анализу языка не более, чем сегментация вселенной ведет к созданию теории физического мира. Формализация частей высказывания таким способом угрожает снова привести к атомизации языка, потому что естественный язык представляет собой результат процесса знаковой символизации на нескольких уровнях, а анализ этого процесса еще даже не начал. Наблюдаемый языковой “материал” не есть поэтому первичная данность, которую остается лишь расчленить на составные части, это уже сложное целое, значимости которого возникают либо из индивидуальных свойств каждого элемента, либо из условий их соотношения, либо, наконец, из объективной ситуации» [13, с. 41–42]. Таким образом, использование искусственных языков пока не может быть корректно организовано. Для начала необходимо добиться лингвистически правильного моделирования образца – естественного языка.

В настоящее время симуляция коммуникации средствами программного обеспечения – задача, решаемая лишь гипотетически, поскольку «число предложений родного языка, которые человек сразу поймет, не ощущая трудности или необычности, является астрономическим и... число моделей, лежащих в основе нормального использования языка и соответствующих осмысленным и легко воспринимаемым предложениям на нашем родном языке, является величиной на несколько порядков большей, чем число секунд в жизни человека» [4, с. 23]. Наблюдение, сделанное одним из идеологов искусственного интеллекта в 1950-х гг., не утратило своей актуальности на фоне современных высокотехнологичных обстоятельств функционирования языка. Сегодня дополнительная сложность состоит в том, что огромный объем компьютерно-опосредованной коммуникации обеспечен образными ресурсами языка, которые пока не охвачены лингвистикой.

При очевидной несовместимости естественно- и искусственно-языковой ресурсных баз предпринимаются активные попытки расширить коридор между ними. Нужно констатировать, что компьютерное моделирование живого языка предполагает как минимум более широкий набор необходимых категорий и конструкций. В частности, такая целесообразность обуславливает расширение спектра грамматических моделей, что подтверждается примерами использования нестандартных лингвистических схем в корпусных исследованиях. Например, в Национальном корпусе русского языка зафиксированы 2 формы повелительного наклонения глаголов (повелительное наклонение и второе повелительное наклонение), 11 падежей существительных (именительный, звательный, родительный, второй родительный, дательный, винительный, второй винительный, творительный, предложный и второй предложный

падежи, счетная форма)². Таким образом, сужать семиотический инструментарий естественного языка до уровня искусственного языка нецелесообразно. Тем не менее система склонения, имеющая латинское происхождение, не соответствует и богатым возможностям естественного, в частности русского, языка. Впрочем, она не соответствовала и возможностям живого латинского языка. Однако в естественно-языковой коммуникации это и многие другие несоответствия эффективно замещаются иными, в том числе семиотическими, средствами. Именно дефицит традиционных языковых средств обусловил востребованность пиктографических знаков в интернете и развитие системы эмодиконов.

Достижение полноценной лингвистической эквивалентности естественных и искусственных языков с помощью имеющихся семиотических ресурсов является практически нереализуемой задачей при современном уровне развития технологий. Даже создать теоретически корректную матрицу сопряжения категорий пары каких-либо естественных языков пока не удалось. Любая базовая модель претерпевает существенные изменения при ее коммуникационной реализации. Лингвистике всегда была доступна лишь часть языкового потенциала. Факт того, что «язык использует лишь небольшую часть от громадного числа теоретически возможных комбинаций, которые могли бы дать свободное соединение минимальных основных элементов», известен давно [13, с. 23–24]. Для изучения предиктивности, легитимности, частотности и иных свойств языковых единиц технологические преимущества компьютерной методологии неоспоримы. Однако количественных методик недостаточно для полноценного охвата речевой практики. Так, в моделировании компьютерно-опосредованной коммуникации, несмотря на практические успехи инженеров, многие семиотически обусловленные задачи по-прежнему научно необоснованны. Создание новых искусственных языков, которые более предметно ориентированы на человеческое общение, может помочь решить задачи совмещения новых языковых средств с естественно-языковой коммуникационной базой.

Названные выше факты не препятствуют формированию семиотического тренда развития современной коммуникации. Изменение семиотического инструментария свидетельствует о преобразованиях, затрагивающих основы коммуникации. Активная экспансия образов в компьютерно-опосредованной коммуникации позволяет идентифицировать как тренд дополнение текстов и их замещение образами. В научном контексте модель также является образом – визуально распознаваемым и интерпретируемым представлением. Образы-модели, образы-символы, образы-рисунки, образы-фотографии заполняют современное коммуникационное пространство интернета намного быстрее, чем тексты. Давно стала рисунком изначально текстовая капча, роль ключа доступа от текстовой кодировки перешла к QR-кодам. Кроме того, тексты, размещенные в интернете, практически всегда сопровождаются образной семиотикой. Классическим примером такой гибридной семиотики стал интернет-мем – сложный феномен коммуникации. Семантическая завершенность и информационная цельность интернет-мема дополняют его когнитивную идентичность, не нарушая функциональности. Популярность данного феномена полностью обоснованна: он успешно решает коммуникационные задачи.

Образному насыщению компьютерно-опосредованной коммуникации есть простое объяснение: образ подобно интерпретируется и человеческим мозгом, и компьютерной программой. Данный процесс происходит на основе не вторичной когнитивной надстройки – текстовой, а первичной когниции – визуальной, что экономит огромные ресурсы и человеческой ментальности, и компьютерной памяти. Все нюансы цветопередачи изображений, «запрограммированные» природой для человека, легко программируются и для компьютера. Будучи интерпретируемыми в предельно упрощенном виде, они полностью совместимы с интерфейсом коммуникации, основанном на бинарном коде.

Компьютерно-опосредованная коммуникация стихийным образом развивается в направлении замещения текстов образами. В данном случае помощь науки весьма условна. Теоретические обобщения практических достижений в сфере информационно-коммуникационных технологий отстают от их реализации нередко на десятилетия. Однако следует отметить теоретическое развитие лингвистики, особенно ее компьютерной составляющей. Она активно интегрируется в сферу организации научно-информационного труда. Так, лингвистические конференции редко проходят без компьютерных секций. Кроме того, именно лингвисты востребованы в информационном обеспечении сферы коммуникации: они оказываются компетентными как тестировщики, девелоперы, системные администраторы, аналитики и программисты. Сегодня научное сопровождение сферы информационных технологий существенно зависит от той лингвистики, которая разрабатывает, описывает и обеспечивает корректное использование семиотики как естественно-языковой, так и искусственно-языковой коммуникации.

Вместе с преобразованием коммуникации меняется описывающая ее лингвистика. Каждый из видов общения характеризуется уникальной совокупностью дифференциальных языковых признаков «с учетом

²Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.02.2025).

динамики его возникновения, формирования, развития, “угасания” и прекращения» [14, с. 17]. Подстроить речевые закономерности и специфику под обычаи лингвистики практически невозможно, но можно предметно изучать «речевые формы экспликации и импликации высказывания, его качественные и количественные характеристики» [14, с. 17]. Динамика развития коммуникации обуславливает пересмотр многих лингвистических канонов, в том числе аспекты семиотики. Задаваемый сферой компьютерно-опосредованной коммуникации инновационный уровень обеспечения человеческого общения в условиях научно-технической революции требует обстоятельного рассмотрения особенностей современного развития языка, чтобы сбылись ожидания человечества и «Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины»³. Немаловажную роль в этом развитии играют понимание, изучение и совершенствование семиотических стандартов компьютерно-опосредованной коммуникации.

Заключение

Существенная научная составляющая современной лингвистики – это ее семиотическая основа. Семиотика компьютерно-опосредованной коммуникации является проблемной областью. Динамика ее изменения вполне осязаема и лингвистически идентифицируема. В свое время коммуникация на базе образов смогла развиваться благодаря переходу к воплощенной в текстах семиотике абстрактных знаков, высшим достижением которой стала семиотика цифр. Сегодня вектор развития семиотики коммуникации кардинально меняется: коммуникация текстов уступает место коммуникации образов.

Библиографические ссылки

1. Barkovich A. Informational linguistics: computer, Internet, artificial intelligence and language. In: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc. *1st International conference on artificial intelligence in information and communication (ICAIIIC 2019); 2019 February 11–13; Okinawa, Japan*. Okinawa: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc.; 2019. p. 8–13. DOI: 10.1109/ICAIIIC.2019.8668989.
2. Carr CT. *Computer-mediated communication: a theoretical and practical introduction to online human communication*. 2nd edition. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2024. 336 p.
3. High AC, Ruppel EK, McEwan B, Caughlin JP. Computer-mediated communication and well-being in the age of social media: a systematic review. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2023;2:420–458. DOI: 10.1177/02654075221106449.
4. Хомский Н. *Язык и мышление*. Раскин ВВ, редактор; Городецкий БЮ, переводчик. Москва: Издательство Московского университета; 1972. 126 с.
5. Маннинг КД, Рагхаван П, Шютце Х. *Введение в информационный поиск*. Браславский ПИ, Ключин ДА, Сегалович ИВ, редакторы; Ключин ДА, переводчик. Москва: Вильямс; 2011. 528 с.
6. Herring SC, Dainas AR. Improbable conversations: interactional dynamics in TikTok duets. *Discourse, Context and Media*. 2025;1:2–10. DOI: 10.1016/j.dcm.2024.100821.
7. Ingber AS. Understanding screenshot collection and sharing on messaging platforms: a privacy perspective. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2025;1:1–13. DOI: 10.1093/jcmc/zmae023.
8. Thang PC, Trang TTN. Beyond the newsroom: how computer-mediated communication is reshaping journalism in Vietnam. *Media Asia*. 2023;2:187–210. DOI: 10.1080/01296612.2023.2268435.
9. де Соссюр Ф. *Труды по языкознанию*. Москва: Прогресс; 1977. 695 с.
10. Баркович АА. Особенности дискурсивного моделирования компьютерно-опосредованной коммуникации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2015;15:24–39.
11. Баркович АА. *Лінгваінфармаційна специфіка камп'ютарно-опосередкованого дискурсу*. Мінск: БДУ; 2015. 304 с.
12. фон Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Рамишвили ГВ, редактор. Москва: Прогресс; 1984. 397 с.
13. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Степанов ЮС, редактор; Караулов ЮН, Мурат ВП, Барышева ИВ, Мельникова ИН, переводчики. Москва: УРСС; 2002. 448 с.
14. Потапова РК, Потапов ВВ. *Речевая коммуникация: от звука к высказыванию*. Москва: Языки славянских культур; 2012. 464 с. (Studia philologica).

Статья поступила в редакцию 18.02.2025.
Received by editorial board 18.02.2025.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Ирина Степановна
СКОРОПАНОВА

Ірына Сцяпанаўна
СКАРАПАНАВА

Irina Stepanovna
SKOROPANOVA

Известный белорусский ученый-литературовед, доктор филологических наук, профессор Ирина Степановна Скоропанова 2 апреля отметила свое 80-летие.

Ирина Степановна родилась в 1945 г. в Москве в семье ученого и врача. В 1947 г. ее отец был направлен на работу в восстанавливаемый после войны Минск. С того момента вся жизнь И. С. Скоропановой оказалась связана со столицей Беларуси. Однако она никогда не теряла контакта с Москвой, где проводила каникулы, посещая театры, музеи, литературные вечера, кинофестивали.

Из-за широкого круга интересов Ирина Степановна не сразу определилась с выбором учреждения высшего образования и по окончании школы сначала поступила на искусствоведческий факультет Белорусского государственного театрально-художественного института. При всей увлеченности

артистической атмосферой заведения И. С. Скоропанова интересовалась литературой, которую в театральном институте преподавали в весьма ограниченном объеме. Через год она приняла решение о переводе на второй курс филологического факультета БГУ.

Окончив филологический факультет в 1967 г., Ирина Степановна поступила в аспирантуру. Это было время поздней оттепели, и уже активно стали издаваться произведения М. А. Булгакова. Именно они вызвали наибольший интерес у молодого исследователя. В московских библиотеках и Центральном государственном архиве литературы и искусства И. С. Скоропанова стала собирать необходимый материал, но столкнулась с тем, что далеко не все архивные источники по творчеству М. А. Булгакова оказались доступными. Однако Ирине Степановне посчастливилось познакомиться

и подружиться с Е. С. Булгаковой, послужившей прототипом Маргариты в романе «Мастер и Маргарита», что открыло ей доступ даже к неопубликованным произведениям писателя. В свою очередь, ученый помогала Елене Сергеевне в техническом оформлении материалов, готовившихся для передачи в архив. Под некоторыми из них подписи сделаны ее почерком.

В начале 1972 г. И. С. Скоропанова защитила кандидатскую диссертацию «Идейно-художественные искания М. А. Булгакова (20-е годы)» (научный руководитель – профессор Л. И. Фигловская). Главным оппонентом выступил маститый московский литературовед С. И. Шешуков, отметивший, что эта работа является первой в СССР диссертацией по творчеству М. А. Булгакова, который заслуживает внимания филологов. Так начался путь Ирины Степановны в большую науку.

Еще в период подготовки к защите, с 23 февраля 1971 г., И. С. Скоропанова начала работать в БГУ. Сначала она была младшим научным сотрудником, затем – преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры русской советской литературы, которая в дальнейшем стала называться кафедрой русской литературы.

Послеоттепельный период в жизни советского общества, когда наступил застой, оказался непростым, что испытала на себе и Ирина Степановна. За последующие 20 лет она сумела опубликовать лишь десятую часть написанного. Первую книгу «Поэзия в годы гласности» (1993) И. С. Скоропанова смогла издать лишь в постсоветский период, зато она как специалист лучше многих других оказалась подготовлена к восприятию и анализу возвращенной и новой литературы, открывшейся читателям и специалистам. Из написанного ранее ученому удалось опубликовать пособие для учителя «Борис Пастернак» (2002). Главным объектом изучения Ирины Степановны стала парадигма *реализм – модернизм – постмодернизм в русской литературе XX – начала XXI в.* Наибольшую известность получило вышедшее в Москве учебное пособие «Русская постмодернистская литература» (1999), которое выдержало шесть переизданий. Следует отметить, что оно представлено на сайтах России, Польши, Украины, Сербии, США, ЮАР, Тайваня. В 2000 г. в Минске была выпущена монография И. С. Скоропановой «Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык», переизданная в расширенном объеме в 2002 г. в Санкт-Петербурге. Кроме того, были опубликованы пособия для студентов «Роман В. Пелевина “Чапаев и Пустота” как объект интерпретаций» (2004) и «Киберпанк Владимира Сорокина “Пир”: опыт прочтения и изучения» (2006). Примечательно, что названная выше монография была представ-

лена в реферативном изложении в энциклопедии «Постмодернизм» (2001), изданной в Минске, и получила положительную оценку в рецензиях, опубликованных учеными из Беларуси, России, Польши, Чехии, Украины и других стран в журналах «Przegląd Rusycystyczny» (2000. № 3), «Slavia Orientalis» (2000. № 3), «Новый мир» (2002. № 4), «Вестник БГУ» (2003. № 2), «Slavistika na krizovatce» (2003) и т. д.

В 2003 г. И. С. Скоропанова защитила докторскую диссертацию «Русская постмодернистская литература: типология, поэтика, концептосфера», первым оппонентом которой выступил известный российский ученый-литературовед Ю. Б. Орлицкий. В 2007 г. Ирине Степановне было присвоено ученое звание профессора.

Поле научных исследований И. С. Скоропановой постоянно расширяется. В статьях, написанных в XXI в., она обращалась к творчеству модернистов и авангардистов (А. А. Блок, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, М. И. Цветаева, В. Ф. Ходасевич, Г. В. Иванов, М. А. Волошин, Н. А. Заболоцкий, Г. Н. Айги, В. Н. Некрасов, Г. В. Сапгир, Е. В. Харитонов, И. А. Бродский, В. А. Соснора, Саша Соколов, К. А. Кедров и др.), постмодернистов (Л. М. Гиршович, М. Б. Кононов, Ю. В. Буйда, Г. Г. Радов, А. К. Секацкий, Д. А. Пригов, А. В. Левкин, В. А. Шаров, В. Г. Сорокин, М. Ю. Угаров, М. А. Сухотин, М. Ю. Берг, В. В. Ерофеев, В. О. Пелевин, З. Е. Зиник, И. Г. Яркевич и др.) и реалистов (Э. В. Лимонов, М. И. Арбатова, И. Ю. Стогов, Л. Н. Турбина и др.). Ирина Степановна печатается как под своей фамилией, так и под псевдонимами и анонимно.

Результатами активизации на филологическом факультете БГУ литературных встреч с писателями из Беларуси и России стали составление и издание И. С. Скоропановой двух сборников «Материалы творческих встреч с писателями» (2006, 2010), в которых представлены выступления и интервью таких авторов, как Д. Е. Галковский, М. И. Арбатова, Г. Г. Радов, В. Н. Некрасов, Д. Б. Воденников, Д. В. Кузьмин, З. Е. Зиник, А. С. Калецкий и др. Писателям, с которыми возникли самые тесные отношения, профессор посвятила монографические книги «Стихи-диссиденты Всеволода Некрасова» (2020), «Культурфилософские шифры Анатолия Королева» (2021), «Интегративное письмо в поэтической книге Михаила Сухотина: 4 поэмы нулевых и неправильные стихи» (2023). В 2020 г. вышла монография Ирины Степановны «Феномен мещанства в творчестве русских писателей».

Ученый уделяет большое внимание белорусскоязычной и русскоязычной литературе Беларуси конца XX – начала XXI в. Наряду со статьями

И. С. Скоропанова подготовила хрестоматию «Минская школа на рубеже XX – XXI веков» (2007), книгу монографических статей «Концептуальная парадигма прозы Анатолия Андреева» (2015), монографию «Поставагангардызм Віктара Жыбуля» (2018).

Ирина Степановна является постоянным автором кафедральных сборников научных статей. В частности, она была ответственной за выпуск сборников «Русская литература: известные и новые имена» (2019) и «Анализ одного произведения» (2020), а также публикаций в иных белорусских и российских научных сборниках.

На настоящий момент И. С. Скоропанова – автор 341 публикации, в числе которых 5 монографий, 2 книги монографических статей, 6 учебных пособий и более 320 научных статей и материалов конференций. Также она является соавтором учебного пособия «Русская литература первой половины XX века» (2009). Во второй том семитомного издания «Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» (2001) вошла статья профессора «Поэтическая философия Александра Кушнера». К 70-летию Ирины Степановны был издан сборник научных статей «Антимардонг» (2015).

На протяжении многих лет И. С. Скоропанова осуществляла руководство курсовыми и дипломными работами студентов специальности «русская филология», диссертациями магистрантов специальности «литературоведение». Кроме того, она координировала работу 9 аспирантов, защитивших кандидатские диссертации, и являлась научным консультантом Т. В. Данилович, которая в 2024 г. защитила докторскую диссертацию «Модели чистого искусства в литературно-критическом наследии русских писателей».

За годы научной деятельности Ирина Степановна приняла участие в десятках международных конференций и научных мероприятий как в Беларуси, так и за ее рубежом. В их числе нужно отметить VIII Международный конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) «Русский язык и литература в современном диалоге культур» (Регенсбург, 1994), Международную научную конференцию «Русский формализм, современная литература, теория и поэтика» (Дели, 1994), IX конгресс МАПРЯЛ «Русский язык, литература и культура на рубеже веков» (Братислава, 1999), Международную научную конференцию «Постмодернизм: pro et contra» (Тюмень, 2002), III Международный форум русистов стран СНГ и Балтии (Минск, 2009), XV конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2023).

Два срока (2003–2013) И. С. Скоропанова являлась членом сравнительной комиссии славянских

литератур при Международном комитете славистов, участвовала в выполнении Международной программы «Славянские литературы после 1989 года». Она состояла в редакционной коллегии журнала «Народная асвета» (Минск) в 1996–1998 гг., а также была членом редакционной коллегии научного сборника «Султанівський читання» (Украина) в 2015–2019 гг. С 2023 г. Ирина Степановна сотрудничает с организаторами всероссийского Ницше-семинара.

В настоящее время И. С. Скоропанова является членом совета по защите диссертаций при БГУ, членом совета по защите диссертаций при Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, председателем литературоведческого научного семинара по предварительной экспертизе диссертаций студентов филологического факультета БГУ.

За многолетнюю плодотворную научную и преподавательскую деятельность И. С. Скоропанова была удостоена звания почетного профессора БГУ (2015) и следующих наград: нагрудного знака Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі» (2015), благодарности ректора БГУ (2019), нагрудного знака «100 год БДУ» (2021), диплома и нагрудного знака лауреата премии Константина Кедрова (2024), Почетной грамоты БГУ (2024).

Ирина Степановна не останавливается на достигнутом и непрестанно совершенствуется: она умело использует накопленные научные знания при разработке новых лекционных курсов и спецкурсов, а также для углубления устоявшихся курсов; постоянно работает над новыми перспективными научными исследованиями. Подготовленные И. С. Скоропановой научные и методические материалы характеризуются новизной, концептуальной и научно-теоретической обоснованностью, доступностью для усвоения учащимися. Уровень лекций, спецкурсов, спецсеминаров И. С. Скоропановой соответствует новейшему состоянию литературоведческой науки: она использует современные образовательные технологии и стремится побудить в слушателях интерактивный и креативный потенциал. В разное время Ирина Степановна читала на филологическом факультете лекционные курсы «История русской литературы конца XIX – начала XX в.», «История русской литературы XX века», «История русской литературы второй половины XX – начала XXI в.» и спецкурсы «Художественные вершины русской поэзии XX века», «Реализм, модернизм, постмодернизм в мировой литературе», «Теория и история стиховедения», «Аксиологические ориентиры русской литературы XX века», «Анализ художественного текста», «Жанровые системы русской поэзии XIX – XX вв.».

За время работы на кафедре И. С. Скоропанова зарекомендовала себя как высококвалифицированный специалист, у которого есть чему поучиться другим. Ученые, выросшие под ее чутким руководством, ученики и коллеги отмечают ее доброжелательное и внимательное отношение к окружающим, удивительную собранность и работоспособность, увлеченность наукой и поразительный уровень эру-

дированности в разных областях, особенно в вопросах изучения русской литературы.

Поздравляем Ирину Степановну с юбилеем и желаем ей крепкого здоровья, счастья и благополучия, новых достижений и творческих свершений в преподавательской и научной деятельности!

*Л. Л. Авдейчик*¹

¹Людмила Леонидовна Авдейчик – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

Людміла Леанідаўна Аўдзейчык – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Lyudmila L. Avdeychik, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: *milar25@gmail.com*

**Татьяна Николаевна
ВОЛЫНЕЦ**

**Таццяна Мікалаеўна
ВАЛЫНЕЦ**

**Tatyana Nikolaevna
VOLYNETS**

Таленавіты педагог і навуковец, вядомы ў Беларусі і за яе межамі філолаг-русіст, спецыяліст па функцыянальнай граматыцы, лінгвістычным аналізе тэксту і лінгвадыдактыцы, доктар філалагічных навук, прафесар Таццяна Мікалаеўна Валынец 1 мая адзначыла сваё 70-годдзе.

Т. М. Валынец з’яўляецца ўраджэнкай г. Сямёнава Горкаўскай (зараз Ніжагародскай) вобласці Расіі. Яшчэ ў дзяцінстве разам з сям’ёй яна пераехала ў Беларусь, у г. Ліду, дзе ў 1971 г. скончыла сярэднюю школу. У тым жа годзе Таццяна Мікалаеўна стала студэнткай філалагічнага факультэта Гродзенскага дзяржаўнага педагогічнага інстытута. Пасля заканчэння навучання, у 1975 г., яна паступіла ў аспірантуру БДУ. Т. М. Валынец далучылася да лінгвістычнай школы выдатнага беларускага навукоўца П. П. Шубы і пад яго кіраўніцтвам абараніла кандыдацкую дысертацию «Структура руской глагольной парадигмы» (1978). Пры напісанні доктарскай дысертцыі «Семантика и грамматика русского причастия в языковой системе» (1998) навуковым кансультантам таксама выступіў прафесар П. П. Шуба.

Працоўная біяграфія Таццяны Мікалаеўны пачалася ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі (1978–1979). У 1980 г. жыццё непарыва звязала яе з філалагічным факультэтам БДУ. Т. М. Валынец пачала свой шлях як выкладчык кафедры рускай мовы, а ў 2000 г. яна стала працаваць на пасадзе прафесара. У 1987 г. Таццяне Мікалаеўне было прысвоена вучонае званне дацэнта, у 2008 г. – вучонае званне прафесара.

Т. М. Валынец неаднаразова прадстаўляла педагогічныя традыцыі БДУ на міжнародным узроўні. На працягу 2 гадоў яна выкладала рускую мову ў Інстытуце работнікаў транспарту г. Дрэздэна (Гер-

манія). У 2013–2018 гг. Таццяна Мікалаеўна штогод працавала ў якасці запрошанага прафесара ў Інстытуце неафіцыйна Паморскай акадэміі ў г. Слупску (Польшча), чытала лекцыі студэнтам і магістрантам філалагічнага факультэта.

Прафесар працуе ў такіх галінах навукі, як марфалогія і словаўтварэнне, а таксама займаецца даследаваннем пытанняў перакладу, мовы сродкаў масавай інфармацыі, узаемадзеяння моў у сітуацыі блізкароднаснага білінгвізму, эвалюцыі норм у граматыцы і інш. Т. М. Валынец мае больш за 220 навуковых прац, у тым ліку 3 манаграфіі («Грамматический феномен причастия» (Мінск, 1998), «Русское причастие в системно-функциональном аспекте» (Саарбрукен, 2016) і «Наречие в поэтическом тексте: лексико-грамматическое своеобразие и художественно-изобразительные возможности» (Мінск, 2021; у суаўтарстве)). Шырокі дыяпазон даследчыцкіх інтарэсаў Таццяны Мікалаеўны адлюстроўвае тэматыка яе публікацый у айчынных і замежных выданнях, у прыватнасці прац «Окказиональное слово как проводник по социальной реальности» (Аламоўц, 2000), «Об эволюции причастных форм в грамматической системе русского языка» (Ольштын, 2001), «Поэзия грамматики» (Сімферопаль, 2003), «Категория безличности в поэтическом дискурсе» (Архангельск, 2004), «Этностереотипы и их отражение в языковом сознании белорусов» (Мінск, 2009), «О грамматическом своеобразии текстов русских эпиграмм» (Познань, 2010), «Художественная трансформация и актуализация имен прилагательных в тексте» (Слупск, 2011), «Семантика запрета и ее отражение в языках возможных миров» (Слупск, 2012), «Прагматика наречных лексем в поэтическом тексте» (Масква, 2016), «Языковая ситуация в Беларуси и ее отра-

жение в современном газетном тексте» (Лодзь, 2018), «О межтекстовом взаимодействии русского и белорусского языков» (Санкт-Петербург, 2019), «О конкуренции этнонимов *белорус* – *беларус* в коммуникативном пространстве Беларуси» (Слупск, 2022), «Функционально-семантическое микрополе безличности и его реализация в прозе И. А. Бунина» (Гродна, 2023), «Об эволюции нормы в сфере глагольного словообразования» (Брэст, 2024), «О трансформации и деформации языковых норм в современном медиатексте» (Гродна, 2024).

Значны этап у навукова-педагагічнай дзейнасці Т. М. Валынец складаюць даследаванні, прысвечаныя моўнай адукацыі ў пачатковай і сярэдняй школе. З удзелам Таццяны Мікалаеўны былі напісаны вучэбныя праграмы і новыя школьныя падручнікі па беларускай і рускай мовах, напрыклад выданні «Русский язык. Морфология: учебник для школ с углубленным изучением русского языка» (1994), «Беларуская мова: падручнік для 1-га класа школ з рускай мовай навучання» (1998), «Беларуская мова: падручнік для школ з рускай мовай навучання. 2 клас» (1999), «Беларуская мова: падручнік для школ з рускай мовай навучання. 3 клас» (2000), «Русский язык: учебник для 3-го класса школ с белорусским языком обучения» (2000), «Русский язык. Культура устной и письменной речи. Учебник для 6-го класса школ с русским языком обучения» (2003), «Русский язык. Культура устной и письменной речи. Учебник для 7-го класса школ с белорусским и русским языками обучения» (2020), «Русский язык. Учебник для 10-го класса (базовый и повышенный уровни) школ с белорусским и русским языками обучения» (2020) і інш. Настаўнікі Беларусі добра ведаюць Таццяну Мікалаеўну як спецыяліста па выкладанні марфалогіі рускай мовы, члена рэдакцыйнай калегіі рэспубліканскага навукова-метадычнага часопіса «Русский язык и литература», аўтара каля 30 падручнікаў для агульнаадукацыйных школ, а таксама 20 дапаможнікаў па рускай мове для студэнтаў-філолагаў, абітурыентаў, вучняў, настаўнікаў.

На працягу 10 гадоў прафесар кіравала секцыяй пачатковай адукацыі Вучэбна-метадычнага цэнтры пры Нацыянальным інстытуце адукацыі Рэспублікі Беларусь. Т. М. Валынец стаяла ля вытокаў стварэння часопіса «Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа» і з моманту яго заснавання (1997) выконвала абавязкі галоўнага рэдактара. У 2014 г. Таццяна Мікалаеўна стала лаўрэатам прэміі У. І. Пічэты ў галіне сацыяльных і гуманітарных навук як адзін з аўтараў вучэбна-метадычнага комплексу па беларускай мове для 1–4-х класаў школ з рускай мовай навучання.

Т. М. Валынец з'яўляецца экспертам, які супрацоўнічае з Рэспубліканскім інстытутам кантролю

ведаў і штогод забяспечвае карэктнасць тэставых матэрыялаў для цэнтралізаванага экзамену па рускай мове. Акрамя таго, яна працуе ў прэзідыуме Навукова-метадычнага савета пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь, дзе дбае пра якасць вучэбных выданняў для агульнаадукацыйных школ і ўстаноў вышэйшай адукацыі краіны.

На філалагічным факультэце БДУ Таццяна Мікалаеўна выкладае лінгвістычныя дысцыпліны «Марфалогія» (для студэнтаў-русістаў), «Мастацкі тэкст: лінгвастылістычны аспект», «Граматычная семантика» і «Мова СМІ» (для магістрантаў спецыяльнасці «мовазнаўства»). Навуковыя працы яе вучняў неаднаразова займалі прызавыя месцы на рэспубліканскіх конкурсах.

Т. М. Валынец з'яўляецца ўдзельнікам шматлікіх міжнародных форумаў і канферэнцый па мовазнаўстве, у тым ліку такіх сусветна значных, як XI–XIV кангрэсы Міжнароднай асацыяцыі выкладчыкаў рускай мовы і літаратуры. Яе працы ведаюць у краінах СНГ, Усходняй і Заходняй Еўропы. Таццяна Мікалаеўна і сама займаецца арганізацыяй навуковых мерапрыемстваў: на працягу 20 гадоў яна ўваходзіць у склад арганізацыйнага камітэта Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Руская мова: сістэма і функцыянаванне», якую праводзяць кожныя 2 гады ў БДУ. Акрамя таго, прафесар вядома ў Беларусі і за яе межамі як член рэдакцыйных калегій аўтарытэтных навуковых часопісаў «Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы», «Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. Куляшова», «Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія» і «Polilog».

Шмат гадоў Таццяна Мікалаеўна вядзе навукова-арганізацыйную працу, звязаную з падрыхтоўкай кадраў вышэйшай кваліфікацыі. У 2006–2015 гг. яна была вучоным сакратаром экспертнага савета Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь. Зараз Т. М. Валынец з'яўляецца членам 2 спецыялізаваных саветаў па абароне кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый пры БДУ, старшынёй навуковага семінара па папярэдняй экспертызе дысертацыйных даследаванняў па 3 спецыяльнасцях напрамку «філагічныя навукі» («беларуская мова», «руская мова» і «параўнальна-гістарычнае, тыпалагічнае і супастаўляльнае мовазнаўства»). Пачынаючы з 2000 г. пад кіраўніцтвам прафесара былі падрыхтаваны і паспяхова абаронены 9 кандыдацкіх дысертацый, у тым ліку праца аспіранта з Ірана.

Навуковая і педагагічная дзейнасць Т. М. Валынец была мнагакратна адзначана рознымі ўзнагародамі. Да іх адносяцца грамата Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР (1986), ганаровыя граматы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (1991, 2003), Ганаровая грамата Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі

Беларусь (2009), Ганаровая грамата Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь (2015), нагрудныя знакі «Выдатнік адукацыі» (2005) і «Заслужаны работнік БДУ» (2014).

Прафесійнае майстэрства і высокая культура Таццяны Мікалаеўны спалучаюцца з найлепшымі чалавечымі якасцямі: інтэлігентнасцю, прыстойнасцю, добрасумленнасцю, справядлівасцю. Яе навуковая творчасць і майстэрства педагога склада-

юць гонар айчыннай лінгвістыкі і моўнай адукацыі, а таксама садзейнічаюць падтрымцы іх міжнароднага аўтарытэту.

Калектыў кафедры рускай мовы, калегі і вучні Таццяны Мікалаеўны сардэчна віншуюць яе з юбілеем і жадаюць моцнага здароўя, натхнення і творчых здабыткаў!

І. С. Роўда¹, І. Э. Ратнікава²

¹Іван Семенович Ровдо – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Іван Сямёнавіч Роўда – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ivan S. Rovdo, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: rovdois@bsu.by

²Ірына Энглеўна Ратнікова – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Ірына Энглеўна Ратнікава – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Irina E. Ratnikova, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: ratnikova@list.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АННОТАЦІЇ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.111'276.6:33(075.8)

Профессионально ориентированный иностранный язык (английский) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец.: 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-0411-02 «Финансы и кредит», 6-05-0311-05 «Экономическая информатика», 6-05-1036-02 «Экономическая безопасность», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-1036-03 «Государственный аудит» / БГУ ; сост.: А. А. Воскресенская [и др.] ; под общ. ред. А. А. Воскресенской. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 289 с. Приложение. Библиогр.: с. 273–274. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326307>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.02.2025, № 002520022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Профессионально ориентированный иностранный язык (английский)» предназначен для студентов экономических специальностей и направлен на развитие академических, социально-личностных и профессиональных компетенций. Цель ЭУМК – обеспечение студентов материалами для аудиторной и самостоятельной работы, развивающими исследовательские и творческие навыки для формирования языковой личности.

УДК 811.111(075.8)

Английский язык в профессиональной деятельности : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0533-04 «Математика и компьютерные науки», профилизация «Веб-программирование и интернет-технологии» / БГУ ; сост. Т. А. Кашкан. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 33 с. : табл. Библиогр.: с. 33. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326591>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 25.02.2025, № 002825022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Английский язык в профессиональной деятельности» предназначен для студентов специальности 7-06-0533-04 «Математика и компьютерные науки», получающих углубленное высшее и специальное высшее образование. ЭУМК содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций и требования к зачету, вспомогательный раздел, состоящий из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

English in professional activity : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0533-06 «Механика и математическое моделирование», профилизация «Теоретическая и прикладная механика» / БГУ ; сост. Т. А. Кашкан. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 33 с. : табл. Библиогр.: с. 33. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326594>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 25.02.2025, № 002925022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «English in professional activity» предназначен для студентов специальности 7-06-0533-06 «Механика и математическое моделирование», получающих углубленное высшее и специальное высшее образование. ЭУМК содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций и требования к зачету, вспомогательный раздел, состоящий из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111'276.6:55(075.8)

Иностранный язык (английский) (профессиональная лексика) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0532-04 «Геология» / БГУ ; сост.: И. В. Боровикова [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 101 с. : табл. Библиогр.: с. 101. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326598>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 25.02.2025, № 003025022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский) (профессиональная лексика)» предназначен для студентов факультета географии и геоинформатики I ступени получения высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов и требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, состоящий из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111'276.6:91(075.8)

Профессиональная лексика (английский язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 7-06-0532-01 «География», 7-06-0532-02 «Гидрометеорология», 7-06-0532-04 «Геология», 7-06-0521-01 «Экология», 7-06-0521-02 «Прикладная геоэкология» / БГУ ; сост. И. Л. Шарейко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 69 с. : табл. Библиогр.: с. 58. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326622>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.02.2025, № 003126022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Профессиональная лексика (английский язык)» предназначен для студентов специальностей 7-06-0532-01 «География», 7-06-0532-02 «Гидрометеорология», 7-06-0532-04 «Геология», 7-06-0521-01 «Экология», 7-06-0521-02 «Прикладная геоэкология» факультета географии и геоинформатики, получающих углубленное высшее и специальное высшее образование. ЭУМК содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов и требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, состоящий из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 81'255.2:62(075.8)

Научно-технический перевод : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 7-06-0532-01 «География», 7-06-0532-02 «Гидрометеорология», 7-06-0532-04 «Геология», 7-06-0521-01 «Экология», 7-06-0521-02 «Прикладная геоэкология» / БГУ ; сост. И. Л. Шарейко. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 68 с. : табл. Библиогр.: с. 56. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326623>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.02.2025, № 003226022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Научно-технический перевод» предназначен для студентов специальностей 7-06-0532-01 «География», 7-06-0532-02 «Гидрометеорология», 7-06-0532-04 «Геология», 7-06-0521-01 «Экология», 7-06-0521-02 «Прикладная геоэкология» факультета географии и геоинформатики, получающих углубленное высшее и специальное высшее образование. ЭУМК содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел, состоящий из предметно-тематического содержания, методических рекомендаций для преподавателя и обучающихся, в том числе по организации самостоятельной работы обучающихся, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, методику формирования оценки, образцы письменных работ и требования к зачету, вспомогательный раздел, состоящий из учебно-методической карты, списка электронных ресурсов и рекомендуемой литературы.

УДК 811.111'276.6:57(075.8)

Иностранный (английский) язык в профессиональной деятельности : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0511-01 «Биология» / БГУ ; сост.: А. Э. Черенда [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск :

БГУ, 2025. 56 с. : табл. Библиогр.: с. 55. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326624>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.02.2025, № 003326022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный (английский) язык в профессиональной деятельности» предназначен для студентов специальности 7-06-0511-01 «Биология», получающих углубленное высшее и специальное высшее образование. ЭУМК содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов и требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, состоящий из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.161.1'44(075.8) + 811.111'44(075.8)

Типология родного и иностранного языков : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01 «Современные иностранные языки (по направлениям)» / БГУ ; сост. С. В. Воробьева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 66 с. : табл. Библиогр.: с. 61–63. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326973>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2025, № 004111032025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Типология родного и иностранного языков» предназначен для студентов направления специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)». В ЭУМК представлен теоретический материал по учебной дисциплине «Типология родного и иностранного языков», задания для работы на семинарских занятиях и самостоятельной работы студентов, образцы заданий контрольных работ, перечень рекомендованных учебных пособий и научных изданий.

УДК 811.124(072)(082) + 811.14'01(072)(082) + 821.124'02.09(072)(082) + 821.14'02.09(072)(082)

Классические языки и античная культура: рецепция, методика преподавания : материалы Межуниверситетского круглого стола (Минск, 22 янв. 2025 г.) / БГУ ; редкол.: А. В. Кириченко (отв. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 94 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/326974>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2025, № 004212032025. Текст : электронный.

В сборнике представлены материалы Межуниверситетского круглого стола «Классические языки и античная культура: рецепция, методика преподавания», который состоялся 22 января 2025 г. на филологическом факультете БГУ. Материалы охватывают широкий спектр вопросов, касающихся преподавания древнегреческого и латинского языков, особенностей перевода текстов с классических языков, подготовки преподавателей латинского языка, а также рецепции античной культуры. Сборник адресуется преподавателям латинского и древнегреческого языков, студентам специальности «классическая филология» и всем интересующимся вопросами рецепции античности.

УДК 82.09(437)(075.8)

Вострыкава А. У. Гісторыя славянскай (чэшскай) літаратурнай крытыкі : электрон. вучэб.-метады. комплекс для спец. 1-21 05 04 «Славянская (чешская) филология» / А. У. Вострыкава ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 81 с. Библиогр.: с. 77–81. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/328382>. Загл. с экрана. Деп. у БГУ 14.04.2025, № 005914042025. Текст : электронный.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) прызначаны для студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 04 «Славянская (чэшская) філалогія». ЭВМК уключае ў сябе тлумачальную записку, якая адлюстроўвае структуру ЭВМК, мэты і задачы вучэбнай дысцыпліны і патрабаванні да яе асваення, тэарэтычны раздзел, практычны раздзел, раздзел кантролю ведаў з прыкладамі УСР, дапаможны раздзел, які змяшчае пералік рэкамендаванай для вывучэння дысцыпліны літаратуры. ЭВМК прызначаны для студэнтаў I ступені навучання філалагічнага факультэта БГУ.

УДК 811.1/8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе : материалы IX Респ. науч.-практ. конф. (с международным участием) (Минск, 6 февр. 2025 г.) / БГУ ; редкол.: А. Э. Черенда (отв. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 276 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/329081>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.05.2025, № 006305052025. Текст : электронный.

Сборник материалов IX Республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» включает статьи, в которых рассматриваются вопросы педагогики, психологии и методики преподавания иностранных языков, а также значимые вопросы внедрения инновационных технологий в образовательный процесс. Авторская редакция текстов сохранена.

УДК 811.161.1'243'373.45(075.8-054.6) + 811.124(075.8-054.6)

Латинизмы в современном русском языке : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-02 «Русская филология» / БГУ ; сост.: А. В. Кириченко [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 104 с. Библиогр.: с. 102–104. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/329885>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.06.2025, № 007505062025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для иностранных студентов специальности 6-05-0232-02 «Русская филология» (профилизация «Русский язык как иностранный»). Содержание ЭУМК включает следующие вопросы: историю латинского языка, его влияние на процесс формирования современных европейских языков и роль латыни в современном мире, историю появления латинизмов в русском языке; фонетику латинского языка, основы грамматики и лексику (в минимальном объеме); латинские и латинизированные греческие корневые и аффиксальные словообразовательные элементы в словарном составе русского языка. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ и может использоваться студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.161.3'366(075.8)

Якуба С. М. Марфалогія. У 2 частках. Частка 1 : электрон. вучэб.-метадыч. комплекс з крэатыў. кампанентам для спец. 6-05-0232-01 «Беларуская філалогія» : у 2 ч. Ч. 1 / С. М. Якуба ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2025. 184 с. Бібліягр.: с. 174–175. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/329899>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 05.06.2025, № 007705062025. Тэкст : электронны.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) з крэатыўным кампанентам адрасаваны студэнтам спецыяльнасці 6-05-0232-01 «Беларуская філалогія» (прафілізацыі «Літаратурна-рэдакцыйная дзейнасць», «Дзелавая камунікацыя»). ЭВМК садзейнічае паспяховаму авалоданню граматычнай тэорыі, свядомаму прымяненню граматычных ведаў, уменняў і навыкаў пры вырашэнні практычных задач рознай складанасці, фарміраванні ключавых (базавых), метапрадметных і прадметных кампетэнцый, развіцці творчых здольнасцей навучэнцаў; дапамагае эфектыўнаму выкарыстанню разнастайных метадаў, сродкаў і форм навучання; дазваляе звязаць у адно цэлае веды, атрыманыя студэнтамі з розных крыніц, у працэсе розных відаў дзейнасці на лекцыях і практычных занятках, а таксама пры рэалізацыі індывідуальнай і групавой форм навучання, арганізацыі самастойнай работы студэнтаў. ЭВМК прызначаны для студэнтаў філалагічнага факультэта БДУ, аднак ён можа быць выкарыстаны навучэнцамі іншых устаноў вышэйшай адукацыі.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Шлемен Ю. А.</i> Образ города в чешской поэзии рубежа XIX–XX вв.	5
<i>Балтабаева А. М., Музаффарова Ш. М.</i> Образ повествователя в романе О. Ю. Васякиной «Рана»	12
<i>Фу Мэйянь.</i> Изучение творческого наследия Н. А. Некрасова в конце 1970-х – начале 1990-х гг. в Китае	17

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дорофеенко М. Л.</i> Лингвокультурологическое поле «место» в виконимии Беларуси и Франции ...	22
<i>Зуева О. В.</i> Частный и официальный дискурсы в структуре восточнославянских дипломатических коммуникаций конца XV – начала XVI в.	30
<i>Ковалевская И. И.</i> Договорный дискурс: основные жанры, признаки и функции	41
<i>Котов К. А.</i> Эмпирийные признаки и эталоны сравнения в метафорическом описании глаз человека (на материале русского, английского и испанского языков)	51
<i>аль-Саади С. Н.</i> Лингвистическая интерференция и билингвизм: исследование переключения кодов, языкового сдвига и роли метафор в межъязыковой коммуникации	66

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Чжан Сюнь.</i> Легенда в белорусском и китайском фольклоре: теоретико-методологические аспекты идентификации и классификации жанра	76
---	----

ДИСКУССИИ

<i>Баркович А. А.</i> Семиотика компьютерно-опосредованной коммуникации: от текста к образу.....	84
--	----

ЮБИЛЕИ

Ирина Степановна Скоропанова	90
Татьяна Николаевна Волынец.....	94
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	97

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Шлемен Ю. А.</i> Вобраз горада ў чэшскай паэзіі рубяжа XIX–XX стст.	5
<i>Балтабаева А. М., Музафарова Ш. М.</i> Вобраз апавядальніка ў рамане А. Ю. Васякінай «Рана»...	12
<i>Фу Мэйянъ.</i> Вывучэнне творчай спадчыны М. А. Някрасава ў канцы 1970-х – пачатку 1990-х гг. у Кітаі	17

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Дарафеенка М. Л.</i> Лінгвакультуралагічнае поле «месца» у віканіміі Беларусі і Францыі	22
<i>Зуева В. У.</i> Прыватны і афіцыйны дыскурсы ў структуры ўсходнеславянскіх дыпламатычных камунікацый канца XV – пачатку XVI ст.	30
<i>Кавалеўская І. І.</i> Дагаворны дыкурс: асноўныя жанры, прыкметы і функцыі	41
<i>Котаў К. А.</i> Эмпірычныя прыкметы і эталоны параўнання ў метафарычным апісанні вачэй чалавека (на матэрыяле рускай, англійскай і іспанскай моў)	51
<i>аль-Саадзі С. Н.</i> Лінгвістычная інтэрферэнцыя і білінгвізм: даследаванне пераключэння кодаў, моўнага зруху і ролі метафар у міжмоўнай камунікацыі	66

ФАЛЬКЛАРЫСТЫКА

<i>Чжан Сюнь.</i> Легенда ў беларускім і кітайскім фальклоры: тэарэтыка-метадалагічныя аспекты ідэнтыфікацыі і класіфікацыі жанру	76
---	----

ДЫСКУСІІ

<i>Барковіч А. А.</i> Семіётыка камп’ютарна-апасродкаванай камунікацыі: ад тэксту да вобраза	84
--	----

ЮБІЛЕІ

<i>Ірына Сцяпанаўна Скарапанава</i>	90
<i>Таццяна Мікалаеўна Валынец</i>	94
<i>Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац</i>	97

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Shlemen Yu. A.</i> The image of the city in Czech poetry of the turn of the 19 th and 20 th centuries	5
<i>Baltabaeva A. M., Muzaffarova Sh. M.</i> The image of the narrator in the O. Yu. Vasyakina's novel «Wound»	12
<i>Fu Meiyan.</i> Studying the creative heritage of N. A. Nekrasov in the late 1970s – early 1990s in China	17

LINGUISTICS

<i>Darafeyenka M. L.</i> The linguacultural field «place» in the viconymy of Belarus and France	22
<i>Zuyeva V. U.</i> Private and official discourses in the structure of East Slavic diplomatic communications of the late 15 th – early 16 th century	30
<i>Kovalevskaya I. I.</i> Contractual discourse: the main genres, characteristics and functions	41
<i>Kotov K. A.</i> Sensory characteristics and referential standards in the metaphorical description of human eyes (based on Russian, English and Spanish languages)	51
<i>al-Saadi S. N.</i> Linguistic interference and bilingualism: exploring code-switching, language shift and the role of metaphors in cross-linguistic communication	66

FOLKLORE STUDIES

<i>Zhang Xun.</i> Legend in Belarusian and Chinese folklore: theoretical and methodological aspects of genre identification and classification	76
--	----

DISCUSSIONS

<i>Barkovich A. A.</i> Semiotics of computer-mediated communication: from text to image	84
---	----

JUBILEES

<i>Irina Stepanovna Skoropanova</i>	90
<i>Tatyana Nikolaevna Volynets</i>	94
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	97

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2025**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редактор *М. Д. Баранова*
Технический редактор *А. Р. Голик*
Корректор *М. Д. Баранова*

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editor *M. D. Baranova*
Technical editor *A. R. Golik*
Proofreader *M. D. Baranova*